

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
БОСНИЯ, ГЕРЦЕГОВИНА И РОССИЯ
В 1850-1875 ГОДАХ:
НАРОДЫ И ДИПЛОМАТИЯ

**Академия наук СССР
Институт славяноведения и балканстики**

**ВАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Вып. 13**

**БОСНИЯ, ГЕРЦЕГОВИНА И РОССИЯ
В 1850–1875 ГОДАХ:
НАРОДЫ И ДИПЛОМАТИЯ**

**Материалы "круглого стола"
советских и югославских историков
(Москва, апрель 1990 г.)**

**Москва
1991**

Редколлегия:

**Ю. А. ПИСАРЕВ, В. И. ШЕРЕМЕТ, В. Г. КАРАСЁВ,
В. М. ХЕВРОЛИНА, В. И. КОСИК, Н. В. КАБАКОВА**

Рецензенты:

**доктор исторических наук
И. И. ЛЕЩИЛСКАЯ
доктор исторических наук
В. А. ЗОЛОТАРЕВ**

ISBN 5-201-00707-4

**© ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР,
1991**

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник создан на базе докладов участников советско-югославской научной встречи – "круглого стола" по проблемам истории и истории культуры Боснии и Герцеговины 1850–1875 гг.

Более десяти лет успешно работают советские и югославские историки, выполняя один из проектов научного сотрудничества между АН СССР (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и Межакадемическим советом СФРЮ (Академия наук и искусства Боснии и Герцеговины (См.: Поплыко Д. Ф. Многолетнее сотрудничество советских и югославских ученых // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 230–231). Целью проекта является публикация документов по теме "Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1878 гг." Уже вышли из печати два тома (1850–1864. М., 1985. 494 с.; 1865–1875. М. 1988. 438 с.).

После выхода в свет первой книги югославская часть редакции организовала первый "круглый стол", материалы которого опубликованы в СФРЮ (*Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875. Međunarodni naučni skup* (Сараево, 13–15 мая 1986). Gl. ured. M. Ekmečić, Red. od-ボg: M. Ekmečić, S. Perazić, I. Tepić. Сараево, 1987, 170 s.).

4–5 апреля 1990 г. в Москве состоялся второй "круглый стол", посвященный выходу в свет второй книги сборника документов. Обе стороны высоко оценили научную значимость сделанных сообщений и приняли решение об их публикации. Статьи югославских ученых по желанию авторов опубликованы на русском языке.

МИЛОРАД ЭКИЕЧИЧ

РУССКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О
НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ В БОСНИИ И ГЕР-
ЦЕГОВИНЕ В 1850 – 1875 ГГ.

Документы из русских архивов представляют собой в высшей степени важный источник для изучения состояния национального сознания в Боснии и Герцеговине после 1850 г. Официальная царская дипломатия поздно открыла для себя необходимость изучения положения дел в этих провинциях, и когда там появились ее первые консулы в 1857 г., они обнаружили, что опоздали по сравнению с французскими и австрийскими коллегами без малого на полвека. Очень быстро стало ясно, что эта потеря времени возмещается более свежим взглядом и потребностью систематического описания общества этих провинций. С другой стороны, все уполномоченные русские путешественники не боялись обнаружить здесь чуждое население, национальное самосознание которого не соответствует основной внешнеполитической доктрине их государства. Но и русские консулы не были совершенно свободны от влияния духовных и политических предубеждений в ходе писания своих донесений. Уверенность в том, что они встречаются с православными единоверцами и славянскими соплеменниками, во многих случаях оказывалась бросающимся в глаза предрассудком, который не позволял им писать донесения с наибольшей полнотой, если это не согласовывалось с общей оценкой.

Протоиерей Раевский из венского посольства в 1850 г. рекомендовал "несчастных единоверцев" из Герцеговины¹. А.Ф.Гильфердинг в 1858 г. говорит, что среди населения Боснии открывает "искреннюю преданность и любовь к России, о которой они знают иначем только, что в ней есть православный царь: про него они говорят не иначе, как "наш

царь "². К.Д.Петкович в 1861 г. полагает, что турецкая комиссия, которая изучает положение народа в Герцеговине, без введения иностранного контроля не принесет ничего хорошего "нашим единоверцам"³. А.М.Горчаков в 1863 г. говорит о "монастырских единоверцах" и препоручает их царю⁴. Несколько ранее он говорил о крайне бедном "положении славянских племен в некоторых провинциях Турции"⁵.

В какой мере здесь речь идет о предубеждении, которое могло мотивировать и неосознанно влиять на общие представления информатора? Без сопоставления с другими источниками было бы невозможно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Представление о православных единоверцах и славянских соплеменниках без сомнения являлось частью общей концепции славянофильской идеологии, из которой все русские информаторы исходили как из основной предпосылки. А.Ф.Гильфердинг был одним из деятелей славянофильского движения и даже являлся одним из шести первых идеологов славянофильства⁶. Весь круг этих людей был обременен убеждением об исторической предопределенности, что Россия освободит славянский народ в Турецкой империи и под своим покровительством объединит его в единую систему славянского Федеративного государства.

В то же время, русские славянофили были крайне недоверчивы к возможности юнославянской интеграции без их руководства. Не только из "Послания к сербам", которое еще в рукописи в 1860 г. И.С.Аксаков привозит в Белград для обсуждения некоторых разногласий с сербскими либералами, но и из многих других источников, явствовало, что русские славянофили о большей радостью хотели бы, чтобы сербское, хорватское и болгарское национальные движения шли раздельно, чем объединенно. Окаменевшая раздробленность юнославянского мира полностью отвечала их убеждениям о существовании общего славянского народа, частью которого они были сами. С другой стороны, акцент на православие⁷ и сосредоточение всей русской официальной деятельности вокруг помощи православным церквам и школам находится в духе славянофильского тезиса о том, что рус-

ский национальный вопрос сводится к церковному вопросу, как это дословно формулировал В.С.Соловьев⁸.

Славянофильская идеология была крайне враждебна относительно возможности развития автономной южнославянской парламентарной демократии. С этой точки зрения славянофилы уже в "Послании к сербам" 1860 г. ясно говорили о том, что парламентарный облик правительства не является самобытно славянским, а импортирован чуждой, западноевропейской идеологией. Во время революции 1848-1849 гг. русские консулы противились практике, чтобы сербское правительство посыпало своих студентов в западноевропейские учебные заведения. С этого времени Матица направляет сербских учащихся в русские университеты⁹.

Противодействие парламентарной демократии, которая якобы изначально связана с выродившейся культурой католического и протестантского Запада, являлось краеугольным камнем теории, что существует "славянская дисциплина" как некая постоянная форма, в которой создаются подлинно славянские правительства. Переводя сказанное на обычный язык, можно сделать вывод, что славянофилы считали, что только автократическая власть в южнославянских государствах отвечает общеславянским политическим основам, и в этом смысле явственно отдавали предпочтение Черногории перед княжеством Сербией.

Этот, возможно идеологический предрассудок, был той основой, которая влияла на творчество русских консулов и путешественников по Боснии и Герцеговине, в данном случае это имеет определенное значение именно при установлении достоверности их известий. Другими словами, югославянский историк, который анализирует русские документы по истории македонского и болгарского народов, встречает затруднения с проверкой русских документальных источников на достоверность. Причиной этого является широко распространенное мнение о том, что русский официальный информатор был пристрастен в пользу болгар. Существует ли такая возможность относительно подобного рода источников о Боснии и Герце-

говине?

В целом, ответ должен быть утвердительным: русские консулы и путешественники не видели процесса национального развития. Они описывали положение вещей, но бытавшая в умах идея всеславянства и русского национального во проса, как вопроса церковного, не позволяла им замечать фактор развития. В этом смысле некоторые западноевропейские источники имеют предпочтение перед русскими. Австрийский консул К. Васич в донесении своему правительству в 1860 г. о населении Боснии и Герцеговины писал, что национальное сознание "в этом грубом народе еще не проснулось". Он связывал его с фактором, что культура письма и чтения, грамотность в народе не развиты¹⁰. Точно так же и консул королевства Сардинии в 1867 г. в своем донесении из Сараева явно подчеркивал, что среди населения Боснии идет процесс национального развития, который еще не завершен: "Славяне, так сказать, примитивные народы, и в силу этого глубоко связанные со своими священниками. В настоящее время они находятся в процессе национального становления. От наших дней до не столь далекого будущего они сформируют представительную нацию"¹¹.

И австрийский, и сардинский консулы того времени были представителями держав, в которых национальное возрождение играло главную роль в политической истории. Так как они вышли из среды, которая целиком разделила убеждение, что национальное сознание народа развивается в долгом историческом процессе, они точно так же смотрели на жителей Боснии и Герцеговины. Уже существует специальная дисциплина исторической науки, которая занимается изучением того изображения, которое один народ создает о другом народе¹². Следует принять во внимание тот факт, что никогда представления иностранных дипломатов не совпадали полностью в освещении положения дел в отношении одного и того же народа, о котором они писали¹³. Все британские информаторы по сравнению с другими дипломатами были склонны преувеличивать силу и старательность

в Турецком государстве. Они были априори убеждены, что социальные волнения организованы извнѣ и не являются дѣлом внутреннего разложения турецкого общества¹⁴. Большинство австрийских дипломатов склонны обходить вопрос идентификации языка и народа в турецких провинциях, и охотнее употребляют иллирийские и славянские названия, чтобы отличить язык и народ от чисто турецкой части в обществе Боснии и Герцеговины. В этом смысле и русские консулы подчеркивали значение христианской веры и общеславянской принадлежности населения Боснии и Герцеговины.

При изучении вопроса о достоверности русских сообщений следует принять во внимание и совокупность других обстоятельств, которые на это влияли. Тут на первое место нужно поставить высокую образованность и профессионализм русских консулов¹⁵. В большинстве случаев речь идет о русских дворянах, которые знали иностранные языки и стремились изучать и язык народа, о котором писали. Если посмотреть даты и темы некоторых донесений, можно прийти к выводу, что русские консулы свою должность исполняли с педантичным усердием и преданностью делу, которая редка среди иностранных дипломатов. Мы располагаем слишком скучными сведениями, чтобы говорить, что некоторые из них ходили на охоту, занимались домашними развлечениями, или отдавали дань каким-либо культурным мароприятиям, которые хотя бы временно отвлекали их от главной задачи. Елизость к народу, особенно во время больших восстаний, привела к тому, что среди русских источников находится намного больше писем, свидетельств или известий от местного населения, чем среди донесений западноевропейских консулов. Точно также русские консулы не проявляли заинтересованности в развитии торговых и экономических отношений с турецким правительством, как их не занимали и экономические выгоды, которые могло получить их правительство от Боснии и Герцеговины.

Время между 1850 и 1875 гг. невидимым образом также определяло политический характер этих донесений: Рос-

сия в Крымской войне потерпела поражение от западных государств, и после 1856 г. она выступает здеоь только как одно из подписавших договор государств-гарантов. Это положение и определило задачи русских консулов в Боснии и Герцеговине. Они не являлись военными шпионами перед большой войной против Турции, и с этой точки зрения источники русского происхождения имеют чрезвычайную важность. В целом, следует сделать вывод, что в данном случае речь идет о чрезвычайно достоверных источниках. И несмотря на предубеждения, обусловленные славянофильской идеологией о вере и славянстве, несмотря на слабый слух, не позволявший уловить начало исторических процессов в развитии балканских национальностей русский консул был достоверным и подлинным информатором о положении дел.

Наиболее частым моментом, просматривающимся во всех донесениях русских консулов, является открытие фактора, новизна которого состоит в отождествлении национального самосознания с верой и церковью. А.Ф.Гильфердинг в 1857 году в своей книге о южнославянских провинциях писал: Сильно ошибаются те, кто между турецкими славянами пропагандируют идею народности по тому образцу, как эта пропаганда организована среди католических и протестантских славян под немецкой властью. Для греческих славян народность, если так можно сказать, не в нации, а в религии. Действительно, рядовой серб знает, что отличается от грека и болгарина, но чувство, которым он охвачен и которое его делает членом человеческого общества есть не чувство народности, а религиозное сознание. В зависимости от того, исповедует ли он православную религию, католическую или ислам, он считает себя соответственно принадлежащим православному, латинскому или турецкому народу. Идентичность языка, происхождения и обычаяв ничего не значит перед различием конфессий. И не выдвигая гипотез, погоните с каким хотите сербом в Турции, не только с простым человеком, но и с представителем образованного мира, и быстро убедитесь в следующем: православные смотрят на

латинян и латиняне на православных как на две отдельные общественные целиности не только с религиозной точки зрения, но и в светском, национальном смысле. Спросите какого угодно босанца, серба или герцеговинца, к какой нации он принадлежит, и он вам ответит, какого он вероисповедания¹⁶. И во всех своих донесениях Гильфердинг подчеркивал эту идентичность веры и нации: "Конечно, не все эти люди одинаково заслуживают уважения и доверия. Иные неограниченно преданы России, в которой видят единственное спасение своей веры и народности (в славянских областях Турции вера и народность синонимы: православные, католики и мусульмане считают себя тремя разными нациями, хотя говорят одним и тем же языком и принадлежат к одному и тому же племени). Другие, не менее ревностные относительно богослужения и готовые жертвовать много для церкви, скрывают, однако, свои политические сочувствия и стараются льстить туркам и прислуживаться им"¹⁷.

Примечательно, что в сознании народа существовавшая идентичность веры и нации не является справедливой. Много других авторов заметило этот факт на сербохорватской языковой территории. Австрийский путешественник Стефан Йованович в топографически-статистическом описании Боснии и Герцеговины в 1862 г. говорит, что сторонники обоих христианских религий, как и приверженцы мусульманской веры, находятся во враждебных отношениях одни к другим. Трудно было бы найти еще одну страну, где бы различия в вероисповедании настолько отчуждали детей одной нации, как в данном случае¹⁸. Православное население называло себя христианами и сербами, мусульмане – турками, а католики – латинянами и даже в Боснийской Краине – мадьярами.

Принимая как данность факт, что население делилось по вероисповеданиям и эту границу считало основным мерилом идентификации, следует поставить вопрос о том, все ли считали это деление действительно национальным делением или рассматривали как деление религиозное в условиях об-

щей неразвитости национального сознания. С этой точки зрения, одну и ту же проблему рассматривали с трех позиций: а) на первой – русские информаторы, которые таким образом подтверждают свои утверждения, что национальный вопрос в сущности есть вопрос церкви; б) 2 – турецкие власти, которые по традиции и закону должны делить народы по вероисповеданиям и этот раздел считать национальным делением; в) 3 – простой народ, который сохранил средневековое деление на религии и взял их средством идентификации. Все три варианта не отходят от одних и тех же исходных точек.

Среди русских консулов А.Ф.Гильфердинг чаще других и наиболее последовательно подчеркивал, что народ в Боснии и Герцеговине свою религиозную принадлежность отождествляет с национальной. Его склонность во всем искать самобытную славянскую культуру, которая единственно возможна вместе с православием и в его церковных рамках, и отрижение культуры протестантских и католических славян как чего-то неславянского, видна особенно выпукло. С другой стороны, известно, что турецкие власти по закону должны были делить народы по религиям, и этот раздел считать политическим делением на разные народы. Официальная система милетов (*millet sistem*) признавала шесть религиозных объединений (общин) в виде отдельных церквей, и это считала делением на народы: *islam mileti*, *rum mileti*, *kato lik mileti*, *jahudi mileti* и два армянских народа. Все мусульмане в империи считались одним народом, как, соответственно, все православные и католики. Православные назывались греками (римлянами), поскольку по греческому обычно они определяли себя как "ромеи". Все перечисленные выше религиозные общины, кроме католиков, в официальной системе народов имели своего представителя в Турецкой империи. Патриарх признанной православной церкви являлся политическим представителем всего православного народа, все заявления которого шли через вселенского патриарха и фанариотского владику. Константинопольский раввин был одновременно представителем евреев в империи. Одни

лишь католики не имели своего церковного старейшины в империи, и православному патриарху и владыке приходилось также представлять и их. По этой причине турки признавали сербов как народ только до 1776 г., пока существовала Печская патриархия. За ее ликвидацией последовало запрещение употреблять в официальных делах какого-либо другого имени кроме предписанного законом. Признание болгарской Экзархии в 1870 г. явилось одновременно и официальным признанием болгарской нации и империи.

Эту систему нарушили с двух сторон, с одной стороны – сама жизнь, с другой – новые реформы в Турецкой империи. Жизнь в эти области внесла национальное возрождение, которое и тут шло под знаменем общности нации и языка. Как во всех других обществах, так и здесь, носителем национальной идеи являлся средний городской класс. Сербские торговцы и интеллигенция первыми начали развивать национальную культуру и заботиться о политическом воспитании народа в сербском национальном духе. Существуют сведения о том, что в 1863 г. сербские торговцы в Сараеве образовали общество для искоренения оскорбительных называний, таких как "влах и чафир", и даже обращения "христианин", и введение вместо них имени "серб". Вопрос представлялся настущим не для горожан, а для крестьян, которые привыкли, что мусульмане называют их так, что "христианин" было самым безобидным. Члены общества, не смев открыто агитировать в городах, выходили для встречи с крестьянами в базарные дни за пределы города, там ждали их и учили не зваться иначе, как "сербы"¹⁹.

Вообще говоря, это было время, когда под влиянием национального возрождения менялись политические имена народов. Попытки сторонников иллирийского движения, собравшихся вокруг Ивана Фране Јукича, внедрить в сознание народа название "иллири", или в случае неудачи считать, что существует нация "боснийцев", не оставили следа в сознании простого люда. Уже в 1863 г. чрезвычайный правительственный комиссар в Госнии Чамил-паша "запретил, чтобы босний-

ские христиане назывались по национальности сербами. Православные должны были называться греческим (рум), а римо-католики – католическим народами (католик милети), а не латинянами, как было принято до сих пор²⁰.

Весьма характерно, что католическое имя менялось, так что сам народ принял вошедшее в обычай деление на христиан и латинян. Хорватское самосознание нигде не замечено в простом народе, и первый раз употребил это определение в Боснии и Герцеговине францисканец Грго Мартич в 1866 г.²¹. Когда бывший иллирийский деятель возрождения Иван Кукульевич-Сакцинский путешествует в 1858 г. по Боснии, он отмечает, что католический народ не знает этого имени²². Постоянная характеристика этой общности остается до конца XIX в.

Турецкие власти с введением реформ и сами меняли традиционную "милет систему". Прежде всего конституционным законом хатт-и-хумаймуном 1856 г. было введено равенство всех жителей империи, не взирая на религиозные и этнические различия. Хотя об этнических различиях не говорилось, предполагалось, что старое деление на отдельные религии изжило себя и официально не признается. Однако на практике осталось старое религиозное представительство, и делегаты в провинциальные и местные меджлисы и далее выбирались по религиозному принципу. Только после 1867 г. было обнаружено это упущение. После Критского восстания, в тот же год участились случаи, когда торговцы начали определять себя тем национальным именем, которое давало право на получение иностранного подданства через консулов других держав. Так, торговцы Павловичи в Сараеве начали хвастаться своим австро-венгерским паспортом и соответственно этому подчеркивали свою австро-венгерскую принадлежность. Наряду с ними, особенно среди греков, было много людей, получивших русские паспорта. При таких обстоятельствах правительство объявило о наличии в империи унитарной османской нации²³. Официальная сараевская газета в 1870 г. действительно начала пропагандировать это распоряжение властей.

тей о провозглашении османской нации как общей для всех жителей государства.

Однако официальное запрещение национальных имен не достигло успеха. Одна из школ в Сараеве, открытая на деньги сараевских православных торговцев, еще в 1855 г. имела сербское имя в названии ("Сербская народная школа"). А в разгар усилий правительства по введению новой национальной общности (османской нации) Йован Р.Джинич напечатал в вилайетской типографии "Госнийско-сербский календарь на простой 1869 год". Более того, и сами турецкие власти употребляли сербское имя в идентификации языка и народа, хотя официально должны были держаться буквы закона о тождестве народа и церковной принадлежности. В 1858 г. вилайетская канцелярия направляет местным властям циркулярный указ и предписывает, наряду с турецким, опубликовать его в "переводе на сербский язык". Для католического населения этот перевод следовало сделать "латинскими буквами"²⁴.

В какой связи находятся приведенные факты с известиями русских (особенно А.Ф.Гильфердинга) консулов и практикой идентификации по официальной "милег системе"? Они явно отступают от утверждения, что народ определяется только по религии. Хотя отсутствуют какие-либо данные относительно католического и мусульманского населения, кроме случая 1853 г., когда латинское название было испробовано для обозначения католического населения, данные о православном населении отчетливо указывают на начавшееся национальное возрождение, когда простой народ стремится определить себя в политическом и национальном отношениях, а не только в плане религиозного имени. Конечно, сербам это было легче сделать, поскольку существовал старинный обычай употреблять сербское имя в смысле религиозной и церковной принадлежности. З свое время Стоян Ноакович приводил данные, из которых видно, что в Приморье в конце средних веков отождествлялись сербская народность и религия.

Очевидно, речь идет о первых сведениях относительно

начавшихся национальных движений в Боснии и Герцеговине в среде сербского народа. Сербы имели в этом временное преимущество благодаря тому, что имя "хорваты" ни в сознании простого народа, ни в среде образованного католического мира, действительно, ранее не существовало. Распространение этого определения проявляется после оккупации 1878 г., но потребуется несколько десятилетий для того, чтобы простой народ начал сам себя так называть.

Второй причиной отставания от сербов является отсутствие у католиков своего класса буржуазии. Епископ Рафо Баришич в 1851 г. даже считал, что католическое население не должно заниматься торговлей, как делом греховным²⁵. В массе случаев в архивных коллекциях документов приводятся данные о том, что торговое сословие в Боснии и Герцеговине свойственно не католическому, а православному, мусульманскому и еврейскому населению. Документы и сербского, и русского происхождения сходятся в том, что существует пропасть между простым православным народом и его торговым сословием. А.Ф.Гильфердинг в двух донесениях сообщал, что в Боснии "огромное расстояние разделяет богатых купцов, более или менее уважаемых турками, умеющих с ними ладить, от забитого, изнуренного сельского населения"²⁶. Это подчеркивал и консул Е.Р.Шулепников в 1860 г.²⁷. Оба считали такое положение не характерным для герцеговинских торговцев, которые намного ближе к православным крестьянам. О католиках Гильфердинг говорит, что "в их числе нет ни купцов, ни капиталистов".

Эти сведения, без сомнения, значат чрезвычайно много для вопроса о начале и интенсивности национального возрождения. Всюду городские слои являются первыми носителями национальной идеи, а их слабость, не позволяющая заявить о себе как общественном слове, запаздывание в развитии или замена в общественной роли священниками, всегда задерживает начало национального возрождения. Их социальная функция ничем не может быть заменена.

В этом смысле следовало бы разобрать данные о наци-

ональной идентификации из русских архивных источников. Исторические предпосылки для идентификации в обществе следующие: 1) официальные турецкие "милет системы", остававшиеся в силе до 1868 г.; 2) распространённое сознание в обществе о тождественности веры и нации; 3) славянофильская идеология, исходившая из положения, что национальный вопрос в основе своей вопрос церковный, и подчеркивание религиозного и славянского самосознания; 4) запаздывание национального возрождения, как следствие отставания в развитии буржуазного класса в обществе.

Если проанализировать 42 случая национальной идентификации только за промежуток времени с 1850 по 1865 гг., то выявляется идентификация имен "христианин", "славянин", и "серб". "Турки" употребляется для всего мусульманского населения и в религиозном, и в политическом смысле, но в основном со стороны христианского мира. Понятие "турки" употребляется для обозначения власти в государстве. Очень трудно анализировать понятие "христианин", т.к. это имя в большинстве своем употреблялось как название немусульманского населения, и очень редко в смысле обозначения идентификации народа. В этом втором смысле подобная идентификация присутствует в документах, подписанных католиками или пограничными австрийскими властями. В жалобе христианского населения Порте от 1853 г. требуется "чтобы народ христианский в Боснии и Герцеговине мог свободно купить турецкий дом, пашню, пастбище, лес и любое строение, одним словом, чтобы все, что может купить турок, было доступно и христианину"²⁹. Наряду с ранее приведёнными данными, в русских источниках очень редко говорится о христианском народе в национальном смысле, но упоминаются "христианские племена"³⁰, и даже относительно населения иногда употребляется название, из которого неясно, есть ли в нем политический смысл.

Религиозная идентификация в национальном смысле характерна и для нескольких документов сербского происхождения. В начале апреля 1859 г. сообщалось из Чистира, что

правительство распорядилось направить в Константинополь "от каждого вероисповедания по два избранных от своего народа человека из Герцеговины и Боснии", и в итоге отбыли два турка, два христианина и два латинянина³¹. В том же документе, между тем, православные христиане определяются и как сербы. В жалобе трех народных представителей от 1861 г. требуется, чтобы власти наказывали, "когда какой-либо турок убьет христианина или опозорит христианку"³².

Славянскую идентификацию больше всего приводят русские консулы, меньше ее пользуются православные, затем католики, но отсутствуют данные, что ее употребляли турецкие власти. А.Ф.Гильфердинг в 1857 г. говорит о "тунзенных славянах", а годом позднее А.И.Горчаков – о "славянских племенах в некоторых турецких провинциях"³³. Обычным для русской идентификации стало определение "наши единоверцы", но наряду с этим могло подчеркиваться и славянское самосознание³⁴.

В документах, исходящих от православных представителей, о славянской народности говорится главным образом в петициях, которые направлялись русскому царю. В петиции 1859 г. сказано, что обращаются боснийцы в силу опасности, которая грозит "и илой нам славянской народности" из "кровью покрытой несчастной земли сербской Боснии". В следующем году они обращались от имени "народа боснийского, Старой Сербии и Голгарии", а в 1864 г. просили Александра II помочь миллионам "братьев славян" и побуждали его "действовать и быть царем славян"³⁵. В католических документах говорится о "славянском языке" народа христианского³⁶. Характер архивных источников таков, что в них крайне мало документов, подписанных католическими жителями или австрийскими властями. Иначе бы случаи славянской идентификации были бы весьма многочисленны.

Самым распространенным назначением для народа в этих документах является "сербский". Наряду с приведенными случаями о его периодическом пользовании со стороны ту-

рецких властей, хотя они официально говорили о христианском и боснийском народе и языке, эту же идентификацию использовали русские и австрийские дипломаты, а более всего православные жители, когда говорили о самих себе. Отмечено, что в 1858 г. некоторые хорваты, среди которых находился Ерлич, стремились к тому, что Боснию "нужно сделать тем, чем теперь Сербия"³⁷. Австрийский консул Васич сообщал в 1860 г., что в 13 селах "с католическим населением в Посавине близ Градачца,... имеется 1300 домов с общим числом жителей 10 000 по национальности сербов"³⁸.

Не прослеживаются какого-либо правила, на которое ориентировались русские дипломаты, когда говорили о сербском самосознании среди населения Боснии и Герцеговины. В этом плане в основном язык называется сербским. Консул в Лубровнике К.Д.Петкович в 1856 г. говорит о "сербском языке", который употребляют даже турки, прибывающие в качестве чиновников в Боснию³⁹. А.Ф.Гильфердинг также говорит о сербском языке, хотя тут же указывает на идентификацию народа, подразумевая под этим именем только православную религию⁴⁰. А.И.Горчаков пишет о части денег из фонда, предназначавшегося для ремонта "сербских церквей" в Воеводине, которые он мог бы послать "единоверцам нашим" в Боснию и Албанию⁴¹.

Русские дипломаты меньшего ранга не выказывали какой-либо двойственности в национальной идентификации сербского народа. Н.А.Иларионов в 1869 г. пишет из Мостара, что турецкое правительство очень хорошо понимает, что католики Герцеговины, за малым исключением, действительно не имеют никакого понятия о своей народности и совершенно подчинены фанатичному духу своей религии, они далеко не так опасны в настоящее время, как православные Герцеговины, у которых религия и народность слились в одно и не мыслится одно без другого⁴². Консул в Сараеве в 1869 г. отмечал появление сербского национального самосознания у православного населения, которое говорит "мы сербский народ"⁴³.

Это особенно подчеркнуто в документах, целью которых было систематическое описание земли и народа Боснии и Герцеговины. Дважды русская дипломатическая служба произвела общее описание обеих провинций, в 1867 и 1870 гг. В первом случае консул А.Н.Кудрявцев о жителях Герцеговины всех трех вероисповеданий написал, что они "славянского происхождения, чистые сербы"⁴⁴. Три года спустя он отмечал относительно Боснии, что этнически она принадлежит к части славянских земель, а по населению – чисто сербского происхождения⁴⁵.

Тот же консул в 1874 г. сообщал, что он узнал о создании одного тайного общества, которое стремится добиться самостоятельности православной церкви в Боснии и Герцеговине как наследницы Печской патриархии. Подобно тому, как болгары создали свою церковь в Турецкой империи, члены этого общества хотели легализовать и сербскую церковь в империи⁴⁶. Славянофильское руководство также имело совершенно ясное представление об этническом характере Боснии и Герцеговины как сербском, славянофилы обычно так и называли их жителей⁴⁷.

При оценке уровня развития этнического сознания на какой-либо территории всегда существенно, что говорят об этом сами жители, а не то, что скажут о них другие. В этом отношении в русских дипломатических документах имеется много писем и петиций, которые православные жители Боснии и Герцеговины посыпали русскому правительству. Хотя речь идет о повседневной переписке, не претендующей на выражение национального самосознания, оно спонтанно присутствовало. В петиции царю из Мостара в 1854 г.⁴⁸ человек обращается "во имя целого народа сербского двух провинций Боснии и Герцеговины". Герцеговинский митрополит с группой лиц в прошении из Јостара в 1857 г. говорит, "что православный народ христианский в Герцеговине от падения Сербского царства и до настоящего времени постоянно томится в мраке и глупости"⁴⁹. В письме герцеговинских повстанцев от февраля 1858 г. жители называются

сербами⁵⁰. Так же поступают повстанцы из Посавины⁵¹. Боснийские беженцы в 1860 г. говорят о сербах из "тамоших пределов"⁵², как и о сербском народе в Старой Сербии⁵³. Из Мостара в 1860 г. просят, чтобы вселенский патриарх поставил им сербского народного владику⁵⁴. Руководители герцеговинского восстания Лука Вукалович и Никифор Дучич многократно пишут от имени сербского народа из Герцеговины⁵⁵. Серафим Перович в 1864 г. говорит о "сербско-хорватском народе"⁵⁶, а Никифор Дучич в 1861⁵⁷, как и в 1867 гг. говорит о своем народе "мои сербы"⁵⁸.

Если провести сопоставление указанной выше группы документов по политической принадлежности их авторов, то можно сделать вывод об их единодушном мнении о том, что народ Боснии и Герцеговины этнически одного происхождения, но разделен по конфессиям. Русская и австрийская дипломатическая служба без сомнения сообщали о сербском населении, католические священники этого имени избегали и стремились использовать термин "славяне". Габсбургский министр иностранных дел в 1872 г. требовал от турецких властей поселить вдоль реки Дрины католических крестьян, чтобы рассечь сербское население, жившее по обе стороны реки⁵⁹.

Позиция русской дипломатической службы об этническом самосознании населения Боснии и Герцеговины требует особого объяснения. Хотя в донесениях русских дипломатов определенно говорится о сербском народе трех вероисповеданий, тем не менее всегда подчеркивается славянский и православный фактор в нем. Основным их мотивом является открытие в двух провинциях самобытного славянского народа⁶⁰. Идеолог славянофильства А.Ф.Гильфердинг в своих донесениях из Боснии выражал желание больше представить славянское население, в связи с тем, что русское общество об этом не достаточно оповещено⁶¹. Другие русские дипломаты опасались, что он "непременно оттолкнет их /единоверцев/ от себя своей невыносимой холодностью"⁶². Следует видеть преувеличение в этом открытии чистого славянского

мира, который сохранил все свои старые институты при наличии над ним в течение веков власти чужеземцев.

Обнаружение общеславянского самосознания в населении Боснии и Герцеговины было делом принципа.

Русский посол в Константинополе Н.П.Игнатьев, без сомнения, один из творцов русской внешней политики на Балканах того времени, при передаче одного из представлений султану в 1867 г. говорил, что Россия связана с его православными подданными симпатией, которая основана на их единоверной и единоплеменной принадлежности⁶³. Вся русская дипломатическая служба в служебной переписке между своими и иностранными учреждениями это постоянно повторяет. Основное положение состоит в убеждении, что она защищает свое население, с которым связана религиозной и народной основой.

Консул из Сараева в 1869 г. извещал, что "пробуждение славянского духа между боснийскими христианами, среди той мрачной обстановки, которая окружает их почти пять веков, есть самое крупное явление настоящей жизни наших единоверцев в Боснии"⁶⁴. Отождествление славянства и православия устойчиво, и определенное отступление может появиться только при описании мусульманской или католической общности, когда констатируется, что они являются также славянским населением по происхождению и языку. Между тем, политически их славянство проявлялось крайне скучно, так что всем русским авторам казалось естественным, что оно может быть связано только с православной частью народа.

Русская дипломатическая служба не представляла исключения в этой пристрастности в оценке политических обстоятельств в Боснии и Герцеговине того времени. В свою очередь другие дипломатические службы грешили тем же. Как правило, британские официальные путешественники во всех своих сообщениях стояли всегда на турецкой стороне. Они были склонны умалять слабости Турецкого государства и его общества, и даже в восстаниях, где наука менее всего в

состоянии раскрыть готовившие их организации и выявить национальную подоплеку, британские дипломаты видели тайные планы Сербии и России⁶⁵. В этом отношении исключение составляет путешествие ученого Артура Эванса в 1875 и следующие годы Великого восточного кризиса, когда и британское общественное мнение было настроено против Турции. Все исходившие от австрийцев описания населения Боснии и Герцеговины были сделаны во время усиленного интереса Габсбургского государства к этим областям⁶⁶. Австрийским дипломатам нельзя приписать несправедливости в оценке этнической принадлежности населения Боснии и Герцеговины. С православным населением они имели несравненно меньше контактов, чем русские путешественники, тем не менее остались верной картину состояния национального сознания в народе.

Известия о русских о Боснии и Герцеговине второй половины прошлого века имеют исключительную ценность для научной дисциплины, которая занимается изучением "образа другого" в описаниях путешествий и письмах определенной среды. Существуют известные закономерности исследования описаний путешествий по чужим землям. Они никогда не опонируют только об одной стороне. Действительно, "путевые заметки дают информацию на две стороны: и читателям об определенном народе и тому народу об этих читателях"⁶⁷. В этой двусторонней связи незаметно осуществляется историческая договоренность двух неравных сторон, автора и объекта его информации. "Путь от меня к другому"⁶⁸ имеет ту привилегию, что я всегда подчеркивая в картине описываемого иностранного общества тот мотив, который интересует меня. Свое самосознание он ищет в альтернативе, которая описывается. Этот другой есть "зеркало самосознания" первого⁶⁹. Вследствие этого во всей относящейся к проблеме "образ другого" ("*L'image de l'autre*") литературе акцент ставится на три существенные части: "1) этническое меньшинство; 2) социальная маргинальность; 3) культурная альтернатива"⁷⁰. Особенно идеологизируется

"национальный характер", и ему придается сознание согласно общественным суждениям⁷¹.

Когда консул Кудрявцев обнаруживает в Сараеве "сеятелей славянства"⁷² и связывает это с гонениями на Васу Пелагича в 1869 г., он дает исключительно ценные сведения для общей иллюстрации механизма двусторонней связи, которые всякий информатор носит в себе относительно чужой страны и условиях жизни в ней. Васо Пелагич в этот период был православным архимандритом, получил образование в России и являлся национальным деятелем, который в начале своего пути опирался на помощь славянофильских кругов. Очень быстро после этого он станет социалистом и закончит как противник славянской идеи и ее сеятелей. Очевидно, определенный круг сербской молодежи в Боснии в 1869 г., выделенной Кудрявцевым, в распространении славянских идей видит только одну вспомогательную сторону для своей деятельности. В сущности речь шла о процессе национального возрождения в Боснии и Герцеговине, о котором русские информаторы дали драгоценные свидетельства, но в то же время в котором искали, как в альтернативном зеркале, изображение себя. Они не говорили неправду – одна сторона национального возрождения у южных славян всегда была славянской. Существует четкое различие между тем славянством и славянофильским славянством.

Примечания

1. И.Ф.Раевский – Н.Л.Протасову, Вена, 28 октября 1850 г.– в кн.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1865. Документы. М., 1985, с.12.
2. А.Ф.Гильфердинг – Е.Р.Щуепникову, Сараево, 22 февраля 1858 г. Там же, с. 144.
3. К.Д.Петкович – Е.П.Ковалевскому, Дубровник, 17 марта 1861. – Там же, с. 330.
4. А.И.Горчаков – Александру П. Петербург, 31 июля 1853 г.– Там же, с. 434.
5. Из отчета А.И.Горчакова, не ранее I января 1858 г. – Там же, с. 105.
6. Речь идет о А.С.Хомякове, М.П.Погодине, И.С.Аксакове, Н.Я.Данилевском, В.И.Ламанском.
7. Babovic M. Dostojevski kod Srba. Titograd. 1961. с. 105-107.

8. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. - Собр.соч. У. СИБ., ф.г., с.66.
9. Ekmećić M. Rusija i narodni pokreti Balkana 1848. godine. - In: Zbornik Matice Srpske za istoriju, 32. Novi Sad. 1985. S. 14.
10. К.Васич - И.Рехбергу, Сараево, 16 июня 1860 г. - Освободительная борьба..., с. 275.
11. Донесение итальянского консула из Сараева, 24 января 1867 г. - Mitrović P., Kresevljaković H. Izvestaji italijanskog konzulata u Sarajevu (1863-1870). Sarajevo. 1958. S. 120-121.
12. XVI Congrès international des sciences historiques. Rapports, I. Stuttgart. 1985. S. 61.
13. Ekmećić M. Slika o Bosni i Hercegovini u evropskoj putopisnoj literaturi od 1850. do 1878. godine. - In: Balcanica, VIII. Beograd. 1974. S. 315.
14. Arbuthnot G., Lieut. Herzegovina, Or, Omer Pasha and the Christian Rebels. With a brief Account of Servia, its social, political and financial Condition. London. 1862. P. 61.
15. Tepić I. Uporedjivanje vrijednosti podataka iz ruske arhivske gradje i podataka iz javne publicistike za istoriju Bosne i Hercegovine od 1850. do 1875. g. - In: Problemi istorije Bosne i Hercegovine. Sarajevo. 1987. S.134.
16. Gilferding A.F. Putovanje po Hercegovini, Bosni i Staraoj Srbiji (1857). Sarajevo. 1972. S. 119.
17. А.Ф.Гильфердинг - Е.П.Ковалевскому, Сараево, 28 июня 1857 г. - Освободительная борьба..., с. 51.
18. Jovanovich S. Strategische Denkschrift über den Kriegsschauplatz Bosnien und der Herzegowina. - U Arhivu Zadar, Atti riservati dell'I.R. Luogotenenza della Dalmazia. Busta unica, fags. 23. Geheime akten 1851-1878.
19. Skaric V. Iz prošlosti Bosne i Necegovine XIX vijeka. - Izabrana djela, III. Sarajevo. 1985. S. 67.
20. Консул Атанаскович - Буоль-Шаенштайну, Сараево, 3 марта 1853 г. - Gavranovic B. Bosna i Hercegovina od 1853-1870. godine. Sarajevo, 1856. S. 44; Донесения Атанасковича от 16 февраля 1853 г. - Staats Archiv, Wien. Generalkonsulats Sarajevo. Fol. 331-332.
21. Bosanski vjestnik, I. Sarajevo. 1866.
22. Kukuljević-Sakcinski I. Putovanje po Bosni. Zagreb. 1858. S. 96.
23. Петросян Ю.А. Из истории пропаганды османализма на Балканах. - Тюркологический сборник. М. 1973. С. 143.
24. Предписание Вилайетской канцелярии от 21 апреля 1858 г., перев. с турецкого. - Освободительная борьба..., с. 161.
25. Ekmećić M. Srpski narod u Turskoj od sredine XIX veka do 1878. - In: Istorija srpskog naroda, V-1. Beograd. 1981. S. 455.
26. Донесение А.Ф.Гильфердинга из Сараева 31 мая, 3 ноября 1857 г. - Освободительная борьба..., с. 41, 88.
27. Е.Р.Шулепников - А.В.Лобанову-Ростовскому, Сараево, 20 ноября 1860 г. - Там же, с. 299.
28. Документы опубликованы: Освободительная борьба...

29. Требования от 25 марта 1853 г. - Там же, с. I7.
 30. Из Отчета МИД России, не ранее 1 января 1861 г. -
 Там же, с. 304.
 31. Письмо драгомана австрийского консульства в Мостаре,
 3 апреля 1859 г. - Там же с. 226.
 32. Обращение И.Коича, Д.Джурджевича, Т.Крнета-Синджеља,
 Белград, 9 февраля 1861 г. - Там же, с. 307.
 33. А.Ф.Гильфердинг - Е.П.Ковалевскому, 31 мая 1857 г.;
 А.М.Горчаков - Азиатскому департаменту, 1 января 1858 г.
 - Там же, с. 41, 105.
 34. См донесения - Там же, с. 12, 144, 330, 423, 474.
 35. См. обращения: от 8 июня 1859 г., 21 января 1860 г.,
 1 мая 1864 г. - Там же, с. 231, 247, 448.
 36. Обращение "народа христианского", 25 марта 1853 г.,
 донесение консула К.Васича от 16 июня 1860 г. - Там же,
 с. 18, 276.
 37. А.С.Ионин - А.П.Бутеневу, 30 июня 1858 г. - Там же,
 с. 187.
 38. Донесение консула К.Васича от 27 марта 1860 г. - Там
 же, с. 257.
 39. Донесение К.Д.Петковича, Дубровник, 18 января 1856 г.
 - Там же, С.24.
 40. А.Ф.Гильфердинг - Е.П.Ковалевскому, Сараево, 28 июня
 1857 г. - Там же, с. 53.
 41. А.М.Горчаков - Александру П., 23 февраля 1857 г. -
 Там же, с. 31.
 42. Н.А.Иларионов - Н.П.Игнатьеву, Мостар, 17 ноября
 1869 г. - АВИР, ф. Посольство в Константинополе, д. 2055.
 43. Tepić I. Ruski izvori o Bosni i Hercegovini od 1856.
 do 1878. - Ručopis doktorske disertacije, в. 283.
 Донесение А.Н.Кудрявцева, Сараево, 4 февраля 1869 г. -
 Ујединена омладина српска и њено доба 1860-1875. Грађа
 из совјетских архива (сост. В.Н.Кондратьева). Нови Сад.
 1977. С. 90.
 44. А.Н.Кудрявцев. Герцеговина. Краткий очерк Герцеговины
 в географическом, статистическом, этнографическом и торго-
 вом отношении. Краткая история Герцеговины. Мостар, 24
 ноября 1867 г. - АВИР, ф. ГА У-А2, д. 621.
 45. А.Н.Кудрявцев. История и этнография Боснии. - АВИР,
 ф. Посольство в Константинополе, д. 2332.
 46. А.Н.Кудрявцев - П.Н.Стремоухову, Сараево, 5 августа
 1874 г. - Ујединена омладина..., с. 340, 341.
 47. А.Блудова - М.Ф.Рвеевскому, Петербург, 9 апреля 1854
 г. - Зарубежные славяне и Россия. 40-80-е годы XIX века.
 Документы Архива М.Ф.Рвеевского (Ред.: В.Матула, И.В.Чур-
 кина). М. 1975. С. 54.
 48. Петиция представителей православного населения Бос-
 нии и Герцеговины, Мостар, 17 декабря 1854 г. - Освобо-
 дительная борьба.... с. 19.
 49. Обращение Митрополита Григория, Мостар, 7 декабря
 1857 г. - Там же, с. 97.
 50. Письмо руководителей герцеговинского восстания, Дуб-
 ровник, 3 февраля 1858 г. - Там же, с. 133.

51. Письмо беженцев из Боснии, Винковцы, 3 февраля 1858 г.
- Там же, с. 132.
52. То же, Белград, 28 января 1860 г. - Там же, с. 250.
53. То же, 14 июня 1860 г. - Там же, с. 273.
54. Обращение герцеговинцев, Мостар, 16 июня 1860 г. -
Там же, с. 288.
55. Письма Луки Вуколовича, Суторина, 4 февраля 1862 г.,
13 августа 1864 г. - Там же, с. 380, 437.
56. С.Перович - В.В.Безобразову, 1 мая 1864 г. - Там же,
с. 449.
57. Н.Дучич - К.Д.Петковичу, Дужи, 3 апреля 1861 г. - тем
же, с. 334.
58. Н.Дучич - М.Ф.Раевскому, Цетинье, 24 марта 1867 г. -
Зарубежные славяне..., с. 180.
59. Андради - Теодоровичу, II мая 1872 г. - Arhiv Bosne i
Hercegovine, Sarajevo, Generalni konzulat, Sarajevo, 100/72.
60. Ekmecic M. Slika..., s. 315, 316. Prev.: Reisen und
Reisenbeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quel-
len des Kulturbeziehungen. Berlin. 1980.
61. А.Ф.Гильфердинг - М.Ф.Раевскому, Петербург, 4 августа
1858 г. - Зарубежные славяне..., с. 128.
62. П.Н.Стремоухов - М.Ф.Раевскому, Дубровник, 20 апреля
1857 г. - Там же, с. 417.
63. Чит. в донесении А.Н.Кудрявцева Н.П.Игнатьеву, Мостар,
25 ноября 1867 г. - АВШР, Ф. Посольство в Константинополе,
л. 2053.
64. А.Н.Кудрявцев - Н.П.Игнатьеву, Сараево, 4 февраля
1869 г. - Уједињена омладина..., с. 89.
65. Arbužnjot G. Hercegovina...
66. Ekmecic M. Slika..., s. 306.
67. Ekmecic M. Predgovor u: Artur Dž. Evans. Pješke kroz
Bosnu i Hercegovinu tokom ustanka avgusta i septembra
1875. Sarajevo. 1973. S. 7.
68. Ahrweiler H. L'image de l'autre et le mécanismes de
l'altérité. // XVI Congrès..., p. 61.
69. Ibid.
70. Ibid.
71. Ki-Zerbo L. Image de l'autre - races et ethnies. -
Ibid., p. 94.
72. А.Н.Кудрявцев - Н.П.Игнатьеву, Сараево, 28 октября
1869 г. - У јединене омладине..., с. 127.

Д.Ф.ПОПЛЫКО

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО
СОЗНАНИЯ НАРОДОВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

/ 1865-1875 гг./

(По материалам советско-югославской публикации)

Настоящая статья является хронологическим продолжением и развитием темы, предложенной автором на первой научной встрече советских и югославских историков по проблемам истории Боснии и Герцеговины XIX в. Итоги ее размышлений по предшествующему периоду (1850-1864) опубликованы в материалах предшествующего "круглого слота"¹. Рассмотрение проблемы требуется предварить замечанием о том, что освещение ее в значительно большей степени, чем первой части, не может ограничиться материалами второй книги публикации, подготовленной советскими и югославскими историками и вышедшей из печати². Поэтому автор не претендует на полноту и ставит перед собой конкретную задачу: привлечь внимание исследователей к тем основным моментам в формировании национального самосознания народов Боснии и Герцеговины, которые представлены в содержательном комплекте впервые вводимых в научный оборот источников.

Последнее десятилетие перед восстанием 1875-1878 гг. в социально-экономическом, общественно-политическом и культурном отношениях представляло собой этап в жизни боснийско-герцеговинского общества. Характеристике внутренней обстановки и внешнеполитических условий существования тогдашнего Боснийского вилайета Османской империи посвящены многие документы тома.

В новых условиях происходили значительные изменения в церковно-просветительском движении, начавшемся в предшествующий период в среде населения Боснии и Герцеговины православного вероисповедания. Заметим еще раз, что развитие

культуры и формирование национального самосознания происходили в этой провинции, особенно на начальном этапе, в различных конфессиональных средах, обособленных одна от другой. Выдвинутый нами тезис о церковно-просветительском движении как первой фазе национально-освободительного движения, что было характерно и для других балканских народов, находит подтверждение и более полное выражение на той фазе, о которой идет речь.

Если на первом этапе говорилось об открытии первых школ при монастырях и церковных общинах, подготовке первых учителей и образованных священников, то на втором этапе можно говорить о десятках школ, не только мужских, но и женских, а в 1866 г. о возникновении первого среднего учебного заведения в вилайете – семинарии в Банялуке для подготовки на базе современной науки патриотических пастырей народных – учителей и священников нового типа³.

За определенный период времени ряд духовных лиц выдвинулся в число идейных руководителей и видных общественных и просветительских деятелей в Боснии и Герцеговине. Имеются в виду братья Перовичи, Л.Радулович, В.Пелагич, Н.Дучич и др. Так, российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев характеризовал архимандрита В.Пелагича как "светлую и полезную личность, которая уже много сделала для своего народа на пути просвещения, братства и взаимного доверия"⁴. Сходную характеристику давал Н.А.Иларионов архимандриту Серафиму Перовичу⁵. Наиболее значительные монастыри и школы становятся центрами сербской, т.е. национальной пропаганды⁶.

Объективным показателем общественно-политической роли прогрессивного православного духовенства является четкое осознание властями исходившей от них опасности. Результатом этого стали аресты, суды и ссылки учителей и священников, закрытие школ. В 1869 г. арестован, судим и сослан на каторгу в Малую Азию В.Пелагич, семинария закрыта; арестованы и сосланы в 1870 г. братья Перовичи – игумен Житомирского монастыря Серафим и его брат Йово, учитель Мо-

старской школы; в том же году арестован мостарский иеромонах Леонтий Радулович, сосланный затем на каторжные работы в Северную Африку; в конце мая 1870 г. арестованы и отправлены в ссылку два священника Дубичской нахии (Бихачский округ) - С.Каран и его сын⁷. По поводу последних Иларионов сообщал Игнатьеву, что подобные факты "могут служить новым доказательством того весьма неблаговидного и неблагоразумного образа действий, и притом же опасного, которого придерживается Сафвет-паша относительно православных христиан виляята и особенно их духовенства, отправляемого прямо в ссылку, даже без всякого суда и разбора"⁸.

Европейских консулов удивляло столь жестокое преследование духовенства. Российские дипломаты также отмечали, что "винны" арестованных не адекватны наказаниям. Но вместе с тем, отвечая на вопрос, в чем состояла опасность для властей от деятельности указанных учителей и священников, А.Н.Кудрявцев прямо заявлял: "в критике турецкого и мусульманского"⁹, т. е. строя и засилия ислама. Критика существовавшего строя сочеталась с распространением идей славянского возрождения, славянского единства, национального самосознания. Составной частью этого движения стал еще один важный вопрос, который тоже не остался вне поля внимания консула. Это - вопрос о "боснийской церкви", т. е. о церковной независимости и об отделении церкви, подобно болгарской, от Константинопольской патриархии. Причем этот вопрос держался в тайне от российского консула, поскольку было известно стремление официальной России сохранить единую православную церковь¹⁰.

Анализируя обстановку в вилайете, А.Н.Кудрявцев пришел к выводу, что просветительское движение, которое он называл "светлым", было разгромлено, по сути обезглавлено. Он писал в 1874 г., что "с начала 1870 г. и по сие время приостановилось развитие того светлого движения, которое перед тем началось, имев целью поднять характер единодушия и любви к общественным делам и вообще пробудить народ

от той глубокой мертвенности, в которой он пребывал в продолжение стольких веков". После многочисленных арестов священников и гонений на учителей "движение тем скорее останавливается, что наими единоверцами овладел страх"¹¹. Своего рода итоговым документом, в котором отражены и развитие общественного церковно-просветительского движения в Боснии и Герцеговине, и его разгром, является отчет МИД России за 1870 г., где особо отмечена роль тогдашнего правителя вилайета Савфет-паши, решившего положить конец этому движению¹².

Новые явления наблюдались и в среде католического духовенства. В связи с ухудшением положения католиков и их духовенства среди них усиливалась антитурецкие настроения. Н.А.Иларионов сообщал Н.П.Игнатьеву: "Из разговоров с некоторыми католическими священниками, а также с их епископом я мог заключить о напряженном состоянии умов католического населения Герцеговины". Что касается единства действий с православными, то русский дипломат, специально остановившись на этом вопросе, отмечает, что только "самая ничтожная часть сочувствует стремлениям единоверцев наших, тогда как большинство, фанатизируемое постоянно фратрами, продолжает видеть своего избавителя от турок в Австрии". Иларионов выделяет лишь отдельных патриотов, о которых пишет: "Между католическими священниками, особенно молодыми, есть действительно несколько горячих патриотов, но их влияние на народ пока еще довольно слабо"¹³.

Изменения в настроениях католического духовенства были столь значительным явлением в жизни боснийско-герцеговинского общества, что привлекли внимание другого российского дипломата, А.Н.Кудрявцева, написавшего в 1869 г. специальное донесение Н.П.Игнатьеву по изображению "нравственного и политического состояния боснийского католического духовенства"¹⁴. Кудрявцев уточняет, что новые черты в среде католического духовенства стали явными в последние 5 лет. Влияние Австрии на католиков Боснии и Герцеговины,

по его мнению, было безусловным только до 1861 г., до знаменитого Хорватского сабора, признавшего равноправие веры и народности сербов в Триедином королевстве. Молодое духовенство, питомцы открытого близ боснийской границы богословского училища в Дьякове, сторонники Штроссмайера, пошли за той частью "хорватской интеллигенции, которая начала сближение с политическим духом княжества Сербия". На старых проавстрийских позициях остались преклонного возраста францисканцы и итальянские воспитанники, заряженные пропагандой папизма, замечал Кудрявцев.

Процессы, о которых идет речь, волновали и османские власти, и австрийское правительство. Австрийский консул Драгович говорил в беседе с правителем Банялукки: "Как можно допустить даже в Боснии славянское пробуждение! Православное христианство дружится с католическим – это надо остановить и разрушить! Единство это – гибель вама и наша"¹⁵.

Русские дипломаты отметили тот факт, что и католическое духовенство "обратило на себя присмотр турецкого правительства". Начались гонения на их лидеров, например, вали Осман-паша вместе с австрийским генеральным консулом Хаазом преследовали влиятельного боснийского поэта и ученого абаата сараевского костела Фра Гrgo Martичa, стремясь изгнать его из Боснии¹⁶.

Позднее отношения католического духовенства с администрацией улучшились, как облегчилось и положение католиков в целом. Сафвет-паша покровительствовал католическому просвещению, оказывая помощь школам и др. Русские дипломаты доносили с мест, что католики и их духовенство "должны быть вполне довольны управлением Сафве-пами"¹⁷. Это нашло отражение в отчете МИД России за 1870 г., где говорится: В то время как православное население Боснии и Герцеговины подвергалось разным гонениям, католическое духовенство стало пользоваться особым покровительством Сафве-пами. По его ходатайству турецкое правительство по-

жертвовало 600 червонцев единовременного пособия на устройство католического училища в Сараеве, освободило францисканские монастыри от платежа податей с обширных земель, которыми они владеют, и предоставило им разные права и льготы в ущерб православным подданным"¹⁸.

Следует специально изучить вопрос о влиянии благоприятных условий на рост хорватского национального сознания в Боснии и Герцеговине, но очевидно, что политика властей "разделяй и властвуй" тормозила складывание общеbosнийской национальной терпимости и понимания общности интересов в деле национального освобождения.

Однако уничтожить новые веяния не удалось. В этом отношении большой интерес представляет донесение В.А.Любосона А.М.Кумани от сентября 1871 г. Любосон излагает результаты своей 12-дневной поездки по Герцеговине и опирается на собранные им лично факты и сведения. Он пишет, что "в настоящее время в большинстве католического духовенства замечается направление, которое я осмелиюсь характеризовать словом "оппозиция" по отношению к туркам. Появляются критические статьи в газетах. Под внешней благоденствием здесь легче проводят свои цели. Например, книги для народных католических училищ, написанные Г.Мартичем и изданные старанием Сафвет-пами, желавшего подобными мерами привязать к себе католиков, широко распространяются и имеют большое влияние на юношество". Но содержание этих учебников несет в себе пропаганду идей общего славянского родства, сербского единства и т.п."¹⁹.

далее, возникает естественный вопрос - появились ли какие-либо новые черты национального плана в среде мусульманского населения Боснии и Герцеговины ? А.Н.Кудрявцев дает, на наш взгляд, столь яркую характеристику тогдашнего боснийского мусульманского самосознания, что считаем нужным привести ее полностью: "Боснийские мусульмане, полные ненависти к османам, ненависти, вызванной различием чайка и обычая, но, в особенности, уничтожением

аристократизма, или, лучше, феодализма с его самовластием и деспотизмом, не любят христиан, которые для них не братья, но рабы, рожденные и призванные на их служение. Им желательно освобождение от османлиев, но, потонув в глубине алжирских предрассудков и не имея никакого понятия ни чувства о народности и отечество, они не допускают равенства с христианами. Изыскавая только собственную независимость и свободу, им хотелось бы подчинить на вечные времена своему самовластию два христианских элемента"²⁰.

Русский консул прекрасно показал основыbosнийского самоопределения мусульман провинции и их психологию господствующего народа, восточных феодальных завоевателей. Ни о каком национально-освободительном движении пока нет и речи, однако, Кудрявцев высказал крайне важную для дальнейшей истории Боснии и Герцеговины, буквально пророческую мысль, нигде ранее нам не встречавшуюся. Она состояла в том, что для Боснии и Герцеговины освобождение мусульманского населения от власти Порты возможно только в единстве с двумя его христианскими частями. Он писал так: "Однако никогда им этого не достигнуть, ибо без сочувствия христиан освобождение их немыслимо. Будущее их, во всяком случае, неразрывно с будущностью единоплеменных и единокровных братий – христиан"²¹.

Первые шаги навстречу друг другу были сделаны в крестьянской среде. Недоумство, вызванное ростом налогов, привело к совместным выступлениям населения всех трех вероисповеданий. Подача христианами и мусульманами прошения в российское консульство в Сараеве произвело шоковое впечатление на консулов западноевропейских держав. Кудрявцев сумел высоко оценить значение этого факта. Он писал: "Это удар самый тяжелый, который можно было нанести агентам всех держав, в особенности же тех, которые стремятся гуко-плескать турецкому прогрессу и реформам"²². Эти небольшие штрихи нового в среде населения мусульманского вероисповедания явились перспективными и в дальнейшем привели к большим переменам.

Однако не просветительское движение стало столбовой дорогой для решения национального вопроса в Боснии и Герцеговине. Оно сыграло свою историческую роль и уступило место новым общественным силам. Появление их русские дипломаты фиксируют в своих донесениях с середины 60-х гг. XIX в.²³. Но наиболее полно говорит об этом А.Н.Кудрявцев в своем обобщающем донесении от 15 (27) января 1869 г. Он пишет Н.П.Игнатьеву: "В 3-4 последние года в Боснии всплыло наружу много знаменательных явлений, могущих служить основой того политического движения, которому предлежит в более или менее недалеком будущем разрешить задачи, на которых виждется вся трудность Восточного вопроса. Явился политический кружок народных деятелей. Родилась боснийская Омладина"²⁴. Следовательно, внесением национального сознания в массы занялись сторонники Объединенной сербской молодежи. На территории Боснии и Герцеговины это были получившие образование дети первого поколения сербских торговцев, разночинцы, учителя, низшее духовенство, учащаяся молодежь. Исторически это совпало с переходом к революционным методам борьбы за свободу.

Омладина в Боснии и Герцеговине – постомладинский этап национально-освободительной борьбы – специальная тема, выходящая за тематические рамки данной статьи. Она имеет богатую историографию и фундаментальные публикации источников. В первую очередь последнее относится к сборнику документов, подготовленному советским ученым В.Н.Кондратьевой²⁵.

В заключение следует сделать два вывода. Первый заключается в утверждении, что анализируемый в статье период является чрезвычайно важным этапом в формировании национального сознания народов Боснии и Герцеговины. Второй состоит в убеждении, что сложный процесс выработки национального самосознания народами, населявшими Боснийский вилает Османской империи во второй половине XIX в., нашел отражение в документах новой советско-югославской публикации.

Примечания

1. Поплыко Д.Ф. Предпосылки и условия развития национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине (1850 - 1864). // 9 кн.: Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850-1875. Međunarodni naučni skup (Sarajevo, 13-15 maja 1987. g). Sarajevo. 1987. в. 55-72.
2. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. Документы. Отв. ред. К.А.Писарев, М.Экмечич; М. 1988. 438 с.
3. Подробнее см. статьи С.Перазича и Б.Маджара в данном сборнике.
4. Освободительная борьба..., с. 177.
5. Там же, с. 227.
6. Там же, с. 175, 226.
7. Там же, с. 174-175, 224-226, 228.
8. Там же, с. 233.
9. Там же, с. 174.
10. Там же, с. 371-372.
11. Там же, с. 371.
12. Там же, с. 251.
13. Там же, с. 166-168.
14. Там же, о. 169 и далее.
15. Там же, с. 174.
16. Там же, с. 170-172.
17. Там же, с. 235.
18. Там же, с. 251.
19. Там же, с. 267.
20. Там же, с. 169-170.
21. Там же, с. 170.
22. Там же, с. 181.
23. Там же, с. 34-35.
24. Там же, с. 158.
25. Уједињена омладина српска и њено доба. 1960-1975. Грађа из совјетских архива. Нови Сад. 1977. Сост. В.Н. Кондратьева.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЫ БОСНИИ, ГЕРЦЕГОВИНЫ И ДРУГИХ БАЛКАНСКИХ
ЗЕМЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА И ТАНЗИМАТА.

1850–1870-е ГОДЫ

Героическая борьба народов Боснии и Герцеговины, поднявшихся в 1870 г. в очередной раз оружие против османского ига, находится в центре нашего внимания. Вместе с тем очевидна взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов освободительной борьбы народов Балкан. К ним относятся Восточный вопрос и реформаторское движение (Танзимат) в Османской империи.

Восточный кризис 70-х годов стал по характеру и движущим силам, по значимости итогов одним из важнейших международных событий последней трети XIX в. Он явился объективным и закономерным развитием Восточного вопроса в целом. Сложилось понимание этой международной проблемы конца XIX – начала XX в. как комплекса взаимосвязанных аспектов внутреннего разложения Османской империи, развития национально-освободительных движений порабощенных турками балканских народов, воссоздания их национальной государственности, а также противоречий великих держав, боровшихся за влияние в Османской империи и за участие в ее разделе¹.

Вместе с тем в отечественной и зарубежной историографии отмечается тенденция применительно к 1870-м годам ограничивать эту проблему балканским регионом; что оправданно, если принимать во внимание пиковую фазу кризиса, связанную с подъемом антитурецкого освободительного движения в Боснии и Герцеговине и с войной 1877–1878 гг. за возрождение Болгарии, за освобождение полностью Балкан от османского господства².

Современный уровень исследования ряда глубинных процессов общества переходного от феодализма к капитализму типа заставляет нас рассматривать проблему во взаимосвязи "метрополия – периферия", т.е. уровней социально-политического развития Турции и ее отдельных владений. При этом

необходимо учитывать нарастающую асинхронность развития Османской империи, находившейся на стадии разложения позднего феодализма и в самом начале формирования турецкого капиталистического общества, и балканских стран, ей подвластных名义上 (Сербия) или фактически (Болгария). Переходный период от феодализма к капитализму захватывал и метрополию и периферию, соответственно отражался на содержании и характере развития Восточного вопроса, равно как и на освободительной борьбе балканских народов. Однако специфика переходного периода для различных регионов Османской империи была весьма значительна, что заставляет оценивать развитие Восточного вопроса и событий 1870-х в Боснии, Герцеговине и других подвластных туркам земель с учетом по крайней мере трех факторов.

Во-первых, углублявшегося расхождения формационно-стадиальных характеристик феодальной османской метрополии, боровшейся за консервативное, на принципах османизма, исламизма и частичных реформ сохранение общеимперского единства. Во-вторых, того неоспоримого факта, что социально-политические и экономические аспекты восточных кризисов эпохи перерастания торгово-промышленного капитализма в финансово-монополистический¹ трансформировались быстрее, чем внешнеполитические аспекты тех же кризисов. Соответственно за дипломатической ширмой "равновесия сил" в Европе и сохранения османского интегритета как его составляющего разворачивалась борьба новых, менее склонных к дипломатическому маневру сил в капиталистических державах не столько за влияние в Османской империи, сколько за ее раздел и за позиции в получавших независимость, возрождавшихся балканских государствах, формационно однотипных с западными капиталистическими державами. Последние из гарантов неделимости Высокой Порты превращались в гарантов отделения ее бывших владений по мере возможности взять под прямой или косвенный контроль бывшие владения Высокой Порты³. При этом внутренняя социальная напряженность в балканских странах, обретавших возрожденную государственность в ходе буржуазно-национальных

революций, нарастала от одного кризиса Восточного вопроса к другому. Это был третий фактор, который должен быть принят во внимание при оценке затронутых вопросов. Он важен для определения социальной направленности, составлявшей отличительную черту освободительных движений Юго-Восточной Европы от османского угнетения в середине и в последней трети XIX в. При этом внутренний фактор, соответствовавший глубине и размаху национально-буржуазных движений балканских народов против "отмирающего феодализма" Османской империи неизменно взаимодействовал с внешним фактором – вооруженным вмешательством великих держав на том или ином этапе развития Восточного вопроса. "Для балканских народов внешний фактор, – писал болгарский историк академик Н. Тодоров, – это прежде всего русско-турецкие войны"⁴. Как известно, само понятие Восточного вопроса родилось в связи с вооруженной борьбой греческого народа за независимость. Вместе с тем русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. были использованы греческим освободительным движением как важное условие военно-политической пробы сил и оформления программы национального возрождения греков⁵. Первая баланская республика нового времени на Ионических островах и первая баланская конституция 1799 г. были гарантированы вооруженной силой нового средиземноморского государства, каким стала Россия, добившись выхода в Черное море и через Проливы в Средиземноморье⁶.

Первым массовым народным движением за создание независимости государства были первое (1804 г.) и второе (1815 г.) сербские восстания. Бухарестский 1812 г. и Адрианопольский 1829 г. мирные договоры России с Османской империей обеспечили внутреннюю автономию Сербии. Последовательная позиция России в Восточном вопросе, на его наиболее острой, критической для греческих повстанцев фазе в 1827–1829 гг., обеспечила независимость Греции в 1830 г.⁷.

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. и последующие годы борьбы России за отмену нейтралитации Черного моря в 1871 г. сопровождались серией войн и восстаний освободившихся и еще подданных Османской империи балканских

народов против турецкого угнетения. Опора на Россию Балканского союза 1860-х годов в составе Сербии, Греции, Черногории, Румынии и болгарских патриотов при всей его противоречивости, а также восстания в Боснии, Герцеговине, Болгарии, на Крите в конце 1860-х годов даже при их неудачном исходе – все это свидетельствовало об объективно-прогрессивной значимости политики России в качестве важного внешнего фактора национально-освободительных движений балканских народов как одного из аспектов Восточного вопроса⁸. Новое его обострение в начале 1870-х годов было связано не с активной ролью какой-либо державы, а с внутренними процессами развития революций и реформ в Османской империи. С определенными этапами развития Османской империи как субъекта международных отношений и как полигэтнического общества, переживавшего глубокие процессы внутренних преобразований в общем русле мирового развития. При этом подъемы и спады революционной активности европейских народов, а также этапы развития капитализма в Западной Европе воздействовали на Османскую империю как правило не "напрямую", а главным образом через освободительные движения нетурецких народов на Балканах, через вовлечение наиболее развитых европейских областей империи в складывавшиеся мировые капиталистические связи⁹. Наиболее зримо эти процессы проявились в степени вовлеченности подчиненных Османской империи балканских земель в Восточный вопрос.

Начиная с 20-х годов XIX в. Восточный вопрос занял центральное место в международных отношениях Османской империи с державами на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Зародившийся, как отмечено выше, в конце XIX в., т.е. в эпоху начала промышленного переворота в капиталистических странах, совпадавшего с преддверием реформаторского движения в Османской империи, Восточный вопрос постепенно осложнялся и с середины XIX в. приобрел всю ту противоречивость и многогранность, которая в 70-х годах заставляла многих политических деятелей называть его непостижимой неопределенностью. Однако для Высокой Порты в "Энциклопе-

вопросе" (с турецкой точки зрения) не было ничего неопределенного. На втором этапе Танзимата, т.е. после 1856 г., в нем сплелись национально-буржуазные революции балканских народов, вступивших раньше других султанских подданных на путь буржуазного развития, захватнические амбиции великих держав, пробовавших силы в предстоявшей борьбе за передел мира. В Восточный (он же Западный) вопрос со второй половины 50-х-начала 60-х годов вплеталась внутриполитическая борьба в Высокой Порте, как явление, неизменно сопутствующее реформаторскому движению. Достаточно подчеркнуть, что почти все документы, обнародовавшие реформаторские начинания в Османской империи, принимались в условиях восточных кризисов. Так было с указом Махмуда II об упразднении янычарского корпуса 1826 г., с Гульханейским хатт-и шерифом 1839 г. (первый этап Танзимата), хатт-и хумаюном 1856 г. (второй его этап).¹⁰ При всей ограниченности, реформы смягчали для Османской империи внешнеполитические последствия международных кризисов, в период которых принимались эти акты. Однако своей незавершенностью, особенно в области национальных отношений и в сфере обеспечения реального соответствия правового статуса уровню экономического развития христианского либо мусульманского, но славянского по этнической принадлежности населения реформы стимулировали обострение кризисных ситуаций. Временная победа турецких парламентариев – провозглашение первой конституции в декабре 1876 г. также произошла на гребне обострения Восточного вопроса^{II}.

Все предшествовавшие фазы обострения Восточного вопроса были связаны с изменениями в расстановке сил на международной арене и в связи со спонтанными взрывами национально-освободительных выступлений фактических или формальных владений Порты. Восточный кризис 70-х годов может рассматриваться как углубление, перенесение на международную среду в регионе Османской империи состояния революционной ситуации, в которой страна и ее болгарские провинции в первую очередь оказались с середини 1860-х годов.

Первопричиной выплеснувшегося "бунта", ставшего международным кризиса было сложившееся в 30–50-х годах зависимое развитие Османской империи в рамках которого феодальный уклад и адекватная ему политическая структура пришли в противоречие с вызревавшими в стране (быстрее всего на периферии – на Балканах, медленнее в метрополии – в Малой Азии) капиталистическими отношениями. В рамках того же зависимого развития Высокой Порты по отношению к подвластным народам, проводившаяся под лозунгами паносманизма должна была привести к значительной интеграции немусульман, прежде всего христиан, с основанной на исламских принципах турецкой (османской) государственной системой. При этом мусульмане славянского происхождения в Боснии оказались в особенно сложном положении даже по сравнению с собратьями христианами, защищенными хотя бы от части системой миллетов¹². Практическая реализация принципов османализма, под которым понималось объединение и сотрудничество всех подданных во имя укрепления имперского единства вызывала критику с двух сторон¹³. Со стороны закончивших консолидацию как буржуазные нации и боровшихся за возрождение государственности балканских народов эта критика сопровождалась усилением борьбы за полную независимость (Сербия, Румыния), и ее высшей формой стало создание сербских и болгарских революционных организаций для борьбы с османским угнетением¹⁴.

Со стороны формировалась национальной турецкой буржуазии, заинтересованной в сохранении целостной империи, как широкого рынка, но при том слабой и органически связанный с османским центром власти, критика паносманизма и в целом национальной политики Высокой Порты отличалась непоследовательностью. Во всяком случае молодая турецкая национальная буржуазия вступала в борьбу за "османское наследство" как с буржуазно-национальными движениями на Балканах, так и с колонизаторской политикой держав в Восточном Средиземноморье, в зоне Красного моря и Персидского залива. Обратимся, однако, к соотношению национальной политики Высокой Порты на Балканах и роста турецкого бур-

жуазного, конституционного движения в рамках революционной ситуации в Османской империи, предварившей восточный кризис 70-х годов.

Период активизации борьбы за возрождение государственности на Балканах совпал с пробуждением турецкого национализма, но опережал последний по глубине и размаху, по определенности задач и конкретности, боевитости форм их решения¹⁵. В балканских провинциях Османской империи после Крымской войны происходило относительно быстрое развитие общественной мысли, опережавшее развитие социально-экономической системы. Это обстоятельство было особенно характерно для взаимоотношений турецкого "силового" центра империи и инонациональной, немусульманской балканской периферии¹⁶.

Объяснение этому явлению кроется в известном положении К.Маркса и Ф.Энгельса о том, что противоречие между общественными отношениями и производительными силами "обнаруживается не в данных национальных рамках, а между данным национальным сознанием и практикой других наций, то есть между национальным и всеобщим сознанием той или другой нации"¹⁷. В Османской Турции правящие феодально-теократические силы и передовые круги буржуазно-либерального направления соотносили свою культуру, образ жизни с таковыми же элементами жизни общества в Западной Европе. При этом и для тех и для других сил незыблемым принципом оставалось сохранение имперского единства османских земель. Это обстоятельство и определяло большое сходство в национальной политике правящих кругов и оппозиционных им сил, представленных "новыми османами", объясняло враждебность последних любым освободительным движениям на Балканах, включая боснийских мусульман. В этом крылся антагонизм между растущим движением балканских народов за независимый национальный путь развития и более молодыми, но изначально консервативными по отношению к нему "новыми османами", становление которых проходило в условиях перераспределения зависимого типа развития в положение коллективной полукачолки Запада. Большинство балканских народов находилось на значительно более высоком формационном уровне,

чем господствующая турецкая народность, у них завершалось к середине 70-х годов формирование и консолидация буржуазных наций¹⁸. Они боролись за самоопределение и государственную независимость. Ближайшим и непримиримым противником этой объективно-прогрессивной тенденции являлась сама османская политическая система и ее ядро – турецкая государственная машина, несмотря на все ее адаптационные попытки.

Борьбе против национально-освободительного движения балканских подданных, за сохранение османской государственной системы на Балканах была подчинена по существу вся политика Порты. Наряду с спором на военную силу в подавлении освободительных движений балканских народов, начиная с 20-х годов XIX в., с эпохи Греческой революции, в правительенных кругах Османской империи получает распространение новый подход к сохранению целостности Османской империи в условиях роста освободительных движений и использования державами этих движений в своих целях. Выразителем его был известный поэт и улем-богослов Кечиджизаде Иззет Молла, призывающий создать для христианских подданных определенный минимум экономических и политических условий, чтобы предотвратить их восстания; использовать также и военную силу для сохранения единства всех подданных в пределах Османской империи прежде, чем вмешаются европейские державы¹⁹.

Реформаторы первого этапа Танзимата (1839–1856) развили эти идеи в сторону предоставления христианским и мусульманским подданным равных гражданских прав и равной ответственности за сохранение общей османской территории и единой власти Высокой Порты. Лидеры первого этапа Танзимата во главе с Мустафой Решид-пашой воспринимали декларативное равенство, провозглашенное в Гильханейском хатт-и шерифе 1839 г., как особую ответственность мусульманского населения Европейской Турции за сохранение имперского единства, что должно было исключить повстанческие освободительные движения всех балканских народов. Восстания 1840–1860-х годов, фактически не прекращавшиеся на всей территории Европейской Турции, убедительно свидель-

ствовали о провале планов реформаторов укрепить единство Османской империи за счет фактического привилегированного положения мусульман и теоретического равенства христиан.

На втором этапе Танзимата (1856–1871) видный государственный деятель Кечиджизаде Мехмед Фуад-паша, сын упомянутого выше Иззет Моллы, развивая идеи отца, а также своего учителя Мустафы Решид-паши, сформулировал вместе с другим известным государственным деятелем Мехмед Эмин Али-пашой новую политическую концепцию сохранения пресловутого "османского единства". Политическая сущность "османника" – османизма заключалаось, по словам посла России в Турции Н.П.Игнатьева, тесно общавшегося с фуад-пашой по службе и в личном плане, в том, что будущее Османской империи, ее спасение состоит в "слиянии" мусульманских и христианских подданных, а не в их раздельном и параллельном сосуществовании²⁰. Повторялись прежние идеи "полного равенства" всех османских подданных, право христиан занимать государственные должности, включая высшие посты в империи. Различие османов идеологам османизма виделось лишь в "узкой сфере чисто религиозных вопросов"²². Ограничение внутренней автономности христианских этнорелигиозных общин – миллетов и искусственное насаждение османизированной системы народного образования детей христианских подданных, закрепление за турецким языком исключительного статута государственного языка, а также меры по созданию единой османской армии, рекрутируемой из мусульман и христиан с профессиональным офицерским корпусом из турок – все это должно было, укрепить, по мысли идеологов османизма Фуад-паши, Эмина Али-паши, Мидхат-паши, Османскую империю перед лицом внутренних и внешних врагов, упрочить господство турок – завоевателей. Реализацией этих замыслов можно рассматривать такие правительственные акты как Закон об образовании Лунайского вилайета 1864 г., Закон о народном образовании 1869 г. и Закон об османском подданстве 1869 г. Два последних закона с наибольшей жестокостью стали проводиться именно в Лунайском вилайете, искусственно образованном в наиболее революционной в эти

годы Болгарии²³. Героизм болгарских борцов за свободу как главная причина и внутренняя несостоятельность османизма как политической концепции предопределили поражение государственных деятелей, обречами панисламизма и паносманизма пытающихся стягивать рассыпавшуюся османскую государственность. Оценивая этот период османизации Дунайского вилайета, турецкая историография²⁴, как современная, так и османская, придворная отмечала, что итогом деятельности Мидхат-паша, пытающегося противопоставить, в частности, боснийских мусульман их христианским собратьям, был рост национально-освободительного движения, а в конечном итоге складывание революционной ситуации и в Боснии-Герцеговине, и на других землях.

Следует также учитывать, что практика османизма была не в последнюю очередь направлена против нетурецкого мусульманского населения европейских территорий Османской империи и земель, сопредельных со свободолюбивой Черногорией. Известно, что в конце 1850-х и начале 1860-х годов укрепилось единство черногорцев и омусульманившего местного населения в Герцеговине и Боснии в общем освободительном антитурецком движении. Ни во время турецкого вторжения в Черногорию в 1850–1852 гг., ни в период Крымской войны, ни в последующие годы, отмеченные восстанием в Герцеговине 1857–1858 гг. и турецко-черногорской войной 1862 г., Высокой Порте не удалось создать значительные мусульманские ополчения из местного населения. Это обстоятельство отмечал возглавивший в конце 1850-х годов Азиатский департамент, первый заместитель А.М. Горчакова Е.П. Ковалевский, человек близкий многим деятелям национально-освободительного движения в северо-западных провинциях Османской империи (Албания, Черногория, Босния, Герцеговина)²⁵.

Следует отметить, что в своем стремлении любой ценой османизировать целиком и полностью балканские территории, Высокая Порта прибегала к действиям двоякого характера: как внутриполитического свойства, так и внешнеполитического – к апелляции, к третейскому посредничеству Англии,

Франции, Австрии. Основная цель такого посредничества заключалась в том, чтобы не допустить интернационализации конфликта "метрополия – периферия", что, однако, влекло за собой очередную вспышку восточного кризиса. Так, потерпев поражение в 1861 г. в попытке вооруженного подавления самоуправления герцеговинцев, турецкое правительство обратилось за посредничеством к западноевропейским державам, обвинив Черногорию в подстрекательстве к восстанию османских подданных против Порты как "законного правительства и члена концерта европейских держав", равно обеспокоенных сохранением спокойствия и порядка во владениях всех его участников. Одновременно был подготовлен турецкий проект внутреннего устройства пограничных районов Герцеговины, по форме совпадавший с султанскими хатт- и шерифами 1830-х годов о Сербии по сути – нацеленный на османизацию восставших территорий, правда, под благовидным лозунгом реализации хатт-и хумаюна 1856 г., повторившего тезис о гражданском равенстве всех подданных Османской империи²⁶.

Все попытки османского правительства проводить в жизнь постановления о равенстве в балканских провинциях сочетанием террора и аппеляций к державам повлекли расширение освободительного движения, затем войну Турции и Черногории, вызвавшую новую волну антитурецких выступлений в других балканских провинциях Османской империи²⁷. Правительственный курс на решение национального вопроса на Балканах в рамках доктрины османизма потерпел полный крах, тогда как кризисная ситуация только нарастала.

Однако не только правительственные феодальные верхи и компрадорская бюрократия Османской империи боролись за сохранение целостности страны. Как показали в своих исследованиях советские историки и ученые стран Юго-Восточной Европы, молодая турецкая буржуазия стремилась в рамках обширной по территории, многонациональной и многонаселенной страны получить в наследство от османско-турецкой феодальной деспотии полную политическую власть над народами, оттеснить инновационных конкурентов, даже одной с ней конфедерации, на местных и региональных рынках Османской импе-

рии. В полной мере эта тенденция проявилась в годы восточного кризиса 70-х годов²⁸.

Отмеченное выше буржуазно-либеральное реформаторское движение "новых османов" объективно отражало интересы расущей турецкой национальной буржуазии, но также в полной мере и ее непоследовательность, тесную связь молодой турецкой буржуазии с идеологией и практикой феодально-бюрократической верхушки в национальном вопросе. "Новые османы" на страницах периодической печати и публицистических произведений, в своей практической деятельности, как участники осознанного политического движения, отражали партиотические настроения, пробуждавшееся национальное самосознание турецкого населения Османской империи. Они, однако, добивались преобразования страны в конституционную монархию и создания благоприятных социально-политических условий развития только для турецкой части населения Османской империи, которой приписывались, по словам турецкого историка Зии Энвера Карада, "преимущества, достоинства и качества, такие как широта умственных способностей, природная выдержанность, выносливость и спокойствие"²⁹. Двойственность в программах требований "новых османов" отчетливо проявилась в их отношении к росту освободительных движений в Европейской Турции и их связи с Восточным вопросом. Известный турецкий литератор, один из идеиних руководителей "новых османов" Абдул Хамид Зия-бей, например, резко обрушивался на злоупотребления властей при сборе налогов, проведении рекрутских наборов, приводил в своих публицистических выступлениях материалы о бедственном положении в южнокавказских провинциях Османской империи, что давало повод для представлений и проектов реформ со стороны держав³⁰. Он одновременно выступал против предоставления независимости, например, Черногории (фактически уже независимой) и призывал к расправе с повстанцами в выражениях, которые могли бы быть уместны в устах кардинала - яничара, но не просветителя и переводчика на турецкий язык творений Мольера и Ж.-Ж. Руссо, негодовал по поводу боснийских мусульман, не желавших выступать против своих собратьев-мусульман.

Значительно правее Высокой Порты оказались "новые османы" в таких вопросах, как предоставление независимости Дунайским княжествам и Сербии, создание независимой Румынии. Проблемы Боснии и Герцеговины вообще опускались как несуществующие. Болгарский историк Н.Милев отмечал, что еще идеолог и практик первого этапа Танзимата Мустафа Решид-паша считал идею независимости Дунайских княжеств и Сербии в переговорах с западноевропейскими державами не более, чем дипломатическим маневром, угрозой, которую державы могли бы высказать Порте, если бы она упорствовала в принятии программы реформ, согласованных Мустафой Решидом с представителями держав Запада³¹. В контексте высказываний идеологов Танзимата по этим проблемам решение Восточного вопроса заключалось в беспощадном подавлении повстанческих движений и создании минимальных условий существования немусульманских миллетов. Специфические интересы Боснии и Герцеговины замалчивались.

Как известно, на Константинопольской конференции осенью 1855 г. и на Парижских мирных переговорах 1856 г., как и в последующие годы Али-паша, известный реформатор, в определенной мере разделявший критическое отношение "новых османов" к внешнеполитическому курсу правительства в отношении балканских подданных, как возможности спровоцировать вмешательство держав, отвергал саму возможность объединения Дунайских княжеств в независимое государство с горячностью, стоившей ему однажды министерского портфеля. Десять лет спустя после Парижской конференции 1858 г., предусматривавшей приход к буржуазным преобразованиям в Дунайских княжествах и через семь лет после султанского фермача 1861 г., учреждавшего административное их объединение, Зия-бей, Нымык Кемаль и Али Суави на страницах новосмичской печати критиковали правительство за уступчивость державам, но реалистичной программы ни в национальном вопросе, ни по Восточному вопросу в целом предложить не смогли. В 1867 г. они выступили категорически против передачи сербам крепостей, занятых турецкими гарнизонами, что ослабило бы военно-политические позиции

Порты перед лицом держав . Взрыв негодования пронесся по страницам новоосманской печати, когда в 1867 г. Высокая Порта уклончиво пообещала сербскому князю Михаилу Обреновичу (причем, после тридцати лет упорного молчания) вернуть Сербии небольшой участок на правом берегу р.Дрины. Безрезультатные переговоры продолжались и в 70-х годах и служили мишенью для нападок в вольной прессе "новых османов" с правых, великодержавных позиций³².

Сохранение обманчивой видимости "заботы" османского правительства о внешнеполитическом и внутреннем положении в вассально зависимой Сербии во имя недопущения вмешательства держав с очередным демаршем и реальная угроза активизировать турецкие гарнизоны в сербских городах ослабили взаимодействие сербов и черногорцев в период восстаний в Герцеговине в конце 50-х-начале 60-х годов и войны Порты с Черногорией в 1862 г.³³. Однако эта же двойственная политика Порты усилила напряженность в регионе, поскольку в Вене с большой настороженностью наблюдали за "миротворческими" акциями турецкого правительства в Герцеговине и Боснии, которые Австро-Венгрия уже рассматривала как свои владения.

Объективно осложнению в развитии Восточного вопроса содействовали противники Порты – "новые османы". Не имея сколько-нибудь позитивной программы по Восточному вопросу и полагая, что его главное содержание – инспирированные извне, главным образом Россией, повстанческие движения ("бунты" по их терминологии), "новые османы" вносили дополнительное осложнение, кризисность в общую политическую ситуацию, ослабляли возможность получить внешнеполитическую поддержку в своей борьбе с деспотическим султанским режимом. Вместе с тем они закрывали себе дорогу к сотрудничеству с прогрессивными освободительными движениями среди балканских народов. Так доктрина османизма в ее правительственно претворении и в оппозиционном "новоосманском" варианте служила дестабилизирующим элементом в структуре нараставшего восточного кризиса.

В 1868 г. газета "новых османов" "Мухбир" ("Коррес-

пондент") и "Хюрриет" ("Свобода") обрушились на Высокую Порту за уступки западным державам, и прежде всего России, в политическом обособлении немусульманского населения Османской империи. Уравнивая в глазах читателя независимость Сербии и Дунайских княжеств с особым статутом Ливана, Египта, о-ва Самос, они трактовали эти события как общее проявление слабости центральной власти в Стамбуле, неспособной ни справиться с "бунтовщиками" – повстанцами Крита, ни противостоять давлению держав в Восточном вопросе³⁴.

Что касается ряда поражений, понесенных турецкими карательями на Кипре во время народного восстания 1867г., то Зин-бей пошел еще дальше. Он негодовал по поводу того, что боснийские мусульмане не верны заветам пророка в борьбе с неверными и потому заслуживают наказания. Призываая к расправе с "извечными" нарушителями покоя в османском государстве – греками – кипriotами, этот "убежденный противник насилия и угнетения" считал, что "урок" следует задать всем балканским подданным – в первую очередь болгарам. Не следует забывать, что в балканских странах, например, в Сербии в начале 70-х годов, иногда звучали речи политических деятелей, в которых за всеславянскими объединительными призывами скрывались консервативные националистические тенденции к территориальным приращениям за счет соседей. Предстоит еще выяснить степень и формы взаимовлияния националистической пропаганды в Сербии, Боснии, Герцеговине, Болгарии и других балканских стран в период восточного кризиса 70-х годов с пропагандой османизма "османлыка" в среде буржуазно-либеральной турецкой реформации, достигшей наибольшего размаха к середине 70-х годов³⁵. Очевидно, что и проявления реакционного национализма и "османизма" стали важными элементами в структуре восточного кризиса. Ниже мы увидим, как использовала Порта националистические взгляды балканских руководителей в период кризиса 70-х годов.

Естественно, что турецкие конституционалисты не смогли ни обеспечить поддержку своего движения со стороны инонациональной буржуазии, ни избежать обострения Восточного вопроса. Они заняли позицию, враждебную всем национально-

освободительным движениям в Османской империи, во главе которых шли представители местной как христианской, так и мусульманской буржуазии. Концепции "османского патриотизма" и османской нации не могли не вызвать защитной реакции в балканском освободительном движении. "В стране, называемой Турция, - писал Али Суави, - существует одна и только одна нация - османская. Ее отличительными признаками были, по мнению "новых османов", общее подданство, сходство географических условий, единство "интересов", в том числе экономических, наличие некоей "общесеманской идеи"³⁶. Естественно, что подобные взгляды решительно отвергались радикальной частью сил национального возрождения Боснии и Герцеговины, других народов Балкан.

Национально-освободительные движения балканских народов были в концепции "новых османов" не более чем частью политики вмешательства держав под предлогом решения Восточного вопроса времененным нарушением идейного единства внутри "османской нации". Возврат к чистоте первоначального ислама, превращение Боснии в его опорный бастион в Юго-Восточной Европе конституционные преобразования, воспитание и обучение детей христиан под руководством при рожденных руководителей имперского единства - турок, которые, как писала газета "новых османов" "Мухбир", 300 лет назад были "идейными наставниками мира" - вот, весьма прихотливый и эклектичный набор идей, которые должны были полностью решить национальный вопрос в Османской империи и укрепить ее позиции в Восточном вопросе³⁷.

Следует отметить, что взгляды лидеров "новых османов" по Восточному вопросу и по балканским проблемам были достаточно известны в Западной Европе по изданиям на европейских языках, цитировались, впрочем, с вольной интерпретацией официозной прессой³⁸. Использовались также политическими деятелями различных европейских стран для обоснования более активного "воздействия" на Османскую империю в рамках решения Восточного вопроса и для соответствующей обработки европейского общественного мнения в пользу или против Османской империи в соответствии с политической конъ-

юнктурой в европейских кабинетах по Восточному вопросу³⁹.

Первые турецкие конституционалисты в доктрине османализма продолжали усматривать идейное оружие и практику борьбы против освободительного движения балканских народов. Неудачи османизации Боснии и Герцеговины, других европейских территорий наряду с кризисом конституционного движения в Турции показали всему миру ассимиляторскую сущность политики турецкой либеральной буржуазии одновременно – ее негативность в отношении конструктивной или хотя бы определенной линии в Восточном вопросе. Пути освобождения балканских народов лежали через долины и горы, опаленные огнем национально-революционных восстаний и войн за свободу и независимость. Восточный кризис разгорался.

Очевидные неудачи паносманизма сопровождались появлением новых тенденций во внутренней и внешнеэкономической политике турецкого правительства. 70-е годы начинались для Высокой Порты с явлений, которые современные исследователи называют проявлением внутреннего кризиса, а современники-турки воспринимали как наказание "свыше" за отход от принципов ислама, допущенный в период европеизации, в эпоху Танзимата. Называя 1871–1875 гг. кризисными, положившими конец правительенному реформизму – Танзимату, современный турецкий историк Н.Беркес отмечает, что после смерти в сентябре 1871 г. последнего выдающегося реформатора Али-паша в борьбе исламизма, европеизации и национализма как главных идейных течений победил исламизм⁴⁰. Это означало победу правой реакции и одновременно шаг в сторону обострения положения в стране или, по оценке американского исследователя Р.Дэвисона, шаг в "период хаоса" 1871–1875 гг.⁴¹.

Неудачи ряда танзиматских мероприятий по укреплению международного престижа и военной мощи Османской империи путем применения европейских достижений на турецкой почве, равно как и очевидная невозможность для реформаторов справиться с ростом национально-освободительных движений, наконец, ускорившаяся трансформация зависимого, но суверенного Османского государства в положение экономического и

политического подчинения западноевропейским державам – все это привело к усилению в начале 70-х годов правых, консервативных кругов в правительстве. Эти круги, по словам русского посла Н.П.Игнатьева, "называемые – старые турки доходили до крайности"⁴². Крайности эти проявлялись в пересмотре в сторону ужесточения административного и этно-конфессионального деления, в усилении исламских правоведов-улемов.⁴³ Приходили к власти лица, как их называл Н.П.Игнатьев, "второстепенной значимости", ориентировавшиеся на европейские монархические режимы с мощными военно-репрессивными аппаратами*. Такими были на рубеже 70-х годов Пруссия и Россия⁴⁴. Пруссия в течение полу века содействовала реорганизации сухопутной армии и средств связи турецкой армии. Прусские офицеры десятилетиями формировали преподавательские кадры в турецких пехотных училищах, стояли у истоков создания нового Генерального штаба Османской империи. Жесткая политическая линия О.Бисмарка в объединении Германии импонировала властолюбивому Абдул Азизу. Поражение Франции 1871 г. во франко-пруссской войне было неоспоримым свидетельством победы того прусского духа и той сильной личной власти, которую успело впитать не одно поколение высших военных авторитетов османской армии и значительная часть губернаторов, прошедших прусскую выучку во время службы в армии.

Кроме того, победы Пруссии над Австрией, затем над Францией рассматривались в Турции как свидетельство победы передовой техники в руках одной из малых стран Европы, к которым Порта причисляла себя, над двумя великими державами Европы. В Стамбуле многим казалось, молодая Германия займет место Франции в Восточном вопросе⁴⁵. Парижская коммуна, в защиту которой выступала ненавистная султану и

* По мнению советских исследователей, которое мы разделяем, кратковременный период пребывания в начале 70-х годов у власти реформаторского кабинета Мидхат-паша, опиравшегося на конституционалистов, лишь усилил стремление правых сил в правительственные кругах к полноте власти⁴⁶.

правым силам газета "новых османов" "Ибret" ("Наставление") воспринималась в правительственные кругах как окончательное падение Франции как великой державы⁴⁶. В то же время статьи в поддержку Парижской коммуны появились и в различных турецких оппозиционных газетах уже в 1871 г. Впервые на турецком языке в феврале 1871 г. появилась работа К.Маркса – письмо в редакцию "Дейли Ньюс" (январь 1871 г.) об угрозе, которую бисмарковская политика в отношении Франции несет для всей Европы⁴⁷. Под влиянием И Интернационала, Парижской коммуны и прогресса рабочего движения в Европе в 1871 г. в Стамбуле было основано первое рабочее общество, а год спустя состоялась первая рабочая забастовка.

Очевидно, что в этих условиях симпатии Абдул Азиза и его окружения были на стороне "сильной" Пруссии, к тому же неизменно декларировавшей незаинтересованность в Восточном вопросе⁴⁸. В Стамбуле было также известно, что канцлер России А.М.Горчаков в июле 1870 г. получил поддержку О.Бисмарка в вопросе об отмене положений Парижского договора 1856 г. о нейтралитации Черного моря⁴⁹. С учетом хорошо известного турецким дипломатам франко-прусского antagonизма и складывавшегося диктата Германской империи в Центральной Европе Стамбул взял курс на сближение с сильнейшей в данный момент стороной, что представляло обычный прием турецкой внешней политики в новое время.

Однако на Босфоре не учитывали, восторгаясь объединительной политикой О.Бисмарка, что с начала 1871 г. сближение и затем союз с Германией рассматривались в Австро-Венгрии как тыловое обеспечение экспансии на Балканы. Согласованность австро-германских действий по балканским вопросам и в целом по Восточному вопросу в начале 70-х годов оказалась непреодолимым препятствием для турецкой дипломатии⁵⁰. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Ф.Бойст весной 1871 г. и его преемник Д.Андраши с октября 1871 г. сформулировали турецкое направление политики дуалистической монархии: ачнексия Герцеговины и Боснии при поддержании статус quo Османской империи, как оружия в руках Австро-Венгрии (и Германии) против возрождения наци-

ональной государственности балканских народов. Учитывалось также, что только сохранение Османской империи обеспечит австро-венгерским торгово-промышленным кругам продолжение использования капитуляционного режима, спасительного для них в остройшей конкурентной борьбе на рынках Османской империи – как на Балканах, так в Малой Азии, на арабских территориях. Режим капитуляций должен был быть использован при реализации обширных планов железнодорожного строительства в Цго-Восточной Европе, которые вынашивала австро-венгерская буржуазия⁵¹.

Втягиваясь в новую расстановку сил в Европе, османские правящие круги сориентировались, следовательно, на Германскую империю, Австро-Венгерскую монархию, для которых балканские территории Османской империи были разменной монетой в европейских комбинациях, либо объектом военно-политической и экономической экспансии.

Российское самодержавие с его абсолютизмом и жесткой централизацией бюрократического аппарата представляло второе важное направление интересов Абдул Азиза и его правового окружения в канун восточного кризиса⁵². Тенденции сближения с Россией появились в турецкой дипломатии на заключительном этапе восточного кризиса 50-х годов. Во время работы Парижского мирного конгресса 1856 г. наметились пути отдельных согласованных действий России и Турции против ограничительной политики великих держав в области морских вооружений двух черноморских держав. Достигнутая неофициальная договоренность русских и турецких представителей на мирном конгрессе в Париже позволила, например, предотвратить появление военно-морских баз Англии и Франции в Черном море⁵³.

Уклончивость, осторожность России по ряду вопросов балканской и средиземноморской политики Высокой Порты в 60-х гг. (например, декларация о невмешательстве по Критскому вопросу в 1869 г.), отказ от поддержки турецких конституционалистов, наоборот, поддержка, оказанная Абдул Азизу в вопросе о престолонаследовании (несущественном с точки зрения западных держав), незначительность уровня эконо-

мического внедрения России на Балканах и, несомненно, выдающиеся личные качества русского посла в Стамбуле Н.П.Игнатьева, демонстрировавшего неизменно уважительное отношение к стране пребывания и ее обычаям – все это вместе взятое определяло рост влияния России в Стамбуле. Русско-турецкое сближение происходило на консервативной основе – борьба против развития революционного движения в любой его форме. Тем не менее оно оказывало объективно стабилизирующее воздействие на международную среду в целом и в регионе Причерноморья в частности.

В период русско-турецкого сближения начинались и осуществлялись все внутренние преобразования в Османской империи, начиная с реформ Селима III в 90-х гг. XIX в. и до начала 70-х гг. Роста международная торговля, укреплялись, используя мир и реформы силы национального возрождения на Балканах. Рост авторитет России, ее экономический потенциал через развитие производительных сил Юга России в условиях гарантированного и безопасного выхода в Черное и Средиземное моря через Босфор и Дарданеллы.

Это же обстоятельство ускорило формирование элементов кризисной политики держав Западной Европы после 1871 г., усилило стремление Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции пресечь рост русского влияния на данном этапе и как тенденцию в последующей политике Османской империи. Политика блокирования русско-турецкого сближения не была исключительной чертой кризиса 70-х годов. Но именно на данном этапе развития Восточного вопроса она проявилась с особенной резкостью и негативными последствиями для Балкан – ограничение Болгарии на Берлинском конгрессе и др.

Пиком русского влияния были 1874–1875 гг. В самом начале восстания в Боснии и Герцеговине султан Абдул Азиз в первый и последний раз в истории русско-турецких отношений предложил послу Н.П.Игнатьеву подготовить проект реформ для христианских подданных и высказывался за союз с Россией, выражая недовольство коллективными демаршами западных держав⁵⁴.

Россия менее болезненно, чем Англия и Австрия, реаги-

ровала на доктрины османизма и исламизма, хотя и то, и другое затрагивало ее интересы во владениях, населенных мусульманами. В сентябре 1872 г. Германия, Россия и Австро-Венгрия, т.е. те державы, на которые начала переориентацию Высокая Порта, согласовали общую линию в Восточном вопросе. Внешне она представлялась вполне миролюбивой в отношении Османской империи. Высокой Порте было известно, что берлинское свидание трех императоров посвящено западноевропейским проблемам⁵⁵.

Однако отшатнувшись от союзников по "крымской коалиции" – Англии и Франции, Османская империя приобрела новые ориентиры, столь же не надежные, столь же далекие от учета ее интересов, как и прежние. Один из участников "крымской коалиции" – габсбургский режим, наиболее непоследовательный в ходе предыдущего восточного кризиса 50-х годов, был, как бы во вторую очередь по сравнению с молодой Германской империей, среди политических ориентиров Высокой Порты этого периода.

Все осложняющие и негативные элементы в структуре отношений Порты с Веной перешли, следовательно, в, казалось бы, нормальный этап внешней политики Стамбула и отягощали структуру кризиса.

Постепенно и почти незаметно Османская империя начала втягиваться в новый этап обострения Восточного вопроса. Осенью 1870 г. международная обстановка в Западной и Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке давала России возможность покончить с ограничительными статьями Парижского мира – запретом России и Турции держать флот в Черном море. В сентябре–октябре 1870 г. Франция потерпела сокрушительное поражение в войне с Пруссией. В начале августа 1870 г. Н.П.Игнатьев успел провести с доживавшим последние месяцы жизни великим визирем Али-пашой "академическую и неофициальную" беседу о перспективах, которые открылись бы перед Россией и Турцией в случае пересмотра ограничительных статей Парижского мира⁵⁶. Давние друзья и единомышленники в том, что касалось укрепления позиций каждой из двух стран, как суверенных причерноморских держав, они достигли

договоренности о благожелательной позиции Высокой Порты⁵⁷.

И это стало известно европейской прессе буквально немедленно. Пруссия заверила Россию, что считает ее претензии к пересмотру договора 1856 г. законными. 19(31) октября 1871 г. канцлер России А.М.Горчаков направил всем державам циркулярную ноту, в которой сообщал, что Россия не считает себя более связанный с запретами держать военный флот в Черном море. В отдельном приложении к циркуляру, направленному в Стамбул, содержалось обращение непосредственно к султану, как юридическому лицу, подписавшему Отдельную и Дополнительную конвенцию 1856 г., определявшую количество и тоннаж судов каботажного плавания в прибрежных водах, об отказе от таковой Конвенции⁵⁸.

В документе проводилась мысль о том, что Россия не намерена "возбуждать Восточный вопрос" и готова выполнить "главные начала договора 1856 г." на основе подтверждения или составления нового договора. Содержалось также указание на постоянную с 1856 г. опасность прохода военных кораблей нечерноморских держав в Черное море, хотя бы и в военное время и с согласия Порты. Говорилось, что это могло бы нарушить нейтралитет Проливов, как части турецкой суверенной государственной территории. Тем самым турецкое правительство и вся Европа подводились к мысли – с отменой нейтрализации Черного моря Россия защищает не только свои интересы, но и заботится о сохранении сложившегося и закрепленного договором 1841 г. статута Черноморских проливов.

Обращением к Османской империи о прекращении действия Конвенции об ограниченной численности военных кораблей двух держав Россия как бы приглашала Высокую Порту к совместной акции – отказаться от взаимоограничивающих и ущемляющих интересы и России, и Турции статей Парижского договора. По дипломатическим каналам через Лондон и Вену и непосредственно в Стамбуле через Н.П.Игнатьева Петербург дополнительно свидетельствовал, что Россия исключает в своей политике на Востоке какие-либо враждебные акции против Османской империи⁵⁹. Одновременно Н.П.Игнатьев, изве-

стный сторонник прямых русско-турецких переговоров по Восточному вопросу, активизировал переговоры с Али-пашой по широкому кругу вопросов, касавшихся укрепления доверия и взаимопонимания между двумя соседними странами. При этом стороны старательно обходили вопрос о Боснии и Герцеговине, других балканских землях.

Первая реакция Стамбула на горчаковский циркуляр была вполне такой, какой хотели бы видеть бывшие союзники – Лондон и Вена. Стамбул глухо молчал, не отвечая на ноту Горчакова, и призвал на военную службу запас первой категории. Однако в течение октября–ноября 1870 г. военная тревога в Стамбуле, которую привычно стимулировал английский посол Г.Эллиот обещанием английской помощи в случае конфликта с Россией, улеглась⁶⁰. Сторонник прямых контактов с Россией Али-паша последний раз в своей жизни (ему оставалось жизни несколько месяцев) сумел положить руль турецкой политики курсом на "мир с Россией и умеренные реформы для христиан". Султан лично заверил Н.П.Игнатьева, что первым он военные действия против России не предпримет⁶¹. Турки как бы закреплялись в позиции соавторов отказа от столь долго вынашивавшегося в Лондоне запрета на восруженненное присутствие черноморских держав в собственных территориальных водах. Британская конструкция отбрасывания России на Балканах рушилась. В Лондоне негодовали и печатали статьи с призывом активизировать действия против России⁶². В Вене крайне негативно восприняли знаменитый циркуляр, расценив его как повод к войне. Позиция Порты канцлером Ф.Бойстом рассматривалась как полное отступление от крымской системы и нежелание иметь гарантии со стороны своих союзников по войне 1854–1856 гг.⁶³.

"Вы приносите нам войну," – заметил Али-паша в беседе с Н.П.Игнатьевым в конце ноября 1870 г. Мудрый великий везир ошибался. Не Россия несла войну. Конфликт зрел вне русско-турецких отношений. Усилились столкновения в правительственные кругах Турции. Проавстрийская группировка настаивала на сближении с Австро-Венгрией и, соответственно, с Англией и на демаршах против отмены нейтралитации.

Прорусская группировка в составе самого султана, всесильной валиде-султан (матери правившего султана Абдул Азиза), великого везира, министров финансов, торговли, военного министра и, что особенно раздражало британского посла, представителя фактически независимого египетского хедива при Высокой Порте поддержала требования России⁶⁴. Если учесть, что в правящих кругах Османской империи обострилась борьба сторонников реформ и конституционалистов против, по выражению Н.П.Игнатьева, "сильной старотурецкой партии", требовавшей прекратить гляурские реформы, опереться на Россию, которая их не одобряла, и отказаться от ориентации на разгромленную Францию и "ненадежную" Англию, откровенно ожидавшую династической войны за трон Османов, а тем временем проникшую в сердце исламских владений – в Аравию, Месопотамию, то некий призрак войны⁶⁵ действительно возникал в накаленной атмосфере Стамбула. Правда, внутренней, связанной с обострением политического кризиса конца 60-х–начала 70-х годов XIX в. в Османской империи⁶⁶.

Не только фактически согласованный отказ двух черноморских держав от права на защиту морских рубежей вызывал повышенное внимание Лондона к Восточному вопросу.

В различных странах Востока, оказавшихся в середине XIX в. под колониальным гнетом, зрели идеи общемусульманского единства в борьбе против иноземных угнетателей – англичан, голландцев, французов и др. Самостоятельная Османская империя, султан которой по традиции являлся одновременно халифом-духовным главой всех мусульман становилась своеобразным притягательным центром общемусульманского стремления к освобождению. В Стамбуле появлялись мусульманские делегации из Кашгара и о.Суматры, из Синьцзяна и Коканда. В правительственные кругах Османской империи росту освободительных движений балканских народов, усиливавшемуся внедрению западных держав в экономику и политику, наконец, физической невозможности контролировать отдаленные арабские земли стремились противопоставить весьма "съевременно" для Порты усилившееся тяготение "исламских земель" к единению. Среди исконно ислам-

ских территорий упорно повторялось – Босния, Босния⁶⁷.

Взгляды некоторых теоретиков исламизма, отрицающих вместе с колонизаторской политикой значение западной цивилизации для стран Востока весьма удачно вписывались в призвы османских ретроградов отказаться от "европеизации". Исламистские иллюзии питали некоторые деятели "новых османов", как способ восстановить призрачное единство империи, противопоставить некую общую исламизма идею распространения на балканских землях панславизма⁶⁸.

Практическое "возрождение халифата", точнее использование Портой нового оружия в старых целях – подавление освободительных и сепаратистских тенденций на отдаленных землях началось осуществляться прежде всего на территории фактически независимой юго-восточной Аравии, на побережье Персидского залива. Турецкая печать размывляла вслух о перспективах объединения всех мусульман под контролем османского султана-халифа от Боснии, Болгарии до Египта, Туниса и сопредельных Британской Индии районов Среднего Востока, что дало бы возможность оказать влияние на положение дел из Азии, и в Восточной Европе⁶⁹. Это уже был прямой вызов Англии, угроза ее владениям, как реальным – Индия, так и перспективным. Тем более, что вызов прозвучал в условиях наметившегося русско-турецкого сближения, что могло существенно осложнить внешнеполитические действия Англии в Центральной Азии и в Юго-Восточной Европе.

В то же время, османизм, как основа общеимперского единства и укрепления страны, в применении к балканским провинциям был принципиально опасен для экспансиионаизма Австро-Венгрии на Балканах, равно как и русско-турецкое сближение⁷⁰. Исламистские тенденции в идеологии и во внешней политике Османской империи представляли, следовательно, угрозу британским и австрийским интересам в самом широком спектре проблем. Бывший союзник и объект бесчисленных проектов реформ, направленных на приспособление турецкой экономической и политической машине в интересах Европы Высокая Порта становилась по меньшей мере неудобна для дальнейших планов Лондона. "Никто в Англии не думает

уже о "спасении" Турции от разрушения, — писал французский дипломат из Лондона⁷¹. Пройдет всего шесть лет и в разгар восточного кризиса, в сентябре 1876 г. один из руководителей внешней политики Англии Р. Солсбери в сердцах напишет в доверительном письме, что он "оплакивает" крымскую систему и хочет изгнания турок из Европы. "Злополучный Парижский договор, — сетовал Р. Солсбери, — обязывает нас уважать интегритет Турции"⁷². Узел, завязанный войной 1853–1856 гг., мог разрубить только меч. Кто поднимет его?

В 1875–1876 гг. в Лондоне появится серия проектов раздела Османской империи, будет обсуждаться даже, как отвлекающий маневр, вопрос о соглашении Англии и России по вопросу о разделе Турции⁷³. Королева Виктория в 1876 г. будет провозглашена императрицей Азии — уж, не в противовес ли турецкому султану — главе мусульман Азии? Раздел Турции начнется в 1878 г.— Англия захватит Кипр, подготовит анексию Египта. Австро-Венгрия оккупирует Боснию и Герцеговину. Прорусские настроения Стамбула уйдут в небытие вместе с Абдул Азизом и его сподвижниками по реформам.

Впереди были заря надежд балканских народов — Сан-Стефано и сумрак разочарований — Берлинский конгресс. На заключительной стадии восточного кризиса 70-х годов вмешаются державы и вновь начнется бесконечный раздел "османского наследства". Впереди беспримерная революционная война балканских народов за свободу и независимость.

Тогда, осенью 1870 г., Османская империя только начала втягиваться в оказавшийся концом как Танзимата, так и неправительственного реформизма восточный кризис. Она отшатнулась от прежних союзников, но не сблизилась достаточно и прочно с объектами своей новой ориентации. "Крымская система", противоречия, порожденные ею, продолжали сказываться. Если Парижский мир 1856 г. досадно мешал Солобери, то уж Высокая Порта на нем крепко споткнулась, и западные державы не замедлили этим воспользоваться.

В январе–феврале 1871 г. притихшая Европа наблюдала, как Бисмарк расправляет с Францией. В Лондоне тем временем (17 января 1871 г.) собралась международная конферен-

ция держав, участвовавших в Крымской войне, а также Пруссия. Предстояло принять в качестве международного документа решение России, неофициально согласованное с Османской империей, об отмене нейтралитации Черного моря. Однако проблема стояла существенно шире, и кроме того острота полемики, которая там развернулась, противоречит расхожему суждению А.Дебидура о "вялом характере" ее работы⁷⁴. Прежде всего остроту ситуации придавало присутствие на конференции двух противников – Франции и Пруссии, перемирие между которыми было заключено только 31 января 1871 г. Их присутствие могло придать конференции, посвященной собственно одному из аспектов Восточного вопроса, непредсказуемый характер, например, Франция могла обратиться за помощью против прусской агрессии к союзникам по "крымской системе". Англия шла на конференцию, получив недвусмысленный отказ О.Бисмарка поддержать Лондон в намерении гальванизировать англо-австро-французский договор от 15 апреля 1856 г.⁷⁵. Согласно последнему, нарушение Парижского договора или угроза такого действия со стороны России должны были вызвать коллективные акции членов этого военно-политического союза, заключенного после подписания Парижского мира и вне договоренности с Османской империей⁷⁶. Обойти этот договор Англии напрямую также не удалось. "Злополучный Парижский договор" (Солсбери), отягощенный "глупостью" договора от 15 апреля 1856 г.

(Гренвилл), а в конечном итоге независимый союзник – Порта мешали Англии. Гренвилл выяснил, что Порта готова получить новый заем, но воевать с Россией отнюдь не собирается, и никоим образом не будет компенсировать усердие Лондона в борьбе за сохранение ситуации равно ущемленных – победителя – Порты и побежденного – Петербурга. Лондон предложил принцип полного открытия Черноморских проливов, изъяв вопрос из юрисдикции султана. Россию хотели привлечь перспективой постоянного прохода ее военных кораблей в Средиземное море, Турцию – "обеспеченным покоем"⁷⁷.

Учитывая отсутствие флотов на Черном море у России и Турции, подобный план означал бы, в случае его принятия в

Петербург и Стамбуле, заведомо полное господство могучего флота Англии в Проливах и в Черном море. Представитель России уклонился от решительного ответа. Стамбул ответил решительным отказом и тем определил свою независимую позицию на Лондонской конференции.

Австро-Венгрия решила воспользоваться Лондонской конференцией и сделать еще один шаг на Балканы. Вена ушла от обсуждения проблемы возрождения тройственного союза I 56г. и предложила обсудить вопрос о судоходстве по Дунаю, имея в виду собственно обеспечение австрийского судоходства⁷⁸. По поводу Лондонской конференции А.Дебидур, которого затем не раз повторяли другие авторы в новейших исследованиях, писал: "Турция не шла в расчет"⁷⁹. Действительно, западные державы не ожидали встретить жесткую и независимую линию турецкого представителя, опытного дипломата, многолетнего посланника Порты в Лондоне Костаки (Константина) Мусурус-паши, поддерживавшего телеграфный контакт напрямую с личным кабинетом Абдул Азиза. Турецкий представитель сделал неожиданное (на втором заседании 24 февраля 1871 г.) заявление о том, что Османская империя не рассматривает нейтрализацию Черного моря как нарушение своего суверенитета. Порта готова сохранить этот принцип, но идет на уступки России и участвует в переговорах во имя добрососедских отношений и если получит необходимые гарантии сохранения территориальной целостности и безопасности. Тогда, по словам Мусуруса-паши, турецкая сторона была бы готова обсудить предложения о пересмотре отдельных статей Париjsкого трактата⁸⁰. После такого заявления о работе конференции, как "о чистой формальности" (именно этого хотели в Петербурге и в Берлине) не могло быть и речи. Участники конференции втянулись в обсуждение самого острого и для Османской империи, и для России вопроса о статуте проливов. Если вспомнить, сколь остро стоял в те дни вопрос о положении в разгромленной Пруссией Франции, следует признать, что Порта сумела заставить державы слушать себя в особо сложный для Европы период. Необходимо вспомнить также, что Порта по существу возвращала на трид-

цать лет назад державы в том же составе (добавилась Италия), в котором они установили режим Черноморских проливов на Лондонской конференции 1841 г. Конвенция от 13 июля 1841 г. была актом коллективного изъятия режима Проливов из юрисдикции Высокой Порты⁸¹. Она ввела в действие принцип закрытия Проливов для военных кораблей всех держав. Ограничительный для Порты режим Проливов гарантировался великими державами. Через тридцать лет, в 1871 г., Османская империя воспользовалась ситуацией пересмотра очевидного в своей дискриминационности сговора держав по проблемам, соотвляющим неотъемлемую часть суверенитета Османской империи. Согласно Дополнительной конвенции к Парижскому мирному договору, Проливы были закрыты для военных кораблей всех держав, "доколе Порта будет находиться в мире". Следовательно, ограничение турецкого суверенитета, хотя и в меньшей степени, сохранялось и после 1856 г.⁸²

В ходе конференции 1871 г. Османская империя предприняла решительные шаги для того, чтобы не оправдавшей себя "крымской системе" союза с Англией, Францией, Австро-Венгрией противопостанить договорно закрепленные отношения с другими державами. Вопрос о Проливах, казалось, давал для этого все возможности. Однако стереотипы Крымской войны довлели над представителем России 80-летним Ф.И.Брунновым, который не сотрудничал с Мусурус-пашой, хотя последние дни такое сотрудничество вменялось в обязанности султаном. Английский и австрийский представители сообща противодействовали оставшемуся в одиночестве Мусурус-паше. Прусский и итальянский представители проигрывали свои варианты политических решений по европейским вопросам, но о Мусурус-паше не сотрудничали.

Тем не менее настойчивости Мусурус-паша следует отдать должное, когда он отверг предложение Австро-Венгрии, согласованное с Англией в качестве гарантии безопасности Порты, предложение содержать в Черном море объединенную эскадру западных держав, "равносильную" русскому флоту, либо создать военную военно-морскую базу в Синопе (новаториальная идея впохи Крымской войны)⁸³.

Жесткая дискуссия разгорелась вокруг статьи, определенной дружественным или "неприбрежным" (к Черному морю) державам будет иметь право открывать Проливы турецкое привилегию⁸⁴. На первом определении настаивала Россия. На втором – Англия и Австро-Венгрия. Сумев настоять на формулировке, позволившей открывать Проливы не только "неприбрежным", что было направлено явно против России и против Турции, так как ограничивало свободу политического выбора султана, но "дружественным и союзным державам" Муссуринша добился двойного успеха. Во-первых, Османская империя зафиксировала в договоре право по своему усмотрению открывать Проливы в мирное время военным судам дружественных и союзных держав" и устанавливать таким образом круг союзных держав в перспективе вне рамок "крымской системы" и окончательное упразднение лондонских ограничений 1841 г. Упоминание об открытии Проливов "дружественным и союзным" государствам "в том случае, если бы это было признано необходимым для выполнения постановлений Парижского договора 30 марта 1856 г." оставалось формальным⁸⁵, так как не определило, кто именно будет производить "признание необходимым".

Столь же твердо турецкий представитель отверг поддержанное Ф.И.Бруниовым австрийское предложение об увеличении числа военных кораблей кратинной службы в низовьях Дуная. По согласоранию с Россией вопрос о Дунае был перенесен на рассмотрение особой европейской комиссии, что дало возможность Порте, столь важную для нее возможность, участвовать в работе еще одного международного форума, фактически оттеснив тех, кто должен был участвовать в решении всех вопросов – своих придунайских подданных.

В начале марта 1871 г. был подписан Лондонский протокол, по которому снимались ограничения на создание в Черном море русского и турецкого флотов⁸⁶. Черное море подтверждалось как открытое для международной коммерческой навигации, что отвечало интересам всех стран, торгующих с Россией и Турцией. Предлевалась деятельность международной Дунайской комиссии. Это были положительные

факторы, хотя прямого влияния на положение балканских подданных они не оказывали.

Высокой Порте не удалось полностью выйти из-под контроля бывших союзников. Сохранился хотя и в ослабленной (в связи с Францией) и расширенный (за счет Италии и Германии) "концерт" европейских держав по Восточному вопросу. Рокот турецкого барабана перекрывался медью (и сталью) Пруссии, Австро-Венгрии. Основную партию в оркестре вела первая скрипка — Англия. Самоотстоятельная партия, которой добивалась турецкий участник "концерта", породила острое недовольство Англии и Австро-Венгрии, наиболее непримиримо выступивших на заключительном этапе восточного кризиса 70-х годов и реализовавших захваты османских владений в Восточном Средиземноморье и на Балканах. Революционное развитие событий в Боснии и Герцеговине, Болгарии, война 1877–1878 гг. окончательно изменили соотношение национально-освободительного и реформаторского движений в Османской империи в пользу превращения первого в независимый и решающий фактор развития балканского региона.

Ныне наложенное дает основание и еще для одного суждения. Реформаторское движение в Османской империи от эпохи Селима III до Восточного кризиса 1870-х годов реализовалось в обновлявшемся общественно-политическом режиме. Обновление было подготовлено постепенным переходом османского общества от преимущественно вертикальных форм личной (личностной) зависимости османских подданных к горизонтальным экономическим связям. Формирование таких началось раньше всего на европейских территориях Османской империи и рост их влияния на общеосманские процессы шел по направлению.

Сохранение в принципе традиционных имперских институтов и заметное влияние новых социальных общностей активно реализовалось на балканских землях. Это было интегристическое противоречие, и оно определило неизбежность и замедленность османского реформизма, исходившего из единого центра власти.

"Круговоротом" Османской империи в проявлено в Еги

кнам была направлена в первую очередь на укрепление турецкого господства. Однако объективно она содержала набор преобразований, отвечавших потребностям одной из главных несущих конструкций имперского здания – социально-экономическому развитию балканских земель.

После акта 1839 г. первоначальный объект реформ – балканские подданные – существенно расширил и увеличил потенциал воздействия на инициировавший реформы османский центр власти благодаря: а) опережающим темпам развития европейских территорий империи; б) углублению революционных, национально-освободительных движений на Балканах; в) развитию прямых связей балканских земель со складывавшимся мировым капиталистическим хозяйством.

С конца 1850-х годов в Танзимате нарастают тенденции, тормозившие национально-государственное возрождение на Балканах. Никакая эволюционно-реформаторская деятельность османского центра власти не могла отвечать интересам развития покоренных народов. Революционный разрыв с исчерпавшими себя реформаторскими инициативами Стамбула притеснялся на 1870-е годы и явился одной из составляющих очередного обострения Восточного вопроса. Танзимат как правительственный реформизм утратил какое-либо значение. Реформаторские процессы на Балканах и в особенности в Турции – османском центре власти приобрели черты, отражавшие региональную социально-политическую направленность.

Примечания

- 1 Нарочинский А.Л. Балканский кризис 1875–1876 гг. и великие державы // Вопросы истории, 1976, № II, с.33; Киняпина И.С., Георгиев В.А., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XIX– начало XX в. М., 1978, с.3–4. Далее – Восточный вопрос.
- 2 Dittrich Zd. The European Great Powers and the Eastern Question // Aspects of the Eastern Question. Ed. by M.N. Todorova // София. – 1986, с.5–6, 8–11; [(10) лет освобождения балканских народов от османского ига]. Материалы

международной научной конференции. Москва, 15-17 мая 1978 года. М. 1978.

3. Шеремет В.И. Взаимодействие политики и экономики в формировании зависимости как варианта развития Османской империи в эпоху промышленного капитализма. // Экономика и политика. М. 1990. С. 55-60.

4. Тодоров Н. Русско-турецкие войны и балканские народы. // 100 лет освобождения, с. 191. Аналогичные взгляды сформулированы советскими историками. Виноградов В.Н. Процессы образования государств в Центральной Европе в XIX - начале XX вв. // Вопросы социальной, политической и культурной истории Центральной Европы. М. 1984. С. 93. Далее - Вопросы.

5. Арш Г.Л. Кауподистрия и греческое национально-освободительное движение (1809-1822). М. 1976; Его же. Новогреческое Просвещение и Россия. // Вопросы, с. 304-308.

6. Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XIX - начале XIX в. М. 1976. С. 5-6; Гросул В.И. Реформы и революции на Балканах в XIX в. // Вопросы, с. 100.

7. Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М. 1975. Международные отношения на Балканах. 1815-1830. М. 1983.

8. Петрович Н. Борьба за освобождение балканских народов от власти Османской империи и сербы Австро-Венгерской монархии. М. 1974. Карасев В.Г. Буржуазно-национальные революции балканских народов, Восточный кризис середины '70-х годов XIX в. и русско-турецкая война 1877-1878 гг. // 100 лет освобождения, с. 167-175.

9. Подробнее см.: Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. Вторая четверть XIX в. М. 1985.

10. Новичев А.Д. Борьба между реформаторами и консерваторами в период Танзимата (1839-1853). // Тюркологический сборник 1973. М. 1975. С. 82-108.

11. Петросян Ю.А. Первая турецкая конституция. // Народы Азии и Африки, 1976, № 6, с. 76-85. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М. 1983. С. 128-129.

12. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (осмынизм - панисламизм). М. 1985. С. 98-116.

13. Farley J.L. *Turks and Christians. A Solution of the Eastern Question*. London. 1986. Р. 242-243.

14. Понтико Д.Ф. Революция и реформа в идеологии балканской революционной демократии (60-70-е годы XIX в.). // Вопросы, с. 138-147. Билунов Б.И., отв. ред. Болгаро-российские общественно-политические связи. 50-70-е гг. XIX в. Кишинев, 1986. С. 194-206. Шарова К. Гений национальной революции. 150-летие со дня рождения В.Левского. // Софийские новости, 22 июля 1987 г., с. 6.

15. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XIX - 70-е годы XIX в. М. 1986. С. 15-19.

16. Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М. 1990. С. 168-169.

17. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 30.

18. Димитров Стр. Борьба в правящих кругах Османской империи в период войны 1877-1878 гг. // Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и Балканы. М. 1978. С. 208.
19. Записку Иззет Моллы см.: *Tarih-i İmtfi. cilt 1. İstapımlı*. 1290 н. (1873). З. 391-393; о нем см.: Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир, с. 195.
20. Новицев А.Д. История Турции. Т. 3. Новое время. Ч. 2. 1839-1853 гг. Л. 1973. С. 194-195. Миле Л.Н. Освободительное движение албанского народа против турецкого ига в период Танзимата (30-70-е гг. XIX в.). М. 1961. С. 15-23.
21. Н.П.Игнатьев - А.М.Горчакову, 25 апреля (7 мая) 1867 г. - АШИР, ф. Канцелярия, 1867 г., д. 31, л. 489.
22. См. изложение политического завещания Фуад-паша в книге английского современника: *Farley J.L. Turka and Christians. P. 243*. Русский перевод завещания Фуад-паша см.: "Русская мысль", 1896, № II, с. 191-197.
23. Обобщенную оценку идеологии реформаторства второго этапа Танзимата см.: *Petrosyan Y. On the Motive Forces of the Reformist and Constitutional movement in the Ottoman Empire. // Economie et sociétés dans l'Empire ottoman. Paris. 1983. Р. 21-26.*
24. Karal E.Z. *Ottomanlı tarihi*. С. VII. Ankara. 1956. З.95. Фадеева И.Е. Мидхэт-паша. Жизнь и деятельность. М. 1977. С. 43-44.
25. Ковалевский Е.П. Собрание сочинений. Т. IУ. СПб. 1872 С. 223, 229-239. Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М. 1979. С. 139-140
26. Хитрова Н.И. Черногория, с. 171-172, 175.
27. Павлович Б. Црна Гора у рату 1862. године. Београд. 1963. С. 280-376. Хитрова Н.И. Черногория, с. 125-201.
28. Фадеева И.Е. Мидхэт-паша; Димитров Стр. За политиците на Турския либерални кръгове в началото на Априлското въстание. // Априлско въстание. 1876-1966. София. 1966. С. 43-46; Митев И. Турската конституция от 1876 г. и българският въпрос. // България и европейските страни през ХІV-ХХ вв. София. 1975. С. 117-134; Гасрятян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. С.124-128
29. Karal E.Z. *Ottomanlı tarihi*. С. VII. З. 296. Петросян Ю.А. "Новые османы" и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М. 1958. С. 56-58.
30. Петросян Ю.А. "Новые османы", с. 55.
31. Miley N. Rechid pacha et la réforme Ottomane. // Zeitschrift für östeuropäische Geschichte. Bd. II. № 3. Berlin. 1912. З. 384-390.
32. Поплыко Д.Ф. Проблема освобождения Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х годов XIX в. - Балканские народы и европейские правительства в XIX - начале XX вв. М. 1982. С. 183. О националистической позиции "новоосманской прессы" см.: Желтиков А.Д. Печать в общественно-политической культурной жизни Турции. М. 1972. С. 96-142.
33. Алексић Ђ. О мисији Вука Карачића на Цетињу 1860-1861. године. // Историјски гласник. Београд. 1958. Кн. 1-2. С.81
34. Желтиков А.Д. Печать, с. 131.

35. Струкова К.Л. К истории русско-сербских межгосударственных отношений в 1875 г. // Балканские народы и европейские правительства, с. 195.
36. Цит. по: Сафрастян Р.А. Доктрина османализма в политической жизни Османской империи (50-70-е гг. XIX в.). - Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Ереван. 1983. С. 18.
37. О взглядах новоосманской печати см.: Желтиков А.Д. Печать, с. 110 и след.
38. *Ziya-bey. Le droit de succession en Turquie*. Paris. 1868. *Ali Suavi. A propos de l'Herzegovine*. Paris. 1875. *Midhat pacha. La Turquie. Son passé, son avenir*. Paris. 1878 etc.
39. Sandwith H. Michael Obrenovich, Prince of Servia. // *Fortnightly Review*. April, 1870. P. 394-413. The Treaties of 1866-and 1867. // *Edinbourg Review*. January, 1871. P. 267-285. FitzMorice, Lord E. Speech made in the House of Commons, July 31, 1876, on Mr.Bruce's Motion relating to Eastern Affairs. London. 1876.
40. Berkes N. *Turkiye'de çagdalasma*. Ankara. 1973. З. 23. Фадеева И.Л. Новые тенденции в политике Порты начиная 70-х годов XIX в. // Тюркологический сборник 1978. М. 1984. С. 233-235.
41. Davison R. Reform in the Ottoman Empire 1856-1876. Princeton Univ. Press. 1963. P. 243-244.
42. Игнатьев Н.П. Записки графа Н.П.Игнатьева (1864-1874). // Известия Министерства иностранных дел. Кн. I. Петроград. 1914. С. 145-146.
43. Фадеева И.Л. Доктрины, с. 127.
44. Karal E.Z. *Ottomani tarihi*. С. VII. З. 68-69.
45. Отчет Н.П.Игнатьева за 10-летие его деятельности с 1864 по 1874 г. в Стамбуле. // Цит. по: Киняпини Н.А. Внешняя политика России второй половины XIX в. М. С. 124. Желтиков А.Д. Печать в Турции, с. 153.
46. Kuntay M.C. *Nâzîk Kemal. Bevrinin İnsanları ve olayları arsında*. Cilt II. Istanbul. 1956. Kısım 1. З. 107; Желтиков А.Д. Печать, с. 153.
47. Желтиков А.Д. Печать, с. 149.
48. Русско-германские отношения 1873-1914 гг. (Документы из секретного архива бывшего министерства иностранных дел). М. 1922. С. 17.
49. "Дранг нах Остен" и народы Центральной и Юго-Восточной Европы. 1871-1918. М. 1977. С. 44.
50. Международные отношения на Балканах. 1856-1878. М. 1986. С. 226.
51. Там же, с. 228-230. Тейлор А.Дж.Н. Борьба за господство в Европе. 1848-1918. М. 1958. С. 256. Beust F. B. *Andrei Vertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen*. Bd. 2. Stuttgart. 1877. З. 483-489.
52. Davison R. Reform in the Ottoman Empire. Р. 279.
53. Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. С. 120-152.
54. Фадеева И.Л. Доктрины, с. 123.
55. Дебинур А. Дипломатическая история Европы. Т. II. М. 1947. С. 410.

56. Международные отношения, с. 139.
57. Горяинов С.С. Босфор и Дарданеллы. СПб. 1907. С. 130-132.
58. Сборник, изданный в память 25 летия управления Министерством иностранных дел А.М.Горчаковым. СПб. 1881. С. 109-110. Киняпина Н.С. Внешняя политика, с. 92.
59. Восточный вопрос, с. 180-181.
60. Там же, с. 184. *The Cambridge History of British Foreign Policy*. Vol. 3. Cambridge. 1923. Р. 48.
61. Восточный вопрос, с. 181.
62. Там же, с. 180. Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы, с. 166-167.
63. Восточный вопрос, с. 180.
64. Farley J.L. *The Decline of Turkey*. London. 1875. Р. 5, 6-9.
65. Игнатьев Н.П. Записки, с. 812.
66. Петросян Ю.А. Младотурецкое движение, с. 52-92.
67. Фадеева И.Л. Доктрины, с. 103-105.
68. Там же, с. 104-106.
69. Фадеева И.Л. Новые тенденции, с. 232. Васильев Л.Л. История Саудовской Аравии. М. 1982. С. 11. *Sabry M. L'Empire égyptien sous Ismaïl*. Paris. 1933. Р. 124-127.
70. Петросян Ю.А. Из истории пропаганды османализма на Балканах. // Тюркологический сборник 1973, с. 143-144. Виноградов К.Б. Основные направления внешней политики Англии, Австро-Венгрии и Германии в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // 100 лет освобождения, с. 35-40.
71. *Documents diplomatiques françaises. I série*. Т. 2. Paris. 1923. Р. 17-18.
72. Cecil G.W.7 *The Life of Robert, Marquis of Salisbury*. London. 1921. Vol. 2. Р. 79, 86.
73. Игнатьев Н.П. Поездка графа Игнатьева по европейским странам перед войной 1877-1878 гг. // "Русская старина". 1914. Т. 3-9, март-сентябрь. Ср.: Виноградов К.Б. Основные направления, с. 45-46.
74. Дебидур А. Дипломатическая история Европы, т. II, с. 408.
75. Международные отношения, с. 218. Восточный вопрос, с. 182.
76. Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа, с. 111.
77. По сообщению посла России из Лондона Ф.И.Бруниева от 28 ноября (10 декабря) 1871 г. - Цит. по: Киняпина Н.С. Внешняя политика, с. 102.
78. Пловидба на Дунаву и његовим притокама кроз векове. Београд. 1983. С. 307-316, 473-485. Алексић-Бејкорић Ј. Италија у Источној кризи 1875-1878 године. // *Balkanica VI*, Београд, 1975. С. 149-151.
79. Дебидур.Дипломатическая история Европы, т. 11, с.398.
80. Горяинов С.С. Босфор и Дарданеллы, с. 218-219. Киняпина Н.С. Внешняя политика, с. 106. *Künelarp Z. Bir Osmanlı diplomatı Kostaki Mustafa'nın hayatı 1807-1891*. // *Belle-ten. Ankara*. 1970. С. 34. № 1,5. З. 11.

81. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб. 1869. С. 101-103. Восточный вопрос, с. 117-118.
82. Восточный вопрос, с. 148.
83. Международные отношения, с. 223.
84. Лондонская конференция 1871 г. Протоколы. СПб. 1871. С. 18-21. Горяинов С.С. Босфор и Дарданеллы. С. 227-231.
85. Лондонская конференция 1871 г. С. 252-253.
86. Текст см.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с другими государствами. Т. XV. СПб. 1909. С. 501-506.

ИБРАГИМ ТЕПЧ

О ФИНАНСОВОМ ПОЛОЖЕНИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 50-70-Е ГГ.

XIX в. В СВЕТЕ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ

В 50-70-е гг. XIX в. Османская империя переживала глубокий экономический кризис. В условиях обострения противоречий между тогдашними политической и экономической системами Порта в рамках реформ Танзимата пыталась найти выход из финансового кризиса.

Начало реорганизации финансов в Османском государстве относится к тому же времени, что и реформы в других сферах. Определенные шаги в этом отношении предпринимали Абдул Хамид I, Селим III и Махмуд II. Однако ограничившись реорганизацией финансовых управ, эмиссией бумажных денег, а также металлических с малыми примесями благородных металлов, введением новых налогов и т.п., авторы этих попыток не достигли желаемых результатов. В период Танзимата Порта проводила реформу финансовой системы в условиях почти полного сохранения всего того, что изнутри разъедало государственный механизм: системы откупов, разбазаривания государственных средств, дисфункции налоговой системы, роскоши сultанского двора и др.¹

Во время проведения реформ главными источниками государственных доходов Турции были следующие: 1) десятина (ушур), взимаемая обычно в натуре от различных видов сельскохозяйственного производства, в действительности она составляла более 1/10 и доходила даже до 1/5 части урожая; 2) вергия – налог на доходы; 3) бедел-и аскерия, уплачивался вместо прежнего харача; 4) агнам – налог на пастбища, овец и коз, от которого были освобождены только курды и арабы; 5) дань, которую платили Дунайские княжества, Египет, Самос и Святая гора; 6) различные косвенные поборы и пошлины (тапу, русум, гюмрюк и др.) от леса, соли, рыболовства, производства шелка, табака, продажи алкогольных напитков. Сюда же зачислялись доходы от судо-

производства, почты, телеграфа, от продажи бумаги, а также так называемый "кара-гюмрюк" за перевоз товаров из одной области в другую, и ряд других внутренних сборов³.

Государственные расходы Османской империи в наибольшей своей части были направлены на содержание сultана и его двора, членов династии, а также армии и флота, на выдачу платы чиновникам, на погашение внутренних и внешних займов. Представляет интерес распределение бюджета Турции в правление сultана Абдул Меджида (1839-1861). На содержание его двора, по данным, которые оставил русский дипломат и ученый П.А.Чихачев, в середине прошлого века входила седьмая часть всего государственного бюджета⁴. За годы правления Абдул Азиза расходы на содержание двора были в десять раз выше предусмотренных бюджетом, например, в 1865 г. они составляли 9 700 000 ф.ст.⁵. Государство мало заботилось об общественных потребностях, таких как вложение в культуру и в прогресс земледелия. Так в 1850 г. из 731 млн. курушей государственных расходов на общественные дела и земледелие было потрачено всего 10 млн. курушей⁶.

До Крымской войны Османская империя не имела разработанного государственного бюджета. Способ выработки бюджета был определен ираде сultана 1855 г., затем хatt-и хумайуном (6(18).II.1856 г.) и особым хаттом 7(19).I.1862 г. Согласно этим актам каждое министерство и главное управление финансов составляют свой бюджет за два месяца до начала финансового года и представляют его на рассмотрение особому собранию министров, начальников главных экономических управлений и членов верховного совета юстиции. Финансовый год считался от 13 марта до 12 марта⁷.

Хотя Османская империя терпела убытки из-за своих внутренних дел, до середины пятидесятых годов прошлого века покрывала потери значительными золотыми запасами, так что ее финансы еще не были проблемой. Однако после Гильхнейского хatt-и шерифа (1839) и реформ Танзимата, которые предпринял великий визирь Решид-паша, резко возрос государственный долг. Так только за три года (1846-

1849) чиновничий аппарат в империи увеличился в пять раз. Уже в 1849/50 г. замечается падение финансового положения Турции⁸. Движения внутри страны и Крымская война заставили Турцию решать проблему финансового оскуждения.

Поиск кредитов в Западной Европе был одним из путей, которым еще в ходе войны с Россией пошла Османская империя. Первый предоставленный кредит комментировался в русской литературе как заем для ведения войны и закупки оружия⁹. С этого времени Турция все больше должна. Заем 1854 г., полученный ее в Лондоне от Дента, Палмера и Ко и начинаящийся в 3 млн. ф.ст., был гарантирован доходами от Египта и имел ороком погашения 1889г. В следующем 1855 г. у французских и английских банкиров под гарантию их правительств был взят кредит в 5 млн. ф.ст., выплата которого требовала сумм, превышающих доходы Египта и обороны от поимки Сирии, в качестве срока выплаты этого займа был определен 1900 год. Для контроля была образована международная комиссия¹⁰. В течение 1856 и 1857 гг. Турция не брала иностранных заемов, но зато государство печатало облигации, которые продавало несколько раз, а долг 1865 г. был представлен как "общегосударственный долг". В 1858 г. было заключено соглашение о займе с Дентом и Палмером о участии Оттоманского банка. Он обеспечивался средствами от поимки Стамбула и государственным доходом. Утвержден был срок погашения займа - 1893 год¹¹. Этот кредит преследовал цель уничтожения бумажных денег (кайме), которые государство печатало и пускало в обращение в Стамбуле. Кайме за короткое время достигли суммы с 140 млн. до 500 млн. курушей¹². Перед заключением данного соглашения о кредите выпуск кайме вырос до суммы 35 018 300 русских рублей. Этим займом было покрыто немногим более 30 млн. русских рублей. Далее Порта решила увеличить налог на богатство и тем обеспечила себе еще 2,5 млн. русских рублей. Остаток кайме начал отременно расти. В течение 1859 г. для покрытия чрезвычайных расходов султанского двора государство печатает 6-ти процентные облигации на

4,5 млн. ф.ст. Поскольку в течение трех следующих лет не уплачивались проценты, то и этот долг слился с государственным.

В мае 1859 г. в Стамбул пришло известие о положительном решении вопроса о займе, говорили о том, что Турция ликвидирует кайме. Изымались кайме долго. До начала февраля 1860 г. было собрано I 095 850 кесе (500 курушей = I кесе) от общей суммы I 237 958 кесе, бывших тогда, как полагают, в обращении¹³. Специальной комиссии по распоряжению султана было дано задание сжигать бумажные деньги. Сожжение вершилось по средам и субботам, и только с 8 по 18 февраля 1860 г. было сожжено 260 096 кесе и еще 100 курушей¹⁴. До 19 шабана I276 (12.III.1860 г.) за десять приемов в Стамбуле было уничтожено на 347 504 050 курушей бумажных денег¹⁵. В течение 1860 г. Турция получила еще один заем у французского банкира Миреза, целенаправлено на упразднение кайме, создавшей ей огромные трудности. В свое время Порта приняла решение распространить кайме на всю империю, кроме Йемена и Джедды. Масовая эмиссия 30 млн. курушей ежемесячно способствовала падению официального курса до такой степени, когда само правительство было вынуждено решиться на ее окончательную ликвидацию¹⁶. Турецкий историк и современник Джевдет-паша пишет, что в 1860 г. турецкий внешний долг составлял 3,3 млн. кесе, чистый дефицит — 344446 кесе, в обращении находился миллиард курушей большей частью без обеспечения¹⁷.

С приходом к власти нового султана Абдул Азиза (1861-1876) казалось, что Порта решительнее двинется по пути оздоровления финансов. 19.II.1862 г. хаттом, которым султан утверждал введение отрогих мер в области финансов и, наконец, обнародовал бюджет. Тем же указом одобрено несколько кредитов и представлена возможность выпуска четырех серий облигаций, названных "азизие", в целом на I2,5 млн. ф.ст. с уплатой 6 % в счет процентов по займам и 2 % в счет погашения займа. Через Банк Дезо был обеспечен новый заем в номинальных 8 млн., а реальных 5 млн. ф.ст. с

процентной ставкой в 9 3/4 %. Турция натолкнулась на недоверие английских кругов и только благодаря заступничеству лорда Палмерстона в парламенте, заявившего, что реализация этого займа будет осуществляться в присутствии комиссаров Англии, Франции и Австрии, заем был разрешен. В качестве гарантии его выплаты был принят доход от соли, табака и пр. Потратить его должно было на следующие нужды: 1) выкуп каиме, которой тогда находилось в обращении на сумму 998 800 720 курушей; 2) консолидацию турецкого долга, составлявшего тогда по пересчету округленно, примерно на 68 526 000 русских рублей¹⁸. Русская периодическая печать внимательно следила за изменениями в области турецких финансов. "Санкт-Петербургские ведомости" в номере от 3(15) апреля 1862 г. извещали, что великий визирь в феврале представил султану доклад о состоянии финансов в империи, где были приведены и меры, которые следовало бы принять для достижения устойчивости бюджета, разбалансированного в течение 1854–1855 гг. Газета приводит слова Фуад-паша, что Турция имеет долг в целом в размере 115 млн. руб., половина из которых в виде каиме, находящейся в обращении. Великий визирь выдвинул положение о том, что одна из самых больших финансовых проблем появилась сведением в обращение бумажных денег, стоимость которых на рынке намного ниже предполагавшейся цены и что подобная акция вообще "представляет собой опасное средство, допустимое к употреблению только в крайнем случае". Он привел данные о том, что государство только на обменном курсе потеряло 13–19 млн. русских рублей. В указанном докладе приведены сведения о бюджете государства за 1861 г., согласно которым дефицит составлял около 10 млн. рублей. Излагая свой замысел о путях улучшения финансового состояния страны, Фуад-паша утверждает, что "для покрытия тогдашнего дефицита и погашения государственного долга существуют два источника – налоги и займы". Великий визирь считал, что в данном случае нужно было увеличить доход от десятины, но не путем откупов, уже изъятых из ведения государства.

ственных чиновников. Значительный доход, по его убеждению, можно получить на основе закона об обращении гербовых бумаг, патентов и иных обязательных сборов, которые взыскиваются в других государствах. Кроме того, он считал, что соль и табак должны являться монополией государства. Доходы ожидались и от вложения денег в леса и горное дело. От этих новых источников, по утверждению русского источника, доход должен был составить 20 490 050 рублей, не считая сбережений на курсовой разнице после уничтожения каиме. На основе этих расчетов Фуад-паша предложил бюджет Турции на 1862 г., согласно которому расходы определялись в 3 110 815 кесе, а доходы – в 3 307 368 кесе; это означает, что прибыль должна была составить 195 553 кесе¹⁹.

Автор предложенного бюджета в связи с названными видами доходов был осторожен и считал, что его нет нужды рассчитывать из-за того, что может быть просчитаны не все расходы. Султан одобрил доклад Фуад-паша, однако его выступление встретило негативные комментарии на Западе, где в печати можно было прочитать, что визирь не представил ничего нового, что все это уже было в английских газетах, что бюджет составлен приблизительно, и таким образом в Турции "испечли хлеб, не собрав его"²⁰.

В течение 1862 г. каиме была окончательно ликвидирована, но не без напряжения. Около 40 % заплатили звонкой monetой, а 60 % – государственными бумагами. Текущий долг Турции был сведен к 1/3 и оставался лишь долг, составлявший около 40 млн. рублей. Этим однако не были отменены иностранные займы. Уже в 1863 г. султан уменьшил траты двора, но в Оттоманском банке он взял шестипроцентный заем в 6 млн. фунтов стерлингов, что реально составляло 3 259 000 ф.ст. В следующем, 1864 г. в Оттоманском банке, который тем временем из английского стал турецким, взят заем в 2 млн. ф.ст. со сроком выплаты, как и заем, 1863 г., – не позднее 1869 г. Заем, более 6 млн. фунтов, взятый Турцией в Оттоманском банке в 1865 г., гарантировал доходы от налога на овец в Румелии и на Архипелаге. В те годы был оформлен

лен общий государственный долг, по которому общегосударственные доходы являлись гарантией погашения займов²¹. Тем самым Османская империя похоронила не только свою экономическую, но и политическую самостоятельность, ставши своего рода полуколонией. После трех лет осуществлявшегося, по крайней мере номинально, активного бюджета, начиная с финансового 1866/67 г. Турция подпадает под усиливавшееся влияние финансовых кругов Запада. Несмотря на это обстоятельство установленный государственный бюджет не уважался и не всегда давал истинную картину состояния финансов, ибо первым не считался с ним султан, Содержание двора бывало и в десять раз больше относительно предусмотренного бюджетом²². Вот так, согласно Обручеву, выглядели доходы и расходы Турции с 1855 до 1867 гг.²³

Финансовый год	Доходы	Расходы	Сальдо (- или +)
1855/56	41 965 000 руб.	42 613 000	-648 000 руб.
1859/60	61 183 000 "	69 858 000	-8 657 000 "
1861/62	70 336 000 "	80 256 000	-9 920 000 "
1862/63	93 955 000 "	84 321 000	+9 634 000 "
1863/64	85 145 000 "	83 981 000	+1 174 000 "
1864/54	91 697 000 "	90 664 000	+1 033 000 "
1866/67	88 029 000 "	93 585 000	-5 556 000 "

Все усилия Порты установить твердую систему финансирования оставались без результата. Не помогали ни повышенные налоги, ни введение новых, ни увеличение старых поборов. Этими мерами, напротив, она создавала угрозу для самой основы существования низших слоев, особенно крестьянства, т.к. в условиях национально-освободительных стремлений именно они создавали все большую опасность для сохранения османской власти вообще. Государственный долг за рубежом рос с астрономической быстротой. От скромных 5 млн. ф.ст. в 1854 г. он к 1865 г. вырос до 36 млн.ф. К 1875/76 г. долг Османской империи достигал 180 млн.ф.ст., что, согласно некоторым современным просчетам, означало,

что Турция должна была половину своих совокупных доходов тратить только на выплаты по наущным процентам²⁴.

Оказавшись перед лицом финансовых трудностей и крестьянских движений в Боснии и Герцеговине, Порта решилась еще на один шаг. 6 октября 1875 г. она объявила своего рода мораторий. Отменила выплату половины подошедших к уплате по займам процентов и облигаций внутренних и внешних долгов на пять лет. За семь млн. лир (турецких) долга обещала выплатить ростовщических 5 %, что составило бы в сумме 350 000 лир²⁵. Затем она обратилась к европейским государствам с циркулярной нотой, заявляя в ней, что увеличение государственных долгов и скопление срочных уплат процентов по займам нарушило стабильность бюджета и повлияло, вместе с падением дохода вследствие ликвидации дополнительных налогов, на ухудшение финансового положения страны. Нет сомнения, — говорится далее в ноте, — что начатые реформы повлекут за собой в будущем увеличение доходов и благосостояние страны, но в настоящее время правительству предстоит тяжкая обязанность выполнить взятые на себя обязательства... Всем известно, что дефицит в текущем году превысил 5 млн. ф. ст. В теперешней ситуации этот дефицит устойчиво растет вследствие необходимости постоянного взимания новых займов для уплаты процентов за старые долги, что не может не подорвать доверия кредиторов. Без радикальных мер, — согласно тексту ноты, — Турция не могла дать гарантий кредиторам. Такой мерой Порта считает отсрочку выплаты половины долга по купюрам, которые гарантируются всеми доходами, а также и данью, которую платит Египет. Уплата будет проводиться в течение 5 лет, половина суммы поступит в наличных деньгах, половина — в 5-процентных облигациях²⁶. Понятно, что такой ход Порты с удивлением был встречен на европейских биржах. В Лондоне и Париже говорили о банкротстве Османской империи и об убытках, которые потерпели банкиры, кредитовавшие Турцию. Согласно русским оценкам, несмотря на то, что финансовый крах Турции еще больше обострил Восточный вопрос, в данной ситуа-

ции существовала и определенная польза, состоявшая в том, что предпринятый Портой шаг заставил Европу серьезно продвинуть вопрос о гарантиях, вышедший после этого на первый план, тогда как "опасность европейской войны полностью исчезла"²⁷. Маневр Порты привлек внимание всех деловых кругов как в Турции, так и вне ее. Даже сами турки больше обращали внимание на то, что в Европе говорилось об отказе правительства выплачивать половину процентов за займы, чем на восстание в Герцеговине и Боснии²⁸. Али-паша в это время вел переговоры с герцегом Деказом и лордом Лайонсом, где от Турции хотели получить гарантии выполнять впредь свои обязательства и подписать протокол, по которому она официально обязуется перед западными державами, что выполнит свои обязательства по отношению к кредиторам²⁹.

Объявление частичной финансовой несостоятельности Османской империи западные страны – ее кредиторы использовали для еще большего финансового давления на нее. Уже в 1876 г. Османская империя имела обязанности в 14 внешних займов, по которым она задолжала 277 млн. турецких лир, или более 6 млн. франков³⁰. Эта постепенная утрата контроля над финансами своей страны и передача важных статей государственных доходов иностранным банкам продолжались и в следующие годы, а в результате закончились потерей финансовой самостоятельности и установлением прямого финансового контроля иностранного капитала над Турцией, что и было закреплено султанским декретом от 20 декабря 1881 г., которым объявлялось о создании Администрации османского публичного долга³¹. Тем самым Османская империя окончательно подпала под влияние и контроль западного капитала.

Русские архивные и другие источники дают возможность в известной мере реконструировать финансовую систему в Боснии и Герцеговине. Конечно, эта реконструкция не может быть полной, тем более, что и турецкие власти никогда не располагали полными данными, и применение статей закона об обнародовании бюджета в Боснии пришло довольно поздно по сравнению с остальными провинциями Османской империи.

Когда же начали публиковать подобные сведения в салманах (ежегодниках), бездейственность администрации и острое проявление сопротивления подаче сведений среди всех социальных слоев существенно повлияли на точность данных, требуя принятия их с большой осторожностью.

Все неудачи, связанные с финансовыми трудностями империи более или менее преломлялись и в финансах Боснии и Герцеговины, как одной из развитых ее провинций. Изучая структуры доходов и расходов Боснии и Герцеговины мы обнаружили ряд интересных данных, которые дают возможность увидеть не только обязательства боснийско-герцеговинского населения в целом, но и удельный вес отдельных налогов в формировании финансового баланса провинции. Первые русские консулы в Боснии и Герцеговине не располагали конкретными данными о бюджете провинции, в которой служили. Вопрос состоит в том, насколько они были в состоянии до них добиться. В начале 1861 г. Шулепников отмечал, что доход Боснии в то время достигал примерно 32 млн. курушей, а на постоянные расходы уходило 8 млн. "Кроме того, — писал он, — существуют чрезвычайные расходы на содержание башибузуков"³².

Изменения в бюджете того времени Босния и Герцеговины мы можем проследить по сведениям прусского консула др. Отто Блау³³ и Паско Васа-Эфенди³⁴. Из приведенных ими данных видно, что Босния и Герцеговина из года в год увеличивала свои доходы и за десять лет их почти удвоила.

Начиная с 1866 г. конкретные данные о бюджете Боснии и Герцеговины мы встречаем и в русских документах. По-видимому, в те годы стали известны результаты миссии Джевдет-Эфенди, сделавшего описи имущества Боснийского вилайета. В начале декабря 1866 г. консул Н. Иларионов уведомляет Стремоухова, что доходы Боснийского вилайета (без Герцеговины и Новопазарского санджака) за 1865 год следующие:

	Куруши (пиастры)	Пара
1. Порез (вергия)	13 596 132	-
2. войница	II 03I 046	-

3. третина (от государственных имений)	2 990 131	-
4. десятина	20 III 152	20
5. жировина	I 834 041	-
6. за откорм свиней	310 141	-
7. за сливы (рекию)	I 050 000	-
8. за весы	937 142	15
9. дополнительный налог за ханы	I 500 000	-
10. гербовая бумага, налог на торговую сделку	6 I94 154	23
II. десятина от добычи руды	850 435	-
	-----	-----
	Всего: 60 404 375	16 ³⁵ -

Иларионов показывает, что эти доходы не могут покрыть расходы вилайета, составляющие 63 241 102 курушей и 6 пара, и возникает дефицит в размере 2 834 827 курушей и 12 пар³⁶. Существуют сведения о том, что недостаток средств был покрыт поступлениями из Браня и Лесковца³⁷. Поскольку мы не располагаем конкретными данными о расходах, нам остается предположить, что в приведенные расходы зачisolены затраты на содержание армии. В настоящее время мы знаем лишь то, что средства на содержание иррегулярного войска – башибузуков – были обеспечены из доходов от Филиппополя, Скопле, Призрена, Янины, Ларисы и других богатых областей³⁸.

Бюджет Боснийского вилайета не публиковался каждый год. Составляя описание внутренней жизни Боснии и Герцеговины русский консул в Сараеве Кудрявцев не располагал более свежими сведениями о бюджете вилайета и использовал данные за 1865 г., опубликованные за прошедший промежуток времени в третьей книге "Гласника српског ученог друштва"³⁹. Данные о доходах минимально отличались от приведенных Иларионовым. Различия видны лишь в округлении цифр пиастров. Интересно, что в своем описании Кудрявцев отмечает позитивность бюджета Боснийского вилайета, поскольку доходы превышали расходы на довольно значительную цифру, конечно, – замечает он, – во время мира, а не в период войны с Чер-

ногорией или восстания в Герцеговине. Тогда обычно возникал самый большой дефицит, который ликвидировался из Стамбульской государственной казны⁴⁰.

Кудрявцев приводит расходы Боснийского вилайета за 1865 год, составлявшие:

1. На содержание администрации, тюрем, 30 000 000 курушей жандармерии и др.	(пиастров)
2. На пенсии спахлям	8 000 000 "
3. Средства сообщения, телеграф	2 000 000 "
4. Прочие расходы	403 938

Всего:	40 403 938
	пиастров ⁴¹

Русский консул пишет, что "прибыль в 20 млн.пиастров отходила в государственную казну". Однако в расходы не включены траты на содержание регулярного и нерегулярного войска, размещенного в Боснийском вилайете. Эта статья расходов в бюджете провинции была весьма высокой. Так, например, в начале августа 1868 г. в Боснийском вилайете находилось 12 500 солдат, на содержание которых государство израсходовало 32 250 000 курушей⁴². Если предположить включение военных расходов в бюджет провинции, то это означало бы, что половина общих доходов вилайета должна была идти на содержание армии.

С реорганизацией управления и особенно с введением в жизнь закона о вилайетах в Боснии и Герцеговине, как и в других провинциях, была увеличена администрация, что весьма обременило государственный бюджет. В ряде донесений русских консулов из Сараева и Мостара подчеркивается, что в вилайетской казне нет денег, что средств нет даже для самых малых выдач. Действительно, в то время в Боснийском вилайете, как впрочем и в других провинциях империи, начинали прибегать к увеличению налоговых обязательств трудовой части населения. Уже в 1866 г. вновь введены откупы десятин и других государственных налогов. В следующем, 1867 г. вводится так называемая "десятинская четвертьина"

(четверть), согласно которой десятина (десятая часть) увеличивается до 12,5 %. Годом позднее вводится налог на мелкий скот. Кроме того, государство в несколько приемов减少了 цифру возраста в сторону ее увеличения для уплаты воинские христианами, перешло на денежную форму бывших натуральных поборов, вместо наемных рабочих на строительство общественных объектов в массовом масштабе применяло барщинные работы (кулук) и т.д.

Согласно официальным данным доходы санджака Герцеговинского от налогов в 1870 г. составляли 6 559 174 курушей. Распределялись они по II кадилукам⁴³.

Из помещенных в таблице данных просчитанных нами в процентных отношениях, ясно видно, что десятина, включая и двоятину от имения Али-пави Сточевича, затем десятину от табака и оливковых деревьев, а также увеличение этого налога на 4 %, достигла цифры 60 % доходов. Другим налогом, приносившим значительный доход была вергия, а участие аскерие в доходах повышало их более чем на 10 %. Приведенные цифры все же не следует принимать за совершенно полные данные, особенно потому, что отсутствуют сведения (кроме Мостарского кадилука) о величине уплаты агнама.

О расходовании полученных от налогов средств в Герцеговинском санджаке мы знаем немного больше из донесения русского консульства из Мостара от конца лета 1872 года: Доходы — в целом 6 559 174 куруша (шиастра)

Расходы:

гражданская администрация	- 2 864 046 куруша
финансовая администрация	- 585 551 "
судебная администрация	- 298 147 "
торговый суд	- 49 017 "
народное образование	- 47 015 "
отделение по строительству	- 177 279 "
дорог	- - - - -
Всего:	4 024 036 ⁴⁴

Таким образом, после покрытия расходов в основном на администрацию и минимального вложения в просвещение и строительство дорог излишек (прибыль) должен был составлять 2 535 119 курушей. Но и в этом случае не приняты в расчет затраты на содержание армии.

К 1874 г. бюджет Боснии и Герцеговины вырос до 73 768 371 курушей, расходы же составили 55 615 041, из них только на содержание войсковых единиц ушло 30 024 477 курушей, или 40.78 %, содержание внутренней администрации обошлось провинции в 13 013 412 курушей (17.64 %). Прибыль в 18 153 330 пиастров поступила в государственную казну⁴⁵.

Такое довольно благоприятное соотношение составных частей в бюджете Боснии и Герцеговины достигнуто, помимо прочего, увеличением налоговых обязанностей населения и определенным вмешательством в положение администрации. Так в начале 1872 г. была урезана плата чиновникам вилайета, за малым исключением (вали, его дефтегдер и еще несколько других). Подсчитано, что благодаря этой мере государство сэкономило 93 459 курушей⁴⁶. Будучи пограничной провинцией, Босния и Герцеговина занимала значительное место в товарообороте между Австрией и другими европейскими странами, с одной стороны, и остальными балканскими провинциями, — с другой⁴⁷. Одно время доходы от таможенных пошлин давались на откуп и от них имели выгоду местные власти. В период Крымской войны от таможенных органов потребовали собранные от пошлин деньги доставлять непосредственно в Стамбул. В 1861 г. государство всю организацию таможенной службы в Боснии и Герцеговине взяло в свои руки⁴⁸. В процессе более активных попыток проведения реформ в области финансов и кодификации торгового законодательства Османская империя обновляла торговые договоры с западными странами. В середине апреля 1861 г. был подписан торговый договор между Портой, Францией и Англией, которым устанавливалась ввозная пошлина в размере 8 %. Вывозная пошлина в отношении Турции уменьшалась каждый год на 1 %, так что, считая от первоначальных 8 % она должна была полностью ис-

чезнуть за девять лет. Тем самым Турция порывала с ранее заключенными соглашениями о весьма низких ввозных пошлинах. Австрия, как самый близкий сосед Турции, строившая на этом своем большие планы, также поспешила подписать торговый договор с Портой. Это ей удалось сделать после цикла переговоров в марте 1862 г. Договором окончательно прекращалась практика, заведенная еще с начала XVIII в., согласно которой австрийские торговцы платили от всех товаров пошлину в 3 % в момент пересечения турецкой границы. Теперь договором, подписанным на 7 лет, было уточнено, что с австрийских торговцев за товары, ввозимые в Турцию или вывозимые из Турции, после скидки 10 % от стоимости их товаров взимается пошлина в размере 8 %⁴⁹. Однако согласно подписенному вскоре дополнению к этому договору, было сделано исключение для Дунайских княжеств, где сохранялась 3-х процентная пошлина. Согласно этому документу в исключение пошла и пошлина Боснии и Герцеговины, а ввозная пошлина на товары из Австрии определена для нее в 6 %⁵⁰.

Доходы от таможенных пошлин Боснийского вилайета в середине 70-х гг. стали значительными. По статистическим выкладкам русского консула Иларionова доходы от них для всего вилайета в 1865 г. составили:

	Куруши	Пара
1. Пошлина на ввоз и вывоз разных товаров	4 993 153	13
2. На ввоз ракии из Сербии	274 350	-
3. На железную руду	974 109	-
4. На соль	94 152	-
5. На свидетельства 1393 давкам табака	169 459	-
6. На табак боснийский	1 370 104	16
-----		-----
В целом: 7 875 327		29 ⁵¹

Русский консул утверждает, что доход от пошлин каждый год почти одинаков, но он не используется на нужды вилайета, а отсылается целиком Главной таможенной управе в Стам-

В рамках финансовых реформ Османская империя старалась регулировать и контролировать циркуляцию иностранных денег в стране. Это относилось и к провинции Босния и Герцеговина, где в последние десятилетия османского владычества обращалось тридцать видов золотых, серебряных и медных денег; австрийского, французского, английского, итальянского, турецкого и русского происхождения. Основной обращаемой единицей оставался турецкий серебряный куруш (шиастр), состоящий из 40 пара. Все слабости турецкой денежной системы отражались и на денежном кризисе в Боснии и Герцеговине. Постоянная девальвация турецкой монеты вызывала общее недоверие к турецким деньгам. Поэтому золотых денег в обращении было мало, и они служили мерилом богатства.

Ради повышения ценности собственной монеты Турция все чаще решается регулировать стоимость отдельных видов иностранных денег из Стамбула. Одно из таких вмешательств произошло и в Боснию в течение 1862 г. Согласно донесению русского консула Шулепникова первым следствием этой интервенции был упадок цен иностранных монет, "которых в обращении чуть ли не больше, чем турецких". Консул обращал внимание на то, что эта мера применена и в других провинциях, он однако подчеркивает, что Босния является пограничной провинцией и находится в постоянных деловых связях с соседними Славонией, Хорватией и Далматией, и вследствие этого имеет "капитали, состоящие почти исключительно из австрийских червонцев (дукатов. - И.Т.) и цванцигеров; золотой и серебряной турецкой монеты почти что совсем не было в обращении, и только бешлики (башлуки. - И.Т.) во время упадка курса австрийского червонца (дуката. - И.Т.) являлись в огромном количестве, служа большим выигрышем для влчных спекулянтов". Консул сообщает, что падение курса австрийского дуката с 60 до 51 куруша и 27 пар вызвало ухудшение уровня жизни "бедного класса народонаселения и всех неторговых людей". Новый валютный курс вызвал разные спекуляции монет, которые дукат меняли по 53–55 курушей, в

то время как цены оставались прежними. Он предупреждал, что от такого поступка само правительство не имеет никакой выгоды, а неудовольствие и обеднение может дойти до серьезных пределов, так как цена на деньги упала, а дороговизна жизненных потребностей вместо понижения возрастает почти ежедневно".⁵³

Хотя Порта приобрела отрицательный опыт по уменьшению ценности золотых и серебряных денег в стране, она решилась на подобную акцию и весной 1870 г. Консул Кудрявцев в донесении, датированном 27 марта 1870 г., пишет, что согласно указам из Стамбула в Сараеве объявлен новый валютный курс.⁵⁴

	Прежний курс	Новый курс
турецкая лира	I20 курушей	I00–I06 курушей
английская лира	I27 "	I15 "
полуимпериал	I05 "	94 "
наполеондер	I04 "	92 "
австрийский дукат	61 "	54 "
серебряный русский рубль	20 "	I7 " и 30 п.
серебряная медждия	24 "	21 "
цванцигер	4 " и 10 п.	3 " и 30 п.

Эта мера вызвала панику не только среди торговцев, но среди всего населения. Консул не сумел объяснить мотивы падения курса, тем более, что все налоги, подати, контрибуции и остальные поборы уплачиваются по постоянному курсу, не менявшемуся в течение десятков лет, и что этот курс остается неизменным и теперь для государственной казны. Кудрявцев замечает далее, что это падение курса нанесло тяжелый удар "экономической и торговой жизни Боснии и Герцеговины".⁵⁵

Восстание в Герцеговине и Боснии, имевшее своим следствием цепь кризисов и поставившее еще раз на повестку дня Восточный вопрос, только ускорило финансовый крах Османской империи. Только когда спустя несколько месяцев после начала восстания в 1875 г. Турция практически обанкротилась, стало ясно, что в ее финансовых кругах также происхо-

дят вещи решающего значения. Болыше не могло быть речи о финансовоом равновесии в Боснии и Герцеговине. Восстание захватило большинство налогоплательщиков, и денежные средства не могли поступать в казну, тем более, что предшествующий год был неурожайным, и огромное число земледельцев бросило землю и пустилось в бегство. Торговля была блокирована, а ежедневные акции османских войск только резко увеличивали их долги военным поставщикам. Все это влияло на снижение финансовой силы как империи в целом, так и Боснии и Герцеговины. Все эти перемены привели к тому, что, как выразился один торговец, "монета так же постоянна как в решете вода". В следующем, 1876 г. Порта опять взялась за старый способ решения финансовых проблем: путила в обращение бумажные деньги (каиме). Из 300 млн. курушей, выпущенных 1 августа 1876 г., в Боснию дошло 5 млн.⁵⁶ Однако народ, а особенно торговцы не хотели их принимать, и вилайетские власти должны были принять строгие меры, чтобы обеспечить в Сараеве обращение каимы. В секретном донесении Кудрявцева, датированном 3.1.1877 г., говорится, что каиме очень тяжела для торговли, и что по курсу одна турецкая золотая лира в переводе на куруш достигла цифры 130. "Власти, — продолжает русский консул, — на днях посадили в тюрьму двух торговцев-евреев за то, что они не принимали бумажных денег". Кудрявцев в том же донесении сообщает, что 30 декабря (вероятно, по старому стилю. — И.Т.) вали созвал в своем конаке главных негоциантов и заявил им, что тот, кто отказывается от каимы, будет подвергнут штрафу в размере от 5 до 25 лир или аресту сроком от 1 до 3 месяцев⁵⁷. Так каиме стала составной частью торговли, а золотые и серебряные монеты — предметом обогащения. Каиме была быстро распространена по всей Боснии и Герцеговине. Корреспондент газ. "Manchester Guardian", информации которого перепечатали и "Московские ведомости", извещает, что "мусульманское население Герцеговины все более открыто выражает недовольство турецким управлением, среди прочего и из-за того, что городские торговцы разоряются настоящим наводнением денежных де-

нег. Только в Требинье поступило 100 000 пистров бумажных денег"⁵⁸.

Кайме в Боснии постоянно умножались до самой оккупации 1878 г. Перепечатывая корреспонденцию из газ."Wiener Tagblatt" о занятии Сараева австрийскими войсками "Московские ведомости" приводят донесения оккупационного командования о том, что в конаке в связи с вторжением войск была конфискована государственная казна, в которой находилась лишь 180 000 курушей в турецких ассигнациях, обеспеченных Оттоманским банком, но зато найдена целая груда (около 2,5 млн.) кайме, выпущенной по принудительному курсу Боснийским национальным правительством. В золоте найдено только 3,5 лиры⁵⁹. Мы не смогли проверить точность данных о том, что Временное народное представительство в Сараеве перед оккупацией печатало собственные деньги, но приведенный пример ясно показывает, в какой финансовой ситуации находилась османская власть в последние месяцы своего существования.

Из всего сказанного следует, что проблемой состояния финансов в Боснии и Герцеговине занимались представители России, причем в контексте анализа финансовых проблем всей Османской империи. Сведения, которые оставили русские консулы, как и другие современники, значительно дополняют исторические знания об этой проблеме. Хотя их данные не всегда являются результатом собственных наблюдений и расчетов, они полностью вписываются в освещение тяжелого финансового положения, в котором в последние десятилетия османского владычества находились Босния и Герцеговина. Особую ценность безусловно имеют те данные, которые относятся к сбору налогов в целом, к формированию бюджета, доходам и расходам Боснийского вилайета, а также к стараниям османских властей разными начинаниями обеспечить применение в провинции финансовых распоряжений Порты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шабанов Ф.Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967, с.137.
2. Согласно данным Моравица, перед Крымской войной 1854 г. на десятину приходилось 220 млн. от общих 761 млн. пиастров государственных доходов (*Moravitz Ch. Die Turkei im Spiegel ihrer Finanzen. Berlin, 1903, S.21*).
3. Шабанов Ф.Ш. Государственный строй..., с.138.
4. Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с.191.
5. Шабанов Ф.Ш. Государственный строй..., с.139.
6. Там же.
7. Военно-статистический сборник на 1868 год. (Под общей ред. Н.Н.Обручева). С.-Пб., 1868, с.296-297.
8. Палаузов С. Мехмед Решид-паша. Санкт-Петербургские ведомости, 22 января 1858 г., № 17.
9. Новичев А.Д. История Турции, т.IV. Новое время, ч.3 (1853-1878). Л., 1978, с.79.
10. Там же. Ср. Военно-статистический сборник на 1868 год, с.298-299.
11. Новичев А.Д. История..., там же.
12. Палаузов С. Мехмед Решид-паша
13. Санкт-Петербургские ведомости, 8 февраля 1860 г., № 31.
14. То же, 5 марта 1860 г., № 50.
15. То же, 22 марта 1860 г., № 64.
16. Военно-статистический сборник на 1868 год, с.299.
17. Aličić A.S. Ciltluci Husejn-kapetana Gradaščevica. // Prilozi za orientalnu filologiju i istoriju, XIV-XV. Sarajevo. 1969. S. 316-317.
18. Военно-статистический сборник на 1868 год, с.299.
19. Санкт-Петербургские ведомости, 3 апреля 1862 г., № 73.
20. Там же.
21. Военно-статистический сборник на 1868 год, с.300.
22. Там же.
23. Там же.
24. Герцеговинское восстание и Восточный вопрос. С.-Пб., 1876, с.61-62. Эти цифры не согласуются с приведенными L.Farley, который утверждает, что османский долг был больше 202 млн.фунтов стерлингов, так же как и с данными Dolanda C.Blaasdell, который пишет, что этот долг составлял 200 млн.фунтов /M.Ekmecic. Ustanak u Bosni 1875-1878. Sarajevo, 1973, с. 25/. В советской исторической литературе приведены и другие данные. Большой знаток истории Османской империи в XIX в. Ю.А.Петросян считает, что османский долг иностранным кредиторам в 1875 г. составлял 5.3 млрд.франков, из которых на основной капитал приходилось только 3 млрд., а остальное падало на посредническую прибыль и уплаты процентов на займы (Моисеев П.П., Петросян Ю.А. Экономическое и политическое положение Османской империи в 70-х годах XIX в. - 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979, с.159). К этим данным приближаются выводы Д.Зографского,

- который ссылается на В.Кобицца и согласно которому османский государственный долг 1875 г. составлял 5 297 676 5 297 676 500 франков, тогда как доход по бюджету империи в то время равнялся 750 500 000 франкам (Зографски Д. Странскиот капитал во балканските земји кон крајот од XIX век.// Годишник на Економскиот факултет Скопје, т.ХУП, Скопје 1975, о.45). Шабанов Ф.Ш. присоединяется к данным Ubicini, который утверждает, что Османская империя в 1875/76 г. была должна "более 100 млн. франков" (Шабанов Ф.Ш. Государственный строй..., о.139).
25. Герцеговинское восстание и Восточный вопрос, о.59.
 26. Там же, о.60-61.
 27. Там же, с.61.
 28. Там же, о.63.
 29. Там же.
 30. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983, с.116.
 31. Моисеев П.П., Петросян Ю.А. Экономическое и политическое положение..., с.159.
 32. Архив внешней политики России (далее – АВПР), ф.Главный архив (ГА) У-А-2, 1861 г. д.803 л.42.
 33. Blau O./ Handel und Verkehr von Bosnien in 1866. Nach dem Berichte des Preussischen Konsulats zu Sarajevo. Preussisches Handelsarchiv, II, Berlin, 161-162.
 34. Pasko Vasa-efendija. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdet-efendije. Sarajevo, 1958, с. 51-55.
 35. АВПР, ф.ГА У-А-2, д.619, л.106б.-107. Мостар, 20 ноября 1866 г.
 36. Там же, л.107.
 37. Там же, 1867 г., д.810, л.105.
 38. Там же.
 39. Там же, 1870 г., д.813, л.49.
 40. Там же.
 41. Там же.
 42. Там же, д.811, л.144-146. Вышески. Сараево, 2 августа 1868 г.
 43. АВПР, ф.ГА У-А-2, 1872 г., д.627, л.88. Опубл.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. М., 1988, с.301-302. Ср.: Sainte-Marie E.l'Hercegovine. Etude géographique, historique et statistique. Paris, 1875, с. 90-92.
 44. АВПР, ф. ГА У-А-2, 1872 г., д.627, л.85.
 45. Bogićević V. Gradja za proučavanje ekonomskih odnosa u Bosni i Hercegovini pred ustankom 1875. - Godišnjak Istorij skog društva Bosne i Hercegovine, 1, Sarajevo, 1949, с. 230-231.
 46. АВПР, ф. ГА У-А-2, 1872, д.627 л.85.
 47. Подробнее о торговле Боснии и Герцеговины в 1860-1875 гг. см.: Тенић И. Босна и Херцеговина у руским изворима 1860-1870. Сарајево, 1988, с.197-208.
 48. АВПР, ф. ГА У-А-2, 1867, д.610 л.105-106б.
 49. Rozkiewicz J. Studien über Bosnien und die Herzegowina. Leipzig u. Wien, 1868, с. 311.

60. АВИР, Ф. ГА У-А-2, 1870 г., д.813, л.52; оправни: Вај-
кић V. Istorija srpske trgovinske politike. Austro-уга-
рска политика на Balkanu до 1880. Beograd, 1902, с.8-9.
61. АВИР, Ф. ГА У-А-2, 1866 г., д.619, л.107-107об.
62. Там же л.107об.
53. АВИР, Ф. Посольство в Константинополе, д.2326, л.73-
74. Е.Р.Шулепников - А.Б.Лобанову-Ростовскому, Сараево,
14(26) ноября 1862 г. Опубл.: Освободительная борьба наро-
дов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1864. М., 1985,
с.415.
54. АВИР, Ф. Посольство в Константинополе, д.2332, л.95.
А.Н.Кудрявцев - Н.П.Игнатьеву, Сараево, 27 марта 1870 г.
55. Там же.
56. Чубрилович В. Босански уставак 1875-1878. Београд,
1930 о.325.
57. АВИР, Ф. Посольство в Константинополе, д.2339, л.3
А.Н.Кудрявцев секретно Н.П.Игнатьеву, Брод, 3 января
1877 г.
58. Московские ведомости, 9 марта 1877 г., о.4, № 57.
59. Подробности о штурме Сараева см.: Московские ведомос-
ти, 19 августа 1878 г., № 211.

Радослав ПЕТРОВИЧ

РОЛЬ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В ДУБРОВНИКЕ
В РАЗВИТИИ БОГОСЛАВЯНСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

Приступая к изложению темы, можно сразу сказать, что роль русского консульства в Дубровнике была значительна, а иногда и значительно, чем других русских консульств в наших и других землях. И хотя с открытия первого русского консульства в Дубровнике прошло более двух столетий, история его в целом, как периода Дубровницкой республики, так и времени австрийской Далмации недостаточно изучена. Мы все еще не можем с уверенностью и полной точностью говорить об очередности пребывания русских консулов в этом и ныне весьма известном городе. Все, что они сообщали, как о Дубровнике, так и еще более о соседних областях (Далмации, Герцеговине, Боке, Черногории), в большинстве своем хранится в русских архивах и библиотеках. Правда, в последние годы часть документов, связанных с русской балканской политикой, а тем самым и с нашими краями, опубликована и материалы продолжают публиковаться. В особенности это касается времени от Парижского мира (1856) до Берлинского конгресса (1878)¹. Тем не менее источники еще далеко не исчерпаны и здесь следует еще многое сделать. Предстоящая работа требует понимания очерка, знакомящего с деятельностью русского консульства, с акцентом на время после 1856 г. Но поскольку консульство открылось намного раньше и его деятельность после 1856 г. исторически опиралась на предшествующий период, необходимо немного сказать о первом периоде, т.е. о времени с начала XIX в. до 1856 г. В этом долгом временном периоде мы можем в свою очередь различить два этапа. Первый – от начала XIX столетия до 1806 г., в котором должна идти речь об отношениях между царской Россией и Дубровницкой республикой, и второй, который наступает после Венского

конгресса (1815) и продолжается вплоть до Берлинского конгресса (1878). В этом втором периоде времени нет больше Дубровницкой республики, а некогда бывшие ее территории являются составной частью территории австрийской державы. И один, и другой периоды имеют свои исторические рамки и определения, свои четкие характеристики. И тогда как в первом периоде мы говорим об отношениях малого, но фактически независимого государства с великой русской империей, во втором периоде Дубровник – только часть могучей Австрии, позднее Австро-Венгрии. Русское же консульство в Дубровнике в это время более повернуто к Турции и ее провинциям, чем к Австрии, и сам Дубровник – лишь удобное место для размещения консульства, а не определенный политический субъект.

Начало русско-дубровникских связей изучал советский историк М.М.Фрейденберг. Свои результаты он опубликовал в книге несколько более широкого названия – "Дубровник и Османская империя", которая вышла в Москве в 1984 г.² (см. главу "Дубровник – свободный город и петровская Россия, с. 238–252). Начало отношений он связывает с хорошо известными фактами вокруг посылки в Венецию в 1697 г. первой группы из 17 молодых людей, русских дворян, для обучения морскому делу. Они оказались в Венеции – крупном центре мореплавства. Человек, который их сопровождал и имел задание заботиться о них, специально смотрел за тем, чтобы они могли понимать хозяев и общаться с теми моряками, которые тогда находились в Венеции, но были выходцами из славянского мира. Сопровождавший русских иношой Григорий Григорьевич Островский установил, что молодые славяне прибывали из городов, находившихся в "Иклавонской" земле, под которой подразумевалась Далмация или венецианские поселения в Далмации. В контексте сказанного Островский упоминает и Дубровницкую республику, как свободный город, хотя и платящий определенную дань Турции. Позднее 17 русских переехали из Венеции в Боку Которскую, точнее, в Пераст для дальнейшего обучения и усовершенствования.

Их учителем был известный Марко Мартинович. При выборе нового места не последнюю роль играл тот факт, что большинство жителей Боки исповедовало православие. Таковы были первые общие контакты, своего рода первое знакомство³.

Первые же прямые отношения между Дубровницкой республикой и Россией связаны с именем Савы (Луки, или, по-русски Лукича) Владиславича, "дубровницкого графа", и датируются началом XVII в. Об этом значительном человеке, мало известном в литературе, написал в 1942 г. специальную книгу известный поэт и югославский посол во многих странах Йован Лучич, родом из Требинья⁴. Он приводит данные о том, что отец Савы Лука Владиславич приехал в Дубровник, где купил дом с землей. Сава, позднее превратившийся в богатого торговца, — занятие весьма характерное для герцеговинцев, — стал вместе с тем известной общественной личностью, которой сам русский царь Петр I Великий в рамках своей "перестройки" доверял важные и деликатные дела (миссия в Китай и др.). Далее факты следуют в таком порядке: в 1702 г. Сава Владиславич появился в Азове с судном, нагруженным оливковым маслом, перцем, сушеным виноградом, лимонами и венецианскими зеркалами. Еще по пути в Россию он остановился в Константинополе и здесь завязал связи с русскими дипломатами Украинцевым, Голицыным и Толстым, которые его тепло рекомендовали Петру Великому. С 1704 г. он постоянно живет в России. Со временем он стал военным поставщиком и одним из самых богатых торговцев, особенно листьями шкурами. С 1717 по 1722 г. был торговым представителем Петра Великого в Венеции. От времени подготовки к этой миссии сохранилось письмо, которое Петр направил в 1716 г. князю и Сенату Дубровницкой республики и в котором просил встретиться с его советником иллирийским графом Савой Владиславичем, направлявшимся в Дубровник для приведения в порядок некоторых своих семейных дел. Дело состояло в том, что Сава хотел вблизи своего дома соорудить небольшую часовню, где мог бы похоронить свою мать⁵. Высказанное в письме Петра I

желание вполне соотносится с его широкими планами о защите христиан в Далмации, в том числе и в Дубровнике. Существуют и другие письма, которые Петр слал дубровчанам. Сава умер в России в 1738 г. в ранге тайного советника уважаемым и богатым купцом.

Следующую фазу отношений Дубровника с Россией могло бы составить время войны между Россией и Турцией с 1768 до 1774 гг., завершившейся Кючук-Кайнарджийским миром, по которому Россия, кроме прочего, получила право защиты христианского населения в Турции. Дубровницкая республика в этих событиях иногда занимала позицию противную России, доходило до напряженности и даже опасности, угрозы существования самой республики со стороны русского флота. В связи с этими событиями в Россию отправились дубровницкие эмиссары Ч. Тудусич и Франо Ђавер Ранина⁶. Они дошли до знаменитой русской царицы Екатерины II, которая приняла их весьма холодно. Против сложившейся практики, согласно которой Ранину, как посланника иностранной державы, должны были одарить шубой, она наградила его 1500 руб., которые оскорбленный и гордый Ранина отказался принять⁷. Тот же Ранина в 1775 г. встретится в Пизе с командующим русским флотом адмиралом А. Г. Орловым. Переговоры между ними продолжались долго и преследовали цель достичь примирения Дубровницкой республики и России. Подписание соглашения состоялось 20 июня 1775 г. на адмиральском корабле "Надежда"⁸. Соглашением предусматривалось также установление дипломатических консульских отношений между Россией и Дубровницкой республикой. Так пришло время для назначения в Дубровник первого русского консула⁹.

Но пока в Дубровнике не существовало русского консульства российские интересы в венецианской Далмации и в Дубровницкой республике представляло русское генеральное консульство в Триесте. Одно время генеральным консулом был некто И. Войнович, между прочим, дубровчанин. Однако обо всем этом известно еще очень мало¹⁰.

Уже упомянутым договором между Орловым и Раниной

было предусмотрено, что Дубровницкая республика будет держать строгий нейтралитет во всех возможных войнах России с другими государствами. Тут в первую очередь имелась в виду Турция, по отношению к которой республика имела особую позицию и использовала все средства, чтобы ее не изменить. Было решено, что консульство, которое будет открыто, имеет все права и обязанности, как и другие консульства, но оговаривалось условие: консулами не могут быть дубровчане, а это право предоставлено российским подданным, которые будут защищать интересы только своей страны. Это была основа и подготовка к назначению первого русского консула в Дубровник. Начало 1788 г. отмечено в истории города как появление здесь первого русского консула Антона Гики (Гхики, некоторые читают Джики), по происхождению албанца, естественно, католика. Прежде он служил в русском консульстве в Неаполе и был довольно много занят в делах адмирала Орлова. Он имел ранг генерального консула, что означало, что первое консульство царской России в Дубровнике открывалось в статусе генерального консульства. Таковым оно оставалось до 1857 г., когда было низведено до консульства. Для нашей темы, т.е. для времени после 1856 г., особый интерес представляют инструкции, полученный Гикой при вступлении в должность. Согласно исследованиям Илии Митича^{II}, большого знатока истории дипломатии Дубровницкой республики, задачи Гики сводились к следующим: уделять основное внимание: а) политическому устройству Дубровницкой республики; б) ее связям с соседними государствами; в) и особенно с Портой и другими пограничными областями.

Из официально поставленных консулу задач с очевидностью следует, что предметом его интереса должны быть прежде всего Герцеговина и Черногория и меньше – Босния и Далмация. Сама Дубровницкая республика, кажется, занимала тогда Россию более всего как модель государства, которая могла быть применена шире. Если учитывать, что тогда на территории Дубровницкой республики не было рос-

сийских подданных, что объём торговых связей с царской Россией был минимальным и что морские связи были слабы, то становится ясным, что на первом плане деятельности консульства Гики находились не консульско-торговые дела, что типично для консульств, а информационно-дипломатическая служба. Это значит, что консульство должно быть прежде всего хорошим осведомительным пунктом, наблюдательной вышкой для обзора всего того, что происходит в Дубровнике и соседней Турции, а на деле речь шла о соседней Герцеговине, Черногории и даже Боснии. Примечателен факт, что по поводу смерти русской императрицы Екатерины II консул Гика был с почестями принят Малым вече Дубровницкой республики с целью оповещения его членов о смерти великой царицы и вступлении на престол нового русского царя Павла I.¹² Из архивных документов, донесений, которые Гика слал из Дубровника, мы считаем особенно интересным то, в котором говорится об истории и устройстве Дубровницкой республики и которое Гика после тщательного изучения материалов написал в 1792 г.¹³. Статус Дубровницкой республики Гика оценил как некую смесь свободы и вассалитота. Органы же республики при всяком подходящем случае старались подчеркнуть мысль о том, что республика выступает не как платящая дань, а как субъект, пользующийся постоянным покровительством Турции. И когда в 1798 г. встал вопрос, какой облик придать при учреждении государству на Ионических островах, чтобы они оставались под суверенитетом Порты, Россия предложила модель Дубровницкой республики, предпочтя её Лунайским княжествам, на чём настаивала Турция. Россия исходила при этом из уверенности, что молодой Республике Ионических островов дубровницкая модель обеспечит большую степень свободы. Сказанное выше позволяет судить о том, что донесение Гики от 1792 г., как и другие его донесения, имели определенную высшую цель, а дубровницкая модель – более широкое значение. Старания Гики включить Дубровницкую республику в некий широкий фронт сил, обращенных против Турции, не дали результатов, пос-

кольку дубровчане хотели всеми способами сохранить свое лояльное отношение к Турции.

В Русско-дубровницких отношениях того времени и даже ранее появляется дубровницкая дворянская семья Натали или Наталич. Это — сын русского полковника, дубровчанина Ера Натали — Перо Натали, также ставший полковником русской армии. Он участвовал в русско-турецкой войне, в частности в сражении под Очаковом (1788 г.), где весьма отличился. Был ранен, и думали, что скончался. Его нашел и спас слуга. "При награждениях нашего Перу обделили, ибо командование считало его погибшим. Он пожаловался царице Екатерине II и получил чин кавалера Св. Георгия, вышел в отставку и прибыл в Дубровник. Республика сделала его сенатором, и он предстал перед высоким собранием в форме русского полковника. Сенат, естественно, попросил его удалиться и училико предложил вернуться в тоге и с черным париком на голове"¹⁵.

На должности генерального консула Гика оставался до конца 1800 г., когда вышел на пенсию. В конце 1801 г., его преемником был назначен в ранге русского генерального консула Карло Фонтон, который оставался на этом месте до 1806 г., до вступления французов в Дубровник¹⁶. Фонтон был французским эмигрантом, ранее находился на французской консульской службе. Сфера его консульской деятельности не ограничивалась только Дубровницкой республикой, а распространялась и на Далмацию и Року, находившихся тогда уже в руках австрийцев (первая австрийская оккупация Далмации). И по-прежнему постоянным оставалось направление интересов русского консула, утвержденное еще во время Гики, а именно — Герцеговина, Черногория и Босния. Нельзя сказать, что Фонтон находился в добрых отношениях с Дубровницкой республикой; с ее государственными органами он постоянно конфликтовал. Дубровникские власти стремились разными способами расположить консула в свою пользу. Известен факт, что Сенат 17.IV.1804 г. принял решение даровать Фонтону 1 000 цехинов, а что эта сумма пре-

доставлялась ему с целью умиротворения банкиром в Вене Г.Шулером¹⁷. Он создавал проблемы по поводу размещения консульства, по другим вопросам. Хотя Дубровницкая республика была четко выраженным католическим государством, Фонтон, несмотря на то, что сам был католиком, стремился построить несколько небольших православных церквей. С собой он привез двух русских попов¹⁸. Ни жесткое сопротивление дубровникских властей, ни давление Римской курии на Петербург не дали результатов, в конце концов его вынуждены были оставить в покое. Так удалось построить церковку Св.Георгия на Посате (ныне за Домом пожарника). Тем не менее, согласно Митичу, наряду с французским консулом и поверенным в делах Бруером, в числе наиболее влиятельных политических представителей в Дубровнике в конце XVIII – начале XIX вв. был русский генеральный консул¹⁹. Следует заметить, однако, что деятельность консулов еще недостаточно освещена в литературе, а Фонтонна особенно.

Новый русский генеральный консул будет назначен только в 1817 г. Это уже время после Венского конгресса (1815 г.) и разгрома Наполеона. В европейском водовороте исчезла и знаменитая Дубровницкая республика (1808 г.). Бывшая ее территория вошла в состав Австрии (с 1867 г. – Австро-Венгрии), где она останется вплоть до 1918 г., до образования первого объединенного югославского государства – Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 – Королевства Югославии). Дубровник в эпоху правления Австрии, которую считал пальчиком своей свободы, стал только административно-территориальной единицей в границах вновь созданной провинции – Австрийской Далмации. Центром ее стал г. Задар, территория ее протянулась от протока Раба на севере до Спича на черногорском побережье. Русское генеральное консульство продолжает существовать на территории Австрии, из чего можно заключить, что и задачи его остаются прежними, поставленными перед консулом Гикой в 1788 г.

Первым русским консулом в австрийскую эпоху был в Дубровнике Иеремия Гагич, серб, бывший офицер русской армии. Он оставался консулом довольно долго, по одним сведениям – с 1817 до 1855 гг., по другим – с 1824 г. Так, Берса приводит часть письма, посланного Гагичем (в апреле 1832 г.) Шафарику, в котором говорится: "Я прибыл в 1817 г. в Дубровник..., и 5 мая вечером сгорела часть Дворца, а в нем часть архива. После пожара лавочники растаскали остатки обгоревших бумаг и в них заворачивали продаваемые товары. Таким образом, продолжает далее Гагич, попали мне в руки эти два документа, но *sub sigillo amicitiae et taciturnitatis*"²⁰ —. Одним из двух документов была грамота бана Кулина дубровчанам²¹.

Исследователи замечают, что Гагич имел значительную опору и оказывал влияние на православных, сербов в Дубровнике. По причине общественной активности сербов наместник Далмации граф Лилиенберг писал, "что на поведение греков наибольшее влияние имеет русский вице-консул Гагич, и необходимо за этим человеком установить наблюдение, чтобы мы могли мотивировать требование о его удалении отсюда"²². Однако, в этом деле не добился успеха ни он, ни его преемники. Гагич оставался еще долгое время. Дом Гагича, следовательно, русское генеральное консульство в Дубровнике было весьма примечательным местом общественных собраний, столь характерных для того времени. Тут собирались сливки тогдашнего Дубровника, правда, пораженные тоской по погубленной республике и славному прошлому. Иностранные, приходившие сюда, а их всегда было немало, знали, что встретят в салоне Гагича, хорошую еду, питье и интересные беседы. Когда в Дубровник прибыли немцы – барон Отто Райзенберг и его жена Ида фон Дирингсфельд²³ (1815–1876), они быстро подружились с семьей консула Гагича. Описывая положение и атмосферу, благодаря которым, естественно, ширилось и влияние русского консульства и самой России, Берса приводит следующее: "...В доме Гагича собиралось избранное дубровницкое общество, привлекаемое

забезностью его жены, доброй "госпожи Штакхи"²⁴ (Евстахии). К их свадьбе дубровникские поэты, по существовавшему обычью, издали книгу относившихся к событию стихов. Хозяин дома был собирателем древностей, и об этом деле говорилось с большим удовольствием, чем о политике. Вук Караджич останавливался у него, с ним общались Чиклоич, Шафарик, и владыка Петр П, который дважды в стихах поздравлял его с Новым годом. Австрийское правительство было в высшей степени недовольно Гагичем в связи с его частыми поездками в Цетинье, секретными переговорами с владикой и вообще по причине поддержки в народе уверенности, что Россия всегда готова прийти ему на помощь"²⁵.

Что касается его семьи, то сохранилось вот это примечательное свидетельство: "Консул и его супруга Штакха имели двух красивых дочерей: младшую, Любичу, только что выданную замуж за графа Гёсса, который позднее стал известен в политических кругах, и Милену, старшую, уже вдову барона Кляйнмайерна. Любича была высокая, элегантная, живая; Милена - меньше ростом, брюнетка, страстная, естественная; разнородных два создания. Милена настолько понравилась господже Иде, что она взяла ее прототипом для героини своего романа "Милена", в котором прекрасно описала характер дочери Гагича. Позднее Милена вторично вышла замуж и умерла в штирийском Граце в глубокой старости (1914 г.)". Консул гордился своими питомцами, т.к. и жену, и дочерей сам воспитал. Они говорили по-немецки с Дириンсфельд, когда у них пили вечерний чай, одевались они "как умели одеваться лишь знатные дамы только на венском soirée".²⁶

Итак, первую часть своего исследования я мог бы заключить констатацией, что русское консульство в Дубровницкой республике начало работать в 1788 г., было первым русским консульством в наших землях. Тот факт, что консульство продолжало действовать в период австрийского управления бесспорно говорит о значении этого выдвинутого на запад форпоста русской внешней политики, и вместе с тем,

о присутствии России на наших территориях, хотя до 1856 г. открылись и другие русские консульства.

Период с 1856 до 1878 гг.

Время после Крымской войны и Парижского мира было значительным для русской внешней политики в целом, и для ее балканской политики в особенности. Из обширной монографии И. Тепича, который занимался и этими вопросами, видим, что сказанное выше непосредственно отразилось на числе и уровне русских консульств на Балканах²⁷. В соответствии с новыми концепциями и инициативами их задачей стало возвращение и усиление пошатнувшегося к тому времени русского влияния в балканских землях, особенно это касалось православного населения. Такова была линия официальной русской политики, которая проводилась через государственные институты — консульства. Их следует отличать от разных других обществ, институтов и комитетов, особенно славянофильских, хотя они имеют нечто общее. И наоборот, иногда весьма разнятся.

В период от Парижского мира до Берлинского конгресса во главе русского консульства в Дубровнике находились Стремоухов Петр Николаевич, Петкович Константин Дмитриевич и Ионин Александр Семенович. Берса сообщает, что Ионин прибыл после консула Гирса, но это не подтверждается другими источниками. В свою очередь, вопрос о том, имел ли Гирс какие-либо другие функции, нуждается в дополнительных доказательствах²⁸.

Стремоухов прибыл в Дубровник молодым человеком. Ему было тогда 28 лет. Он начал свою деятельность в сентябре 1856 г. в довольно трудных условиях²⁹, явившихся результатом русского поражения в Крымской войне. Мы уже указывали, что это отразилось на ослаблении интенсивности русского влияния на Балканах. Оно было ослаблено даже в Черногории, которая прямо ориентировалась на русское консульство в Дубровнике. Стремоухов оставался весьма краткое время — всего год. Позднее он займет одну из наиважнейших должностей, особенно относительно наших земель, а

именно, — директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел России (1864—1875 гг.). В этой должности ему наверняка весьма помогал опыт, приобретенный в Дубровнике, ибо он мог лучше оценить сообщения, которые поступали с мест и освещали происходящие события. Особенно он хлопотал об открытии русского консульства или вице-консульства в Мостаре, но тогда этого осуществить не удалось. В его время открылись русские консульства в Сараеве и Шкодере, но в первой фазе своего становления они еще были подчинены русскому генеральному консульству в Дубровнике. Долго это не будет продолжаться, поскольку само генеральное консульство в Дубровнике будет низведено до ранга консульства. Из двух опубликованных писем, которые Стремоухов отправил из Дубровника протоиерею Михаилу Фёдоровичу Раевскому, священнику православной церкви при русском посольстве в Вене в январе и апреле 1857 г., можно отчасти видеть, чем он занимался за свое краткое пребывание там³⁰. Хотя Россия еще от Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.) имела право на территории Турции открывать свои консульства и вице-консульства, она его мало использовала. Что касается нас, то генеральное консульство в Дубровнике являлось исключением. Однако Россия постоянно пользовалась данным ей правом защищать балканских христиан. После Крымской войны она проявляет интерес и к народно-освободительным движениям, в том числе и к нашим, особенно в Боснии и Герцеговине, поскольку это всегда центральная тема. Стремоухов, будучи консулом, два раза посетил Черногорию, которая тогда, в правление князя Данилы на некоторое время отдалась от России и ориентировалась на Францию³¹. Но этим вопросом больше предстоит заниматься его преемнику — Константину Дмитриевичу Петковичу.

Петкович сначала был лишь секретарем консульства. Через год его назначили на должность консула и на этом месте он оставался до 1869 г., когда был перемещен консулом в Бейрут (1869—1880). Петкович родился в Македонии, около Велеса³², на русскую дипломатическую службу поступил

в 1853 г. после окончания Петербургского университета. В литературе он выступает как значительная личность. В 1987 г. в Скопье была опубликована небольшая книга под названием "Константин Петкович и Черногория", автора Миролиба М.Станковича³³. Примерно на 180 страницах автор пишет о Петковиче и его деятельности в должности консула в Дубровнике и его делах, связанных с Черногорией. Изложение доводится только до 1860 г. Значительную часть книги составляют документы, донесения и письма как самого Петковича, так и других лиц. Книга написана на македонском языке, часть документов даже переведена на македонский язык, вероятно, для более широкого их использования. О Петковиче вспоминают секретарь консульства красавец Шатохин³⁴ и видный славист Чакушев³⁵. Одной из характерных черт в деятельности русского консульства в Дубровнике, если говорить о самом Дубровнике, был интерес к изучению прошлого в различных его аспектах. С этого времени начинает развиваться новый вид югославско-русских связей. Статьи в журналах и газетах на свой лад вели к определенному сближению и ознакомлению не только со знаменитой историей Дубровника, но и способствовали привлечению внимания к нашим проблемам в России. Был ли Гирс некоторое время секретарем Петковича, до сих пор мы утверждать не можем, хотя этот факт, приведенный Берсой, требует проверки³⁶.

Из донесения Петковича от 8 июня 1857 г. из Дубровника³⁷ мы видим, что он ехал из Вены через Триест в Дубровник вместе с Яном Вацликом³⁸, позднее секретарем князя Данилы. В грузовой гавани, после швартовки корабля 19 мая 1857 г. его весьма сердечно встретил Стремоухов. На другой день по прибытии Петкович посетил Джорджа Николаевича, известного дубровницкого монаха и видного общественного деятеля. Из беседы с ним Петкович узнал, что Николаевич не может нанести ответный визит, поскольку австрийские власти и лично наместник Далмации генерал барон Лазар Чамула запретили - как ему, так и дубровникским торговцам-сербам - поддерживать какие-либо связи с русским консуль-

ством³⁹. Совершенно ясно, что такой запрет не мог быть в полной мере проведен в жизнь. Наоборот, время пребывания Петковича на должности консула связано с рядом весьма значительных политических событий в наших краях, как австрийских, так и турецких. Еще продолжалась эпоха абсолютизма Баха в Австрии, но поражение австрийских войск у Мадженты и Сольферино привели к обновлению политической жизни в 60-е гг. XIX в. в Австрии и к образованию или началу деятельности провинциальных саборов, среди которых и сabor в австрийской Далмации. С этим связано формирование политических партий и возникновение первых газет четко выраженного политического характера⁴⁰. Одним словом, усиливается национальные движения. Народная партия в Далмации долго будет бороться с преобладающим влиянием Автономистской (Независимой) итальянской партии, особенно в главных городах, самых крупных центрах провинции. В соседней с Дубровником Герцеговине всыхнут восстания, связанные с именем воевода Зубцов Луки Вукаловича⁴¹. После II-ти лет, проведенных в Дубровнике, Петкович в письме от 4 марта 1869 г. так оценил свою деятельность: "Препровождаю при сем к вам письмо на ваше имя, полученное мною сегодня из Цетинье от кн. Николая. Вам, конечно, известно уже мое назначение в Бейрут генеральным консулом. Я провел здесь II лет самой бурной и беспокойной службы и утешаюсь тем, что расстаюсь с Черногорией в такое время, когда черногорский князь вернулся с путешествия в Россию и государь император крестил у него новорожденную дочь. Я принял дела здешнего консульства не при таких благоприятных обстоятельствах. Тогда мы находились в полном разрыве с черногорским правительством; в Цетинье преобладало французское влияние, а черногорцы со страхом и секретно произносили имя русского царя, своего благодетеля. Теперь они в Цетинье распевают русский гимн, а в княжеском дворце говорится не о Франции и Париже, а о великолдушии русского царя и о славе и могуществе православной России. Признаюсь, мне немного жаль, что покидать Черногорию в

такой момент, хотелось бы самому видеть и порадоваться торжеству русского влияния в родной нам стране, не имеющей ничего общего ни с французами, ни со швабами. Моему преемнику будет и легче и приятнее консульствовать в Черногории. Мы едем в Бейрут через Вену и Константинополь, не можем выехать раньше приезда Ионина, который, в свою очередь, ждет из Питера своего преемника Леонтьева...”⁴².

Впрочем, теперь уже можно сказать, что его преемнику Ионину было нелегко. Напротив, события, которые последовали, — сначала восстание в Кривошии, затем восстания в Боснии и Герцеговине, в других балканских землях и Восточный кризис 1875–1878 гг., — были намного значительнее по сравнению с предшествовавшими⁴³. Значительнее были проблемы и в Далмации, связанные с восстанием в Боке⁴⁴. Именно в 1870 г. на выборах в Далматинский собор пришла к победе Народная партия после почти 10-летнего господства автономистов. Победа была завоевана при легкой поддержке австрийских властей, и Народная партия по-прежнему являлась единственным славянским фронтом далматинских хорватов и сербов в противоположность Автономистской партии, которую составляли преимущественно австрийские чиновники, итальянцы различного происхождения и взглядов, а также от части хорваты, не ощущавшие свою национальность, и в редких случаях — сербы. Победа сторонников народной партии (“народников”) имела далеко идущие последствия для будущего развития политической и национальной жизни в австрийской Далмации, и даже шире, особенно в отношениях с Хорватией, Боснией и Герцеговиной, Черногорией и Сербией⁴⁵. Все это для современника сводилось к вопросу, была ли тут русская рука. Хотя в последние годы опубликовано довольно много документального материала о периоде, когда Ионин был консулом в Дубровнике, однако это время все-таки недостаточно изучено. Особенно что касается темы: Далмация и Россия. Время, когда Ионин служил в консульстве, было исполнено многочисленных акций, широко известных. Он был человеком, увлеченным как своей служебной деятельностью,

так и общественными контактами, Русское консульство стало центром разнообразных встреч. Так, кроме прочего, консул появлялся на общественных развлечениях, но и сам в своем доме собирал своих коллег – консулов (французского, турецкого, прусского, итальянского), других известных людей, путешественников – случайных гостей, которые проезжали через Лубровник, неважно, были ли они русскими или российскими подданными или кем иным. Тогда существовал обычай устраивать концерты камерной музыки в частных домах. Так, в доме тогдашнего профессора дубровницкой гимназии Перы Будмани, позднее известного своей ученостью, среди прочих гостей был весьма уважаемый "русский консул Ионин и его секретарь Бакунин"⁴⁶. Такие концерты и вечера с подобной публикой бывали и во французском, и в русском консульстве, о той лишь разнице, что в последнем случае приглашенные имели "в своем распоряжении великолепное помещение и богатый буфет, и что здесь могли видеть весь дубровнический дипломатический корпус. Этих господ было тогда много, ибо и полномочные министры из Цетине в связи с отсутствием у них подобных домов и возможностей в основном пребывали в Лубровнике; для дубровчан же все они были без различия консулами. Преемником русского консула Гирса, приобретшим позднее веский голос в дипломатии, был Ионин, с которым прекрасную пару составлял его неразлучный секретарь Бакунин, как Дамон и Пифий, говорил Будмани. Это были люди молодые, элегантные, оба жадали развлечений и дружбы; оба были непревзойденными танцорами, оба "подскользнулись" на любовной арене, позднее взяли в жены по красивой далматинке"⁴⁷.

Кем же был Ионин? У нас в литературе упоминается два Ионина. Один – Александр Семенович Ионин (1836–1900), это именно тот, о котором мы пишем. Он намного более значительная и известная личность, чем его младший брат – Владимир Семенович Ионин, который также был русским дипломатом. С 1867 до 1869 гг. он являлся секретарем русского консульства в Лубровнике, а потом вместе со

своим дубровникским шефом, консулом К.Петковичем, был переведен в Бейрут. Александр С.Ионин принадлежал к тому поколению русских дипломатов, которые получили хорошее образование и которые после 1856 г. все больше занимали места в русских консульствах и дипломатических представительствах. Помимо высокого уровня общей культуры они должны были изучать иностранные языки, особенно французский, а также "малые" языки балканских и других народов, такие как турецкий, румынский, болгарский, сербскохорватский, албанский и др. После завершения образования в Петербурге в 1854 г. он поступил на русскую дипломатическую службу. В соответствии с политикой, проводимой Министерством иностранных дел России, вскоре был отправлен в Стамбул, столицу Турции, чтобы узнать и почувствовать некогда великую, а ныне слабеющую империю. Уже в 1857 г., после открытия русского консульства в Сараеве, он был назначен драгоманом (так называли первого секретаря и переводчика посольства). Тут он работал с консулом Гильфердингом, позднее с Шулепниковым⁴⁸. В 1862 г. был повышен до ранга консула и переведен в Яну. Там оставался до назначения консулом в Дубровник 7 января 1869 г., где останется вплоть до 1878 г., когда будет назначен полномочным министром Черногории с резиденцией в Цетинье. Все, кто более глубоко изучали этот период нашей истории, соглашаются в том, что Ионин был выдающейся личностью, значительным представителем русской политики в наших краях и человеком, который отлично изучил обстоятельства и людей в Черногории, Герцеговино, Боснии и Далмации⁴⁹. В Сараево он прибыл, когда ему исполнился только 21 год, а в Дубровнике появился в 33 года.

В данном тексте довольно часто упоминаются связанные так или иначе с русским консульством в Дубровнике православные сербы Дубровника, Герцеговины, Далмации и т.д. Если говорить о Дубровнике, то очевидно из опубликованной литературы, а еще более из документальных ис-

точников, что своего рода местной "опорой" русского консульства было именно это южненское селение. Поэтому необходимо остановится на некоторых общих сведениях о Дубровнике того времени, с учетом его размеров и населения, а особенно посмотреть, насколько многочисленна и сильна была эта "база". Поскольку я сам занимался исследованиями, необходимыми для решения некоторых более широких далматинских и югославских проблем, остановимся на наиболее существенном.

На территории Дубровницкой республики в конце XVIII и начале XIX вв. проживало 31 000 жителей. Сам город был относительно мал. В начале XIX в. он имел 5 700 жителей (Город - 4 175, Пиле - 1 165, Плоче - 365). Точное число православных не известно, очевиден лишь факт, что они были. Хотя в 80-х гг. XIX в. выросло число жителей на тесной городской территории, все-таки Дубровник остался "городком почти незначительного объема и малого южненского селения"⁵⁰. А именно, в 80-х гг. XIX в. город с пригородами вместе имел 7 245 жителей (Город - 4 805, Пиле - 1 864, Плоче - 576). И если в пригородах и в городе до падения Республики было - в этом четко выраженному небольшом католическом государстве - около 230 евреев и 110 сербов (православных), то в 80-е гг. XIX в. число евреев упало всего до 75, тогда как число сербов (православного вероисповедания) возросло до 500⁵¹. Согласно моим подсчетам, сделанным на основе австрийских статистических данных, в 70-е годы XIX в., следовательно, несколько ранее, Дубровницкий округ (далее делившийся на кантон - срезы и общину) имел 33 635 жителей. Из них католиков было 33 169 чел., а православных - 391 чел. (или примерно 1%)⁵². Что касается самой политической общины Дубровника, то она имела 8678 жителей, из них - 8231 католик и 374 православных /или 4%/. В то же время во всей австрийской Далмации было 442796 жителей, из них 78707 православных (или 17%). Дубровник в этом плане далеко отстоял от 17%. Если же сравнивать наиболее значительные городские приморские центры, то он находится на третьем месте среди городов с населением до 5000 чел. Он следует за Задаром (община которого состояла из 20849 жителей, 1419 про-

вославных, или 7%) и Шибеником (политическая община Шибеника насчитывала 15 116 жителей, имела 774 православных, или 6%). Политическая община Сплита, несмотря на то, что это был самый большой далматинский город, имела весьма малое число православных (менее 1%), тогда как политическая община Котора, имевшая всего 3 539 жителей, отличалась относительно высоким процентом православных (31% или 1 055 чел.).

Ко всему этому следует добавить, что особенно на территории Дубровника сербов католиков, или точнее, католиков сербов жило немного, но они были богаты, образованы и весьма влиятельны⁵³. Именно они являлись истинными дубровчанами, в отличие от большинства православных сербов, которые являлись иммигрантами в первом или втором поколениях, главным образом из соседней Герцеговины. Все сказанное выше составляет важный элемент при определении роли и значения русского консульства в Дубровнике. Кроме того, Дубровник был одним из четырех главных административно-политических центров австро-венгерской Далмации (наряду с округами Задар, Сплит и Котор). Это был цивилизованный город со всеми полагающимися институтами, из которых наибольшее значение имели почта и телеграф. Урбанизированная городская среда с достаточным числом объектов для удобного проживания, с благоприятным климатом, с воспитанным и культурным светским обществом, — все это как бы предопределяло расположение здесь многочисленных консульских миссий. Регулярные пароходные линии давали возможность осуществлять наиболее быструю связь с Триестом и далее вдоль побережья, с Италией, так и с Грецией и Стамбулом. Светское общество в Дубровнике, состоящее из представителей высших социальных слоев, говорило на иностранных языках, главным образом на французском и итальянском. Однако, всего этого может быть недостаточно, если бы территория Дубровника не граничила с Герцеговиной и не имела вблизи Черногорию. Именно эти две наши области находились в центре внимания согласно концепции решения Восточного вопроса. Не удивительно, что именно тут во время широкого восста-

ния в Герцеговине соберут и многочисленные иностранные журналисты, в числе, никогда здесь не виданном⁵⁴. В целом, Дубровник был удобным местом для деятельности многочисленных иностранных консулов и консульств, из которых русский имел определенные преимущества. Через Дубровник главным образом осуществлялась связь с миром.

Последовавшие крупные события 1875-1878 гг. позволили полностью выявить значение русского консульства в Дубровнике и роль консула Ионина⁵⁵. Существующие об этом сведения говорят сами за себя. Так, во время известной поездки министра императора Франца Иосифа по Далмации весной 1875 г., практически перед началом восстания в Герцеговине и Боснии, Ионин имел возможность встретиться с австрийским императором. Франц Иосиф прибыл в Дубровник 27 апреля 1875 г., через 58 лет после посещения его Францем I (1818 г.) Выехав из Метковича, он прибыл в Груж, по пути останавливалась в небольшом приморском городе Трстено, где его, между прочим, встречал чашей вина "мальвазия" и "котонятом" (джемом из винограда) местный жупник. Во время пребывания в Дубровнике резиденцией австрийского императора стал княжеский дворец, где, впрочем, постоянно находился и окружной начальник (поглавар), тогда - Паво Решетар, отец известного Милана Решетара. Знаменательным событием стал обет, данный австрийским императором по поводу дня рождения русского императора Александра II. Приглашены были, - как пишет И.Берса, - русский консул Ионин и его секретарь Бакунин, затем эмиссар султана Сулейман-паша с блестящей свитой, турецкий консул в Дубровнике Персич-эфенди, между прочим, дубровчанин, и другие высокие гости. За обедом император поднимал бокалы за здоровье султана Абдул Азиза и своего друга Александра. Не осталось без внимания, что во время поэлеобеденной беседы Франц Иосиф "энергично и долго" говорил с Сулейман-пашой, которого беспрестанно называл "*mon cher maréchal*". Когда г. он подошел к Персич-эфенди, то упрекнул его в почти враждебной позиции в отношении Австрии. Слова эти

олышали все, и каждый понимал, что должен быть ооторожен, если не согласен с императором в отношении Боснии и Герцеговины"⁵⁶. Хорошо известно, что император Франц в процессе своего путешествия по Далмации и вдоль границы с Боснией и Герцеговиной принял большое число делегаций из этих последних. У нас есть оценка Ионинным значения этих встреч. В донесении, направленном А.В.Мельникову 17 мая 1875 г., русский консул писал, что поездка императора и "его благосклонное внимание к славянским элементам" породило много надежд у угнетенного местного населения. Этим можно объяснить и подачу императору многочисленных жалоб и прошений"⁵⁷.

Особенно же интересно мнение итальянского дипломата Чезаре Дурандо (*Cesare Durando*) от начала 1876 г. о роли русского консульства в Дубровнике. Дурандо не является неизвестной личностью в югославянской историографии⁵⁸. Он был первым консулом королевства Италии в Сараеве. В Сараево прибыл в 1863 г. и оставался там до 1869 г. Принадлежал к тому поколению дипломатов и консулов молодого итальянского государства, которые после завершения образования специализировались на делах, связанных с Балканами и Ближним Востоком. Служил на разных должностях в Бейруте, Рушке, Глаце, Дубровнике, Цетинье. Позднее он будет работать в Триесте, Ливерпуле и Марселе. Он знал много языков, в том числе сербохорватский. Остался в памяти как способный и ловкий дипломат. События, связанные с вспыхнувшим в Боснии и Герцеговине восстанием, привели его в Дубровник, откуда он в качестве члена Международной консульской комиссии колесил по Герцеговине. Совершенно ясно, что его особое внимание было связано с русским консульством в Дубровнике. Из Дубровника он направлял в Рим много донесений. Остановимся на одном, весьма обширном, которое Дурандо послал 10 февраля 1876 г. министру иностранных дел Италии Висконти⁵⁹.

Дурандо исходил из того, что русское консульство в Дубровнике необычно сильное (по составу сотрудников и пр.),

хотя город, в котором оно расположено, не имеет ни российских подданных, ни торговых или судоходных связей с Россией. Прежде всего, тут находился весьма интеллигентный консул, который, исходя из его способностей, не должен был бы находиться там, где протокол не предусматривал генерального консула. Между тем и несмотря на все это, консул был оставлен в Дубровнике и получил личный ранг генерального консула. Поскольку недавно он получил титул тайного советника, то наряду с рангом генерального консула он приобрел право именоваться "превосходительство". Все это не соответствовало привычным нормам. Кроме того, само консульство имело двух секретарей и постоянного курьера. Тут находились подполковник генерального штаба Максимов, капитан и много заместителей. Через Дубровник тянулись нити Министерства иностранных дел из Петербурга, из Черногории и с театра восстания. Правда, персонал консульства держался в секрете, и Дурандо не мог точно установить положение дел, хотя его коллега многократно сообщал ему о сказанном выше.

Дурандо далее утверждает, что Черногория зависела от Ионина как птица от своей кормилки. Образованные и серьезные люди в Дубровнике уверяли его, что во время восстания в Кривошии (1869 г.) и настоящей войны, которую тогда вели Австрия, Ионин имел весьма большое влияние и разыгрывал комбинации, разумеется, не в пользу имперского правительства. Самое же удивительное состояло в том, что, хотя позиция и действия Ионина были известны всем и о том открыто говорили по Дубровнику, правительство в Вене об этом не знало или не хотело знать, чтобы не оказаться в положении, которое вынуждало бы его настаивать на удалении русского консула. Напротив, оно наградило его орденом "Железной короны".

Позиция русских консулов и других представителей в герцеговинских и черногорских целях была предметом особого внимания Дурандо, что совершенно понятно. Так, русский посол в Стамбуле принудил русского консула, члена кон-

оульской комиссии в Мостаре, Ястребова воспротивиться какой-то совместной акции, которая походила на вмешательство или иностранное давление на Турцию и которая имела целью поддержать и посоветовать чрезвычайному комиссару Сервер-паше сделать христианам самые широкие уступки с целью усмирения восстания. В связи с этим Ястребов заявил недавно, пишет Дурандо, что "Порта с симпатиями видела бы делегацию повстанцев, прибывшую в Константинополь". Ястребов, очевидно, не понял секретности рекомендаций и все рассказал австро-итальянскому консулу, который, в свою очередь, оповестил о том интернунция. Последний тотчас потребовал объяснений от генерала Игнатьева, который отрекся отдачи подобных поручений. Потом он резко укорял своего уконсула в несдержанности и незнании ситуации. В противоположность благоприятной позиции русского посольства в Константинополе в отношении Турции, русский консул в Дубровнике Ионин сделал все, чтобы разрушить турецкую власть в Герцеговине. Эти противоречия в поведении русских представителей удивляли Дурандо. Между тем, он сообщает, что один из его коллег по Международной консультской комиссии недавно говорил ему, что здесь нет ничего нового и необычного. Такое можно было наблюдать в сходных обстоятельствах и ранее. Равлические или даже противоположные позиции русских агентов и представителей иногда были таковы, что казалось, будто они не относились к одному и тому же правительству. Желая, чтобы Дурандо сильнее в это поверил, его коллега поведал ему некоторые моменты из деятельности последней европейской комиссии, перед которой была поставлена задача помирить Черногорию с Высокой Портой. В работе этой комиссии принимали участие два русских консула, а именно: Су-ченков, русский консул в албанском Шкодере, и Петкович, консул в Дубровнике (до 1869 г.). И если один был ультра туркофил, то другой - крайний туркофоб. И не только на словах, но еще откровенно на деле. Их противостояние приняло такие размеры, что стало непреодолимым. Несмотря на это, оба агента, - говорит Дурандо, - отозванные сво-

им правительством, в тот же день получили одни и те же награды и одинаковые повышения в чинах.

Учитывая вышесказанное, Дурандо особенно внимательно следил за тем, что происходит в Герцеговине и за позицией русского консульства в Дубровнике. В прежних своих рапортах Дурандо извещал Рим о некоторых официальных документах и акциях этого консульства по поддержке и даже помощи повстанцам. Теперь он собирает сведения осторожно, о чем уже говорил в донесении от 8.П.1876 г. Все, что он делает, направлено на то, чтобы дать как можно более точную картину действий русских в Дубровнике, с указанием обстоятельств, которые тому предшествовали.

По мнению Дурандо, все усилия русских никоим образом не были направлены в пользу восстания вообще и христиан в Герцеговине, в частности; а единственно в пользу Черногории, о целью увеличения ее территории. Поэтому они пришли к заключению о необходимости надолго затянуть восстание. В этой связи стоит и вопрос о деньгах для беженцев. Русское консульство стало центром, где собирались значительные суммы, пожертвованные для беженцев и раненых. Корреспондент "Голоса" убеждал Дурандо, что одна лишь его газета доставила 120 000 руб., и считал, что недавно из России отправлено 800 000 руб. Из этих сумм беженцы и раненые получили мало или ничего не получили. Часть денег пошла на "куплю" и финансирование газет, а остаток передан князю Николаю. Между тем, Черногория постоянно заявляла, что она вынуждена содержать 60 000 беженцев. Преувеличение настолько велико, что похоже на скажку для детей, если не сказать иначе, говорит Дурандо. Из нижней Герцеговины число беженцев, которые сами могли добраться до Черногории, не превышало 20 000 чел. Кроме того, самое большое число, около 17 000 чел., находилось на территории вокруг Дубровницкого округа, включенные в сплохи, по которым австрийские власти оказывали ежедневную помощь. С учетом приведенных данных в Черногории оставалось всего около 3 000 беженцев, хотя серьезные люди сомневались и в этом числе. Но и среди них большинство было

тех, кто гнал с собой скот и нес деньги и верно. С другой стороны, Черногория позаботилась о том, чтобы выдворить в Далмацию тех, которые ничего не имели. Таким образом, княжество, подняв большую шумиху вокруг своих 60 000 беженцев, добилось того, что ему в течение нескольких месяцев Австрия платила по 60 000 форинтов ежемесячно. А когда позднее эта сумма была сведена всего к 5 000 форинтов ежемесячно, русская сторона подняла большой крик о негуманности австрийского правительства.

Точно также много постельного и нательного белья было направлено в Черногорию, а не прямо в больницы в Гравово. По Дубровнику со смехом говорили, продолжает Дурандо, что многие сенаторы в Цетинье, которые прежде спали на соломенных тюряках, теперь вовлекают на двух или трех матрацах.

Продолжая далее показ деятельности русского консульства в Дубровнике Дурандо приводит сведения о том, что недавно отбыл из Дубровника "некто Веселицкий"⁶⁰, который здесь побывал в августе 1875 г. и который постоянно представляется, что он член одного международного комитета в Париже, и что членами онного являются и сербский митрополит и дьяковский епископ Штросмайер. Между тем, особы, достойные доверия, убеждали Дурандо, что этот международный комитет является вымыслом и что оба прелата ничего о нем не знают. Настоящая правда состоит в том, что Веселицкий имеет другое имя и что он чиновник Министерства иностранных дел в Петербурге. Он был послан в Дубровник, чтобы помочь русскому консульству принять и распределить помощь, которая поступала из России. В этой связи был и упомянут один полевой госпиталь, оборудование которого прибыло из Москвы и который был отправлен в Черногорию.

После битвы на Муратовице (4.XII.1875 г.), в которой турецкая армия потерпела поражение, ее командующий Ревфа-паша должен был двинуться далее. Поскольку его намерению мешали повстанцы, он обратился с письмом к их предводителю Сочице. Просил, чтобы ему разрешили свободный проход

для обеспечения продуктами питания крепость Гораноко, гарнизон которой остался без продовольствия. Одновременно он выразил готовность выслушать жалобы христиан.

Между тем, Сочица сразу же направил письмо князю Николе, а тот консулу Ионину, чтобы услышать его мнение. Ионин, как говорят, продолжает Дурандо, посоветовал удовлетворить просьбу паши по причине, о которой Дурандо писал в одном из более ранних своих донесений, кроме того, чтобы этим показать, что Черногория, если бы получила компенсацию, могла бы выступить за окончание восстания. Поступая в соответствии с этим советом, князь Никола дал распоряжение Сочице разрешить Реуф-паше свободный проход с целью доставки продовольствия, хотя этого требовали стратегические мотивы войны. Сочица подчинился, и таким образом Горанско и Пива были снажены продовольствием.

После этого Реуф-паша приготовился к снабжению города Никшич. Чтобы это сделать, он должен был пройти через ущелье Дуга. Но дорогу охраняли Сочица с повстанцами из Герцеговины и Пеко Павлович со своими черногорцами. Реуф-паша искал удобный случай, чтобы пробиться сквозь знаменитое ущелье. В процессе ожидания он решил направить к князю Николе Костан-эфенди, недавно назначенного мутасерием восставших округов (срезов), о нем Дурандо ранее уже сообщал своим начальникам. Когда Костан-эфенди прибыл в Дубровник, он тотчас же посетил консула Ионина. Встреча продолжалась несколько часов. Предполагается, что говорили о том, чтобы Черногория дать определенные территориальные компенсации с условием, чтобы княжество выступило за умиротворение восставших областей. Кажется, Костан-эфенди взялся за то, чтобы обо всем этом объективно информировать Высокую Порту. В Стамбуле при поддержке русского посольства он был возведен в ранг паши, таким образом став с этого времени Костан-пашой. Впрочем, он довольно известная личность в истории Боснии и Герцеговины. Через несколько дней после встречи в Дубровнике между Ионином и тогда еще Костан-эфенди Реуф-паша двинул-

ся через щелье Дуга. Сочица и Павлович имели задачу препятствовать его проходу. Сочица первым начал бой (26.ХП. 1875 г.) и продолжал его целый день, неся потери. А Пеко Павлович, вместо того, чтобы прийти ему на помощь, оставил поле битвы, забрал скот и двинулся в Черногорию. На этот раз, пишет далее Дурандо, князь Никола, не будучи в состоянии привести Сочице стратегические основания, просто приказал руководителю черногорцев не оказывать сопротивления Реуф-паше. Пеко Павлович отступил, варварски пожертвовал более чем сотней герцеговинцев. Сочица, видя это, вынужден был дать свободный проход Реуф-паше, который осуществил свои намерения. Уход П. Павловича вызвал большое недовольство в славянских рядах. Официальная газета Черногории "Глас црногорца" оправдывала его поступок двусмысленным образом. Сам же Ионин сообщил Ястrebову, коллеге Дурандо по Международной консультской комиссии, что восставшие уже находится в агонии и что наилучшим образом поступит та сторона, которая просто прекратит борьбу.

Но поскольку требования Черногория не были приняты Высокой Портой, или, может быть, Костан-паша не достаточно хорошо представил дело, или же неясен был результат, русский консул в Дубровнике советовал продолжать борьбу. В связи с этим Пеко Павлович с остальными руководителями повстанцев прибыл в Дубровник, чтобы договориться с Иониным. Тут им какой-то русский агент устроил ужин. На нем были Ионин и его секретарь. Вскоре они удалились, а руководители восставших поздно ночью отправились на поле боя в Зубцы. Два дня спустя (19. I. 1876 г.) произошла битва, окончившаяся в пользу Павловича. В этот день погиб капитан Банян Максим Бачевич. Интересно, что его тело по пути в Черногорию было пронесено через Дубровник. В Дубровнике ему было организовано такое прощание, что это не могло остаться без внимания. Когда же похоронная повозка проезжала мимо русского консульства, флаг был приспущен на половину флагштока. Демонстрация была выразительной, комментировал Дурандо.

Между тем новый губернатор и комиссар Герцеговины Али-паша высадился в Клеке. Тотчас же он назначил свое доверенное лицо для поездки к князю Николе. Об этой миссии, о замешательстве среди русских агентов в Дубровнике, вызванном этим, как и в Дубровницком комитете для помощи герцеговинским повстанцам и Народной партии, и в связи с этим о спешном отъезде консула Ионина в Цетинье, Дурандо оповестил Рим в донесении от 5 февраля 1876 г.

И в заключение своего обширного донесения о деятельности русского консульства в Дубровнике Дурандо сообщал еще одно известие, которое могло бы послужить иллюстрацией высокой степени русского влияния на восстание в Герцеговине. В Дубровнике действовал Дамский комитет (*Comitato dame* ...) ⁶¹, помогавший беженцам. Когда его члены увидели, что значительное число раненых по пути в Черногорию проезжает через Дубровник, они договорились организовать в городе пункт — больницу по оказанию первой помощи. В нее попадали повстанцы, которые оывали там ранее. И когда их спрашивали, как они вновь оказались тут, не залечив полученные прежде раны, они просто отвечали: "До тех пор пока святая Россия нам будет приказывать бороться, мы будем бороться; а когда нам отдадут приказ сложить оружие, мы это сделаем". Могу гарантировать, подчеркивает Дурандо, точность этого ответа.

Завершая свое донесение, Дурандо оправдывался, что написал его преобширным, хотя вынуждил многие детали. Однако сделал он циничный донесение только для того, чтобы как можно лучше объяснить деятельность русских агентов в вопросе, который особенно интересовал итальянцев. Он брал на себя обязательство в следующих донесениях написать и о других воздействиях на восстание.

Завершая данное изложение можно сделать несколько выводов. Этот труд прослеживал и оценивал прежде всего роль и значение русского консульства в Дубровнике в югославско-русских связях в XIX в., а не деятельность

самого консульства. Из того, что известно науке, с очевидностью следует, что консульство играло весьма большую роль. Наряду с тем, что приведено выше в доказательство этого тезиса, нужно добавить, что английский представитель в Константинополе сэр Генри Эллиот указывал много раз в 1875 г. и позднее генералу Игнатьеву, русскому послу в Турции – на основании сведений, которые он получал от английского консула с места – на тот факт, что главная квартира герцеговинских повстанцев находится в Дубровнике, имея в виду при этом русское генеральное консульство⁶².

Русско-дубровникские связи, начиная с эпохи Петра Великого и дальше до открытия русского консульства в Дубровнике, являлись предварительной или первой фазой югославско-русских отношений. Открытие русского консульства в 1788 г. – первого русского консульства у нас, и его деятельность до падения Дубровницкой республики стали следующим этапом в этих отношениях. Деятельность консульства ориентирована теперь главным образом на наблюдение за происходящим в Турции, а конкретно в Герцеговине и Черногории. Это направление останется постоянной задачей в его работе, вплоть до 1878 г.

Русское консульство в Дубровнике за все время австрийского управления, и особенно после 1856 г., больше или даже преимущественно занималось герцеговинско-черногорской проблематикой и меньше дубровникско-далматинской. Именно это определяет его настоящее место в югославско-русских отношениях, хотя одновременно оно становится значительным органом царской русской политики.

Во всем этом особую роль играл сам город Дубровник и окрестная его территория, в первое время как главный город государства, хотя и малого, а позднее как один из четырех главных центров австрийской Далмации. Многочисленные исторически сложившиеся преимущества Дубровника были будто предназначены для размещения иностранных консулов вообще, и русского в особенности. Появель-

ности русского консульства благоприятствовал и тот факт, что в самом городе была небольшая, но экономически довольно сильная сербская община, состоявшая как из сербов православного вероисповедания, так и из сербов католиков. В истории не отмечено, чтобы и хорваты, составлявшие большинство населения, совершили какой-либо акт, который мог бы считаться враждебным по отношению к русскому консульству. (Исключением является лишь демонстрация во время революции 1848 г.). Напротив, русских особенно рады были видеть и принимать в дубровникских богатых домах.

Примечания

1. Здесь прежде всего имеются в виду две книги документов: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. I - 1850-1864, М., 1985 и II - 1865-1875, М., 1988. См. также сборники документов, изданных Е.Шавичевичем: Руся ја и Боснско-херцеговачки устанак. 1875-1878. Књ. I-IV, Титоград, 1985-1989.
2. Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1984.
3. Там же, с. 238-239.
4. *Dudić J. Jedan Srbin diplomat na dvoru Petra Velikog i Katarine I, grof Sava Vladislavic.* Beograd-Pittsburg, 1942.
- Б. югославской литературе Дучич считается не историком, как полагает Фрейденберг (см. прим.2, с.239), а поэтом и дипломатом.
- 5.Фрейденберг М.М. Дубровник..., с. 239-242; Берса J. *Dubrovačke slike i prilike (1800.-1880.)*. Zagreb, 1941, с.91-92
И.Берса пишет, что Сенат не разрешил строительство часовни вблизи дома. Это вызвало в Петербурге большую антипатию к Дубровнику.
6. Фрейденберг М.М. Дубровник..., с. 244 и далее.
7. Берса J. *Dubrovačke slike...*, с.126. Автор сообщает, что в домашнем архиве Мары Метовы Натали находятся "один русский рубль, который дубровникский посланник в Петербурге Франко Ксавер Ранина сохранил на память о той сумме, которую ему даровала царица Екатерина". Эту монету он показывал на домашних вечерах.
8. Фрейденберг М.М. Дубровник..., с. 246.
9. Об иностранных консулатах в Дубровнике см.: *Mitig I. Predstavnici stranih država u Dubrovniku za vrijeme Republike.* - In: *Pomorski zbornik*, knj.IV. Rijeka, 1966. Тут находятся и сведения о русском консульстве на территории Дубровникской республики.
10. *Ibid.*, с.392.
11. *Ibid.*, с.393
12. *Ibid.*
13. АВНР, 1792, д.1, л. 14-63. *Tableau de République de Raguse.*

14. Фрейденберг М.М. Русский консул в Дубровнике в конце XVI в. // Jugoslavenske zemlje i Rusija u XVIII veku. Beograd, 1986, с. 184-185.
15. Берса J. Dubrovačke slike..., в. 25.
16. Mitic I. Preostavnici..., в. 393.
17. Ibid.
18. И.Берса пишет (см. с. 92, прим. 5): "Лишенные религиозной свободы, жители греко-восточного вероисповедания должны были собираться тайно в каком-либо доме на Посате, куда к ним приходил на Рождество и на Пасху монах из Духи. Чтобы противостоять действиям французского консула, Россия попросила через своего консула Фонтону, прибывшего в Дубровник в 1803 г. (очевидно, дата не достоверна - Р.П.), разрешить построить для персонала консульства православную церковь".
19. Mitic I. Preostavnici..., в. 398.
20. Гагич пишет: "Я снабдил дипломом Ивана Црноевича, но не спрашивайте, как он попал ко мне в руки" (Berza J. Dubrovačke slike..., в. 73-74).
21. В 1989 г. исполнилось 800 лет Грамоте бана Кулина дубровчанам. Берса пишет о ней: "Барон Лоцелла, первый окружной начальник в Дубровнике, не имел понятия об исторической ценности государственного архива; друзьям, которые приезжали к нему издалека с целью навестить его, он не мешал по их желанию разстаскивать переписку с турецким правительством и зашифрованные письма дубровницкого посланника. Наверняка не сомневался в необыкновенной ценности грамоты боснийского бана Кулина (1189 г.) тот, кто продал ее русскому консулу Гагичу, а тот послал ее в Российскую Академию в Петербурге (Berza J. Dubrovačke slike..., в. 73-74). В связи с 800-летним юбилеем грамоты в Сараеве вышла книга: Osamsto godina povelje bosanskog bana Kulina 1189-1989. Sarajevo, 1989. С. 135.
22. Berza J. Dubrovačke slike..., в. 94.
23. Подробнее о нем см.: Ibid., в. 214-215.
24. Вероятно, правильно - Стаке.
25. Интересно, что Берса категорично утверждает, что Гагич находился в Дубровнике с 1824 по 1855 г. Выше сказано, что сам Гагич говорил, что прибыл в 1817 г. (Berza J. Dubrovačke slike..., в. 214-215).
26. Ibid., в. 215.
27. Подробнее см. обширную монографию: Тенић И. Босна и Херцеговина у руским изворима 1856-1878. Сарајево, 1988. Особенно см. главу I: Руски конзулати и конзули у Босни и Херцеговини и Дубровнику последних деценија османске владавине.
28. Подробнее о Н.К.Гирсе (1820-1895) см.: Советская историческая энциклопедия. М., 1963, т. 4. Из донесения К. Петковича ясно, что Гирс не был консулом в Дубровнике. Вопрос о том, был ли он некоторое время секретарем консульства, остается открытым, с учетом данных, которые приводит Берса.
29. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Ревеского. 40-80-е годы XIX века. М. 1975. Док. 396 - Донесение

- сение П.Н.Стремоухова из Дубровника от 23 января 1857 г.
30. Там же, док. 396 и 397.
31. Там же.
32. Тениш И. Босна..., с. 71. Это - Башино Село ок. соврем. Титова Велеса. Тенич говорит, что он македонец; в кн. "Зарубежные славяне...", с. 544, указано, что он болгарин; в действительности он был российским подданным.
33. Станковић М. Константин Петковић и Црна Гора. Скопје, 1987.
34. Ј.Берса (см. с. 129, прим. 5) пишет о Шатохине, который часто совершал прогулки с супругой английского консула Тайлора, сменившего Патона. Он отмечает красоту секретаря русского консульства и описывает молодую англичанку как обаятельную женщину.
35. Тениш И. Босна..., с. 75.
36. См. прим. 28.
37. Зарубежные славяне..., док. 329.
38. О Вацлике ср.: Začek V. S Janom Vaclikom u političkim i diplomatskim službama Crne Gore. // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. Sarajevo. 1985. XXXVI. с. 75-118.
39. Зарубежные славяне..., док. 329.
40. Petrović R. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću. Sarajevo-Zagreb (2 izd.), 1982.
41. Corović V. Luka Vučaković i Hercegovački ustanci od 1852 do 1862. Beograd, 1923. Pavicević B. Crna Gora u ratu 1862. Beograd, 1963. Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М. 1979. Ко-сиќ В.И. Деятельность рагузского консула К.Д.Петковича во время восстаний южной и юго-восточной Герцеговины конца 50-х - начала 60-х гг. XIX в. // Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850 - 1875 (medjunarodni naučni skup). Sarajevo, 1987. Тениш И. Босна... гл. III.
42. Зарубежные славяне..., док. 333.
43. Medjunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice Ustanaka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i istočnoj krizi 1875-1878. godine. Sarajevo, 1977, knj. 1-111.
44. Ustanak u Boki Kotorskoj 1869. Budva-Kotor, 1970.
45. Petrović R. Nacionalno pitanje...
46. Bersa J. Dubrovačke slike..., в. 137.
47. Ibid.
48. Тениш И. Босна..., с. 74-76.
49. Павичевић Б. Русија и босанско-херцеговачки уставник 1875-1878..., с. 62. Павичевич оценивает его как весьма находчивого дипломата.
50. Bersa J. Dubrovačke slike..., в. 88.
51. Ibid.
52. Petrović R. Nacionalno pitanje..., с. 192-193. Берса, когда пишет о сербах в Дубровнике (14 раздел), говорит, что их называли "греки", "греко-влахи", "греко-восточный элемент".
53. О сербах-католиках ср.: Milutinović K. O pokretu Srba katolika u Dalmaciji, Dubrovniku i Boki Kotorskoj 1848-1914.//Zbornik o Srbima u Hrvatskoj, I. 1989. в. 33-89.

54. Petrović R. Djeđovanje Dubrovačkog odbora za pomaganje hercegovačkih ustanka 1875-1878. godine. // Godišnjak DI BiH, X. Sarajevo. 1959. s. 241-243.
55. О русском присутствии в восстании смотри: Ćubrilović V. Bosanski ustanak 1875-1878. Beograd. 1930. Ekmedžić M. Ustanak u Bosni 1875-1878. Sarajevo, 1960 (1 izd.), 1973 (2 izd.).
56. Bersa J. Dubrovačke slike..., s. 268.
57. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. С. 405, прим. к док. 232.
58. Petrović R. Prvi diplomatski kontakti između Bosne i Hercegovine i kraljevine Italije (1861-1878). // Godišnjak DI BiH, XXXVIII. Sarajevo. 1987. S. 31-46. Итальянскую версию см.: I primi rapporti diplomatici tra la Bosnia - Erzegovina ed il regno d'Italia (1861-1878). // I rapporti politici e diplomatici. Atti del Congresso di Ancona. Jesi - Fabriano - Senigallia - S. Marino. Roma, 1988, s. 211-228.
59. Documenti diplomatici Italiani. Seconda serie. 1870-1896. Vol. VI (1.I.1875 - 24.III.1876). Roma. 1982. Dok. 604, s. 696.
60. То есть Веселитский-Бондарович
61. Petrović R. Djeđovanje...; I', с. 63.
62. Павлович Ђ. Русија..., I', с. 63.

В.М.ХЕВРОЛИНА

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА В БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1865-1874 гг.)

В своей балканской политике 2-й половины 60-х гг. Россия преследовала те же цели, что и в послекрымский период. Укрепление политического влияния на Балканах и отмена нейтралитации Черного моря были основными стратегическими задачами царизма в этот период. Но действовать приходилось в новой обстановке, ибо ситуация как в Европе, так и на Балканах быстро менялась и становилась более взрывоопасной.

Войны в Европе – австро-прусская и франко-прусская – оказали большое влияние на внешнюю политику России, которая от сближения с Францией в конце 50-начале 60-х гг. переходит к союзу с Пруссией. Усиление позиций Франции на Балканах и ее отказ поддержать усилия России по отмене нейтралитации Черного моря еще более подталкивали последнюю к союзу с Пруссией, которая пока активного участия в делах Востока не принимала, но в преддверии войны с Францией была заинтересована в поддержке России.

Во 2-й половине 60-х гг. Россия предприняла зондаж с целью добиться отмены унизительных для нее условий Парижского мира, но безрезультатно. "Время действовать еще не пришло" – разумировал российский канцлер А.М.Горчаков. В этих условиях Россия была вынуждена продолжать на Балканах прежнюю тактику – осторожность, стремление избегать конфликтов, которые могли бы втянуть ее в войну, усиление "нравственного" воздействия на балканские народы.

Эта программа правительства встречала возражения со стороны влиятельной группировки в обществе и правящих кругах, куда входили военный министр Д.А.Милютин, посол в Константинополе Н.П.Игнатьев, председатель Комитета министров Гагарин и др. Идеологом этой группировки был известный публицист М.Н.Катков. "Национальная партия", как называли эту группировку, не считаясь с экономическим положением страны и ее внутриполитической нестабильностью,

требовала проведения активной внешней политики на Балканах, перехода к решительным действиям, в особенности в период подъема национально-освободительного движения. Наличие разногласий в правящих кругах относительно характера балканской политики России хотя и касалось тактических вопросов, но в целом обусловило ее двойственность. С одной стороны, Россия поддерживала Балканский союз и его широкие планы антиосманской борьбы, с другой, призывала балканские народы к умеренности и осторожности.

Босния и Герцеговина были "на периферии" балканской политики России, не имевшей там непосредственных интересов. В этом плане Болгария и Сербия значили для России гораздо больше. Однако регион приобретал значение в связи с тем, что был объектом сосредоточения интересов, с одной стороны, Австрии, с другой - Черногории и Сербии. Все три государства стремились использовать в своих целях национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине. Особенно осложняло дело соперничество Сербии и Черногории из-за Герцеговины, что разъединяло силы югославян в борьбе против общего врага и затрудняло политику петербургского кабинета, которому приходилось помимо всего прочего предпринимать усилия для налаживания отношений между обоими княжествами.

Основными задачами политики России в Боснии и Герцеговине в этот период были укрепление своих позиций и влияния и противодействие австро-венгерским планам поглощения провинции. Россия была заинтересована в спокойствии Боснии и Герцеговины, чтобы избежать повода к австро-венгерскому вмешательству в ее дела, что повело бы к усилению австро-венгерского влияния, а затем и к оккупации. Поэтому российским консулам в Сараеве, Мостаре и Дубровнике были даны соответствующие инструкции.

Стремясь предотвратить выступления христинян, остававшихся бесправными политически и угнетенными экономически, российские дипломаты усиливают давление на Порту и местные власти с целью добиться улучшения положения христинян. Первый такой нажим был сделан в связи с эмиграцией в Рос-

оно руководителя восстаний в Герцеговине Л.Вукаловича. В 1865 г. ему было предоставлено политическое убежище в России. Как известно, воевода Зубцов не собирался оставаться в России надолго и намеревался вскоре вернуться на родину, чтобы поднять новое восстание. Однако эти его цели не отвечали политике правительства. Опубликованная во втором томе сборника "Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия" переписка по этому поводу между Горчаковым и Игнатьевым свидетельствует, что российские дипломаты опасались осложнений в связи с возможным возвращением Вукаловича, в том числе и обострения русско-турецких отношений¹. Порте дали заверения, что Россия приняла Вукаловича как частное лицо и не допустит враждебной Турции деятельности в своих пределах. Одновременно указывалось, что и от нее ожидается соответствующая политика, так как множество польских эмигрантов, нашедших приют в Турции, вели антирусскую деятельность и даже сражались против России с оружием в руках. Вместе с тем Горчаков поручал Игнатьеву убедить Порту в необходимости улучшить положение христиан Герцеговины, трижды восстававших за последние 15 лет, иначе ситуация, как он писал, "может либо вылиться в кровавые столкновения, к которым Европа может проявить небезразличие, либо вызвать прямое вмешательство великих держав"².

Вукаловичу было предложено составить особую записку о положении христиан и о беззакониях османских властей в Герцеговине, которая могла бы послужить основой демарша перед Портой. 1 сентября 1865 г. Вукалович подал такую записку на имя новороссийского и бессарабского губернатора П.Е.Коцебу³. По поручению Горчакова Игнатьев запросил консулов в Сараеве и Мостаре о положении христиан в Герцеговине и о возможных мерах по его улучшению. Посланник интересовался также отношением населения к Вукаловичу на случай его возвращения на родину и попыток поднять восстание. Ответы консулов подтвердили "полное плачевное моральное и материальное положение" христиан, которые "принуждены сносить всю тяжесть своего положения и оставаться в нем,

пока какая-нибудь посторонняя сила не извлечет их из него⁴. Однако консулы в то же время указывали, что Вукалович не пользуется прежним авторитетом и что антиосманское восстание сейчас маловероятно, в особенности после подавления восстания 1861–1862 гг. и неудачной черногорско-турецкой войны. Для улучшения положения христиан консулы предлагали добиваться таких мер, как наделение крестьян землей за счет казенных пустошей, разрешение христианам покупать землю наряду с мусульманами, разрешение им занимать государственные должности и вступать в военную службу, меры по расширению сети школ и пр. Все эти реформы в принципе могли быть осуществлены в рамках хатт-и хумаина 1856 г., уравнивающего христиан в правах с мусульманами, но этот хатт не реализовывался, и консулы приводили масоу свидетельств этому.

Подобные материалы, ярко рисующие бедственное положение христиан во владениях Порты, в особенности, православных, в больших количествах стекались в МИД. Как свидетельствовал Горчаков в 1867 г., "в продолжение многих лет императорский кабинет, опираясь на фактах и на достоверных сведениях наших агентов, самым положительным образом заявлял перед всем Европою несостоительность гатта и необходимость не изменений в нем, а принятия других оснований для действительного улучшения участия христиан и для предупреждения (или, по крайней мере), отдаления кровавых переворотов"⁵. Время от времени российский МИД пытался делать демарш Порте в защиту христиан, но они практически не имели никаких результатов.

Для Российской дипломатии уже давно было ясно, что никакое улучшение положение христиан в рамках существующей системы Османской империи невозможно. Не меняло дело и создание в 1856 г. Боснийского вилайета. Россия ждала удобного момента, чтобы выступить с новой инициативой в защиту христиан.

В середине 1866 г. международная обстановка осложнилась: началось восстание на Крите, Австрия потерпела поражение в войне с Пруссией. Новый подъем национально-освобо-

дательного движения на Балканах, переговоры балканских государств о создании Балканского союза и плане общебалканского восстания могли повести к распаду Османской империи. Судьба ее европейских провинций была небезразлична для России, которая опасалась, что Босния и Герцеговина могут попасть в руки Австро-Венгрии, тем более, что последняя утрачивала свои позиции и в Европе. Отчет МИД еще в 1865 г. отмечал усиление активности австро-венгерских агентов в провинции, стремление Австро-Венгрии сблизиться с турецкими славянами, высказывая предположение, что ее организованы некоторые антиосманские выступления христиан⁶. За несколько дней до начала австро-пруссской войны Игнатьев сообщил Горчакову полученные им от турецкого визиря Али-паши сведения о существовании плана, по которому Австро-Венгрия предполагала компенсировать потерю Венеции присоединением Боснии и Герцеговины. Турки были этим напуганы и стремились заручиться поддержкой России. Идея эта была не нова и выдвигалась еще в 1869 г. во время франко-итало-австро-венгерской войны. Русское правительство мало верило в ее реальность и тогда, и теперь, хотя Игнатьев предполагал, что в случае шлебисцита в Боснии Австро-Венгрия будет иметь успех. Он писал: "Эта держава так здорово подготовила почву в Боснии, так успешно распространяла там католическую веру, и в силу общности их материальных интересов располагает столь могущественными средствами влияния, в то же время положение христиан, населяющих эти края, столь плачевно, что впредь в пользу присоединения к Австро-Венгрии встретит единодушное одобрение масс"⁷.

Российский посол в этот период был горячим сторонником плана общебалканского восстания и поощрял бербскую пропаганду в Боснии. Он рассчитывал, что Сербия, воспользовавшись австро-пруссской войной, поднимет восстание христиан, а в этом случае план Австро-Венгрии относительно Боснии и Герцеговины не мог быть реализован. Однако, восстания не последовало, и Австро-Венгрия после поражения вновь вернулась к своему проекту. Канцлер Бойст в ноябре 1866 г. запросил мнение петербургского кабинета относительно возможности

увеличить территорию Австрии в случае распада Османской империи за счет ее западных провинций, "Я ясно увидел, что речь идет об Албании и Герцеговине" – писал царь Горчаков⁸. В своем ответе австрийскому послу в Петербурге Ф. Ревертере Горчаков выразил отрицательное отношение к проекту Бойста, заявив, что эти земли должны сделаться "автономными государствами в той форме, которая будет отвечать их нравам и обычаям". В январе 1867 г. Бойст повторил свое предложение, заявив, что Австрия согласна поддержать Россию в отмене ограничительных условий Парижского мира, причем речь шла уже не только о Герцеговине, но и о Боснии⁹. Однако Россия вновь ответила отказом. Исследовавшая историю австро-русских переговоров Л.И. Нарочницкая считает, что предложения Бойста не были уловкой, так как он просил поддержать его идею Наполеона III, ответившего отказом. Отказ же России объяснялся не только пониманием нереальности осуществления этой идеи в настоящий момент (ведь Англия и Франция не дали бы на нее своего согласия), но и желанием усилить позиции Австрии на Балканах за счет присоединения славянских земель. Газета "Московские ведомости" писала тогда: "Россия не может допустить какого-либо расширения австрийской территории за счет славянских земель: ни одной пяди, ни на каких условиях, ни за какое вознаграждение"¹⁰. В тот момент Россия была даже готова в случае ввода в Боснию и Герцеговину австрийских войск объявить ей войну и ввести войска в Галицию. В конце 1866 г. Горчаков писал послу в Берлине П.П. Убри, что Россия не станет воздерживаться, если Восточный вопрос получит развитие¹¹.

Административная автономия провинций, по мысли Горчакова, была бы наилучшим выходом, ибо она облегчила бы положение христиан, предотвратила их восстание, не допустила бы поглощения Боснии и Герцеговины Австроией и Сербией. Кроме того, идея автономии была вызвана и другой причиной. Еще в отчете МИД за 1866 г. Горчаков отмечал, что проводимая Россией политика успокоения славян испытывает затруднения и может привести к ослаблению ее авторитета и вытеснению ее другими державами¹². Идея административной автономии

мии должна была укрепить авторитет России среди балканских народов. Она в наибольшей степени отражала в тот момент интересы христиан Османской империи, а именно они, как писал "Русский вестник" в сентябре 1866 г., "явились единственной силой, на которую мы когда-либо можем рассчитывать при разрешении Восточного вопроса"¹³. Ослабление связи со славянами, писал далее журнал, низведет Россию до уровня второстепенной державы.

Критское восстание побудило Горчакова поставить вопрос об автономии всех христианских провинций Османской империи. Предварительно были собраны сведения об их положении. На основании этих данных Игнатьев направил осенью 1866 г. и зимой 1867 г. в МИД ряд записок, где делал вывод о кризисе Османской империи, неизбежности общего взрыва, и требовал вытивного выступления России в помощь балканским народам¹⁴. При подсчете их сил предполагалось, что Босния и Герцеговина дадут 15 тыс. повстанцев. Игнатьев преувеличивал готовность балканских народов к всеобщему восстанию, а также исходил из невмешательства западноевропейских держав, что было весьма проблематично. Поэтому его план как рискованный и нереальный был отвергнут Петербургом. Горчаков предпочел попытаться организовать коллективное воздействие держав на Порту с целью решения критского вопроса и улучшения положения христиан в Османской империи и весной 1867 г. направил державам циркуляр с проектом реформ в христианских провинциях, в основе которых лежала идея административной автономии. В связи с отказом держав в первую очередь Франции поддержать этот проект осенью 1867 г. Россия пыталась решить вопрос путем двусторонних русско-турецких переговоров, но также неудачно.

После 1867 г. наступает новый этап в политике России относительно балканских народов. Национально-освободительное движение на Балканах шло на спад, Критское восстание было подавлено, Балканский союз раздирался внутренними противоречиями, Европа ожидала франко-пруссской войны. Потерпев неудачу в попытке добиться административной автономии для Боснии и Герцеговины и других провинций, Россия

следует принципу невмешательства держав в дела Порты и ее подданных. Это было продиктовано опасениями, что Австро-Венгрия будет расширять свою экспансию на Балканах. Опасность австрийской аннексии Боснии и Герцеговины сохранилась и даже усилилась после создания двуединой империи. В апреле 1868 г. Игнатьев доносил Горчакову о концентрации на границе Боснии австрийского 10-тысячного корпуса, возможность ввода австрийских войск казалась ему настолько реальной, что он пытался воздействовать на Пруссию для предупреждения австрийского вторжения. Поэтому он по своей инициативе вел переговоры с Бисмарком и прусским послом в Константинополе Вертером¹⁵. Вероятность австрийской оккупации Боснии и Герцеговины обсуждалась весной 1868 г., во время русско-prusских переговоров о согласовании действий в случае франко-пруссской войны. Пруссия требовала от России выдвижения 100-тыс. армии к границам Австро-Венгрии для предотвращения выступления последней на стороне Франции. Россия ставила условием поддержку отмены нейтралитации Черного моря и военную демонстрацию на австрийской границе для предупреждения вторжения Австрии в Боснию и Герцеговину¹⁶. Последнее требование произвело неизрятное впечатление на Бисмарка, который именно на Балканах хотел направить австрийскую экспансию, но он заявил, что не возражает против диверсии со стороны Пруссии ради солидарности обеих сторон, хотя считает лучшим просто предупредить венский кабинет. В октябре 1868 г. Горчаков уже прямо заявил австрийскому послу в Петербурге, что интервенция Австрии в Боснию и в Герцеговине повлечет за собой интервенцию России в прилегающие к ней турецкие провинции¹⁷. Однако, понимая, что Россия не готова к войне, Горчаков наиболее целесообразным считал провозглашение принципа невмешательства держав в балканские дела.

Этим объясняется и позиция России в отношении притязаний Сербии на Боснию и Герцеговину, тем более что после убийства кн. Михаила в княжестве возобладали проавстрийские тенденции, а Балканский союз по существу распался. Когда в 1868 г. сербские регенты пожелали узнать отношение пе-

тербургского кабинета к их переговорам с канцлером Австро-Венгрии Андраши о возможности передачи Боснии и Герцеговины в сербское управление, то они получили резко отрицательный ответ¹⁸. Позднее, в 1870 г. регенты обратились к России с более скромной просьбой: подчинить Боснию и Герцеговину духовному главенству сербского митрополита. Регентам был дан совет не осложнять отношений с Турцией¹⁹.

Курс на сохранение статус-кво на Балканах сохранялся Россией и в начале 70-х гг. Известно неодобритальное отношение русской дипломатии к подготовке восстания в Герцеговине в 1872 г. В июле 1873 г. после известных событий в Градишке, когда консул Кудрявцев сообщил в МИД о намерении градишских христиан снарядить депутацию в Петербург и изложить царю их горестное положение, это предложение было отклонено под предлогом, что посылка депутатов только осложнит дало без всякой пользы для пострадавших²⁰. Таким образом, христианам уже отказывалось и в моральной поддержке.

Однако политика неизменности не принесла в итоге желаемых результатов. При все усиливающейся активности Австро-Венгрии в политической, экономической, церковной сферах роль России в Боснии и Герцеговине с начала 70-х гг. шла на убыль. Заключение Союза трех императоров только усилило этот процесс, хотя соглашением с Австро-Венгрией Россия стремилась сорвать планы своего противника. Пытаясь удержать Австро-Венгрию от более активных действий, Россия была вынуждена признать за ней право на влияние в пограничных ей славянских областях Турции. Германия же прямо поддерживала планы австро-венгерской экспансии на Балканах.

Осторожная политика России определяла деятельность российских консулов в Боснии и Герцеговине. Консулы осуществляли посредническую защиту единоверцев от притеснений османских властей и помещиков. Опорой консулов являлись трудовые слои населения – православное крестьянство, сельское духовенство, интеллигенция. Представляя реакционный самодержавный режим, консулы были вынуждены опира-

ться на трудовое население, действовать в известной степени под его влиянием, иногда даже вразрез с инструкциями собственного правительства. Связь с массами усиливала авторитет российских консулов, к которым обращались нередко католики и даже мусульмане, страдавшие от эксплуатации помещиков.

Консулы развернули и большую благотворительную деятельность в помощь церквам и школам. При их содействии были открыты училища и школы в Сараеве, Мостаре, Банялуке и др. местах. Эти действия снискали России признание со стороны местной национальной интеллигентии, с представителями которой консулы были в контакте. Ряд арестованных и сосланных учителей и священников был с помощью консулов освобожден, а некоторым удалось бежать, как, например, В. Пелагичу, который с помощью Игнатьева бежал из ссылки и был переправлен в Одессу.

На наш взгляд, именно деятельность консулов в значительной степени объясняется тот факт, что православное население сохраняло добрые чувства к России и веру в ее защиту, в то время как петербургское правительство постепенно сдавало свои позиции, уступая место Австро-Венгрии. Интересы России сосредоточивались в восточной части Балкан, где делалась ставка на Болгарию.

Политика невмешательства была вызвана в первую очередь целым комплексом причин – политических, экономических, военных, в итоге – отречением самодержавия сохранить свое существование, так как европейская война могла бы кончиться его поражением, и в итоге ограничением его власти. Вспомним, что даже победная война против Турции (а не Австро-Венгрии) вызвала мощное конституционное движение в России, усилила террор, жертвой которого стал сам император. Однако дипломатические акции России в защиту христиан также не были эффективны в силу противодействия держав. На волне подъема национально-освободительного движения Россия попыталась добиться автономии для христиан. Несмотря на неудачу, этот акт безусловно сыграл роль в укреплении ее авторитета

среди славян. Последнему процессу во многом способствовала и деятельность консулов на местах. В целом позиции России на Балканах, утраченные после Крымской войны, в 70-х гг. были восстановлены, а в Боснии и Герцеговине, с которыми до 1866 г. не было никаких связей, было приобретено довольно сильное влияние, особенно в 60-х гг. Не случайно восставшее в этой провинции в 1875 г. христианское население сохранило сильную веру в помощь России, неоднократно обращалось к российским государственным деятелям и дипломатам за поддержкой. Однако нежелание обострять отношения с Австро-Венгрией побуждало Россию в начальный период Восточного кризиса 70-х гг. сохранять политику невмешательства в события на Балканах, а затем, в 1876 г. согласиться на передачу Боснии и Герцеговины своему союзнику, сосредоточив главное внимание на Болгарии. Игнатьев еще пытался добиться автономии Боснии и Герцеговины, и ему удалось зафиксировать это в решениях Константинопольской конференции и тексте Сан-Стефанского мирного договора, но эта отчаянная попытка была заранее обречена на неудачу.

Примечания

- I Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. М. 1988, док. I.3, с.22.
- 2 Там же, док. I.4, с.25.
- 3 Хитрова Н.И. Письма Дуки Вукаловича // Славянское возрождение. Сб. статей и материалов. М. 1966, с.209-210.
- 4 Освободительная борьба..., док. I.6, с.27.
- 5 Там же, док. 54, с.95.
- 6 Там же, док. 25, с.42.
- 7 Там же, док. 35, с.60.
- 8 Там же, док. 42, с.71.
9. Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтралитации Черного моря, 1866-1871 гг. М. 1989, с.119.
- 10 Там же, с.130.
- II Там же, с.134.
- 12 Никитин С.А. Очерки по истории южных славян. М. 1970. с.149.
- 13 Щебальский П.К. Восточный вопрос и дипломатия. В:Русский вестник. М. 1866. Т.65. № 9. С.177-178.
- 14 Зуева Н.В. Руските дипломати на Балканите за положението на Османската империя и решаването на българския въпрос през 1866-1867 гг. В кн.: Българското възраждане и Русия. София. 1981, с. 452.

- 15 Освободительная борьба..., док.68, с.114-115.
16 Нарочинская Л.И. Указ.соч., с.145.
17 Там же, с.162.
18 Освободительная борьба..., док.78, с.136-138.
19 Там же, док.157, с.276.
20 Там же, док.199, с.346-347.

АВСТРИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

(По материалам советско-югославских публикаций документов: "Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1864", М., 1985; "Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875", М., 1988)

Один из интересующих меня аспектов относится к системе управления в Боснии и Герцеговине. Здесь я не буду останавливаться на жесткой критике турецкой администрации австрийскими дипломатами и печатью империи. Более важным является рассмотрение предложений дипломатов Вены по улучшению обстановки в этих землях. Именно в этой области весьма интересными предстают мысли и предложения сараевского консула К.Васича, высказанные им в июне 1860 г. в письме к министру иностранных дел И.Рехбергу.

По мнению Васича, главной задачей правительства Османской империи должно было бы стать такое урегулирование аграрных отношений, которое могло содействовать примирению между христианами и турками. Эта сентенция довольно банальна. Однако ее продолжение весьма интересно, когда автор говорит о необходимости подготовки почвы для "создания третьей группы населения, которая бы связала враждующие стороны". Судя по тексту донесения речь шла об общности тех турок и христиан, которые, преодолевая существовавшую конфессиональную рознь и вставая на почву ее в роде и земли (разрядка моя - В.К.), были бы в состоянии служить посредниками между противоборствующими сторонами. Но подобное, как понимал Васич, могло произойти лишь при коренном изменении всей системы управления. Выступая в этой области за реформы в системе налогообложения и землепользования, Васич, как впрочем и дипломат России, не верил в безоговорочную готовность турецкой стороны к их проведению в жизнь. Стремясь убедить - и довольно наивно - Рехберга повлиять на Порту, Васич писал: "Если Вашему правительству превосходительства удастся повернуть турецкое правительство на путь на-

ционально-экономических реформ и помочь ему удержаться на этом пути, то следствием этого будет скорее и прочное умиротворение этих провинций, и нет никакого сомнения в том, что это повлечет за собой их процветание в будущем. Процветание вышеназванных провинций и связанный с этим подъем торговли и промышленности в самой Австрии послужит доказательством правильности ее политики. "В этой длинной несколько цитате привлекает внимание фраза о помощи, являющаяся центральной. Она расшифровывается в замечании Васича о неспособности турецких чиновников решить проблему управления государственными землями и лесами. Ее решение он находил в приглашении "какого-либо управляющего государственными землями из соседней Хорватии или Венгрии"¹.

Конкретика предложений Васича ясна и не требует особых комментариев. Здесь следует лишь отметить мысль австрийского дипломата об "европеизме", проводником которого, без сомнения, должна была стать Вена с ее управляющими.

Политика "европеизма" прослеживается в сфере оказания поддержки христианскому населению. Причем с одновременной готовностью оказать помощь самой Османской империи. Об этом свидетельствует ситуация, возникшая в 1866 г. Тогда турецкие власти были обеспокоены появившимися предположениями о высадке отрядов Гарибальди в Далмации и "возможности соединения с ним Черногории и потом общего восстания в Герцеговине, а, может быть, и Сербии"². Предполагаемое развитие такой ситуации не отвечало интересам австрийской политики. Именно поэтому Австрия передала 20 т. карабинов для турецкого войска, спешно концентрировавшегося в Герцеговине для отражения прогнозируемого нападения гарибальдийцев³.

Это понятная тактика Вены не означала все же, что в Австрии не размышляли о планах включения Боснии и Герцеговины под свое управление. Их осуществление во многом было связано с Россией - этого своеобразного тарана по взламыванию Османской империи. В ноябре 1866 г. в Петербурге состоялась беседа А.М.Горчакова с австрийским послом Ф.Ревертерой в связи с конфиденциальным письмом австрийского министра иностранных дел Ф.Бойста. Во время этой встречи Горчаков

решительно отверг притязания Вены на Герцеговину в случае раздела империи⁴. В январе 1867 г. состоялась вторая встреча, на которой, как пишет Т.М.Исламов⁵, обсуждался тот же вопрос, но уже с упоминанием Боснии. Используя заинтересованность России в возврате владений, отторгнутых у нее по Парижскому договору 1856 г., Ревертера хотел получить согласие на присоединение Боснии и Герцеговины в обмен на свободу действий своего партнера в устье Дуная. Петербург же не шел на предлагаемую сделку. Отказ России может быть объяснен ее желанием не связывать заранее себе руки в случае войны с Османской империей и последующего раздела ее владений, т.е. в Петербурге рассчитывали добиться гораздо большего для себя, чем обещала сделка с Веной.

Указанные переговоры были лишь прелюдией к дипломатической игре между Австрией и Россией, развернувшейся к середине 70-х гг. на фоне национальных движений балканских народов и политики Сербии с ее претензиями на Боснию и Герцеговину. В условиях все большего превращения Сербии в детонатор на Балканах австрийский "европеизм" проявляется в своеобразном альянсе с властями той же Боснии. В 1872 г. глава австрийского МИД Дьюла Андраши горячо поддержал идею боснийского губернатора Ассим-паши о поселении примерно сотни католических семей этой провинции вблизи сербской границы. В своем письме к сараевскому консулу С.Теодоровичу Андраши подчеркивал, что "Порта безусловно заинтересована в том, чтобы население этой местности, до сего времени состоящее исключительно из лиц православного вероисповедания, которым к тому же приписывают нескрываемые симпатии к Сербии, смешалось с лояльными и надежными элементами". Именно поэтому он поручал Теодоровичу "заверить тех, кого сочтете нужным, в том, что императорское и королевское правительство сочтет своей непременной обязанностью поддержать столь полезный проект путем оказания вновь образуемым католическим общинам финансовой помощи, насколько это окажется в его возможностях, в деле строительства церквей и школ, а также в благотворительных целях"⁶. Недостаток документов не позволяет сколь-нибудь подробнее

остановиться на формировании этой, можно сказать, малой буферной зоны. Здесь представляется возможность сказать лишь, что католическое население в Боснии и Герцеговине было тем своеобразным щитом (как православное для России), имея который на вооружении, Австрия закреплялась в балканских владениях Османской империи. Это давно понятное положение приобретало дополнительную ценность во время национальных возмущений и войн. Однако в целом эта тема настолько сложна, что не может быть предметом подробного анализа. Я остановлюсь лишь на небольшом вопросе, который относится к несколько запутанной проблеме о поставках австрийцами боеприпасов христианскому населению в начальный период восстания в Боснии и Герцеговине.

Судя по донесениям некоторых русских дипломатов австрийские власти снабжали восставших амуницией и вдохновляли тем самым их на борьбу с турецкими боевыми частями и отрядами. Однако эта информация весьма скромна и противоречива. Если мостарский консул А.С.Ионин сообщал в январе 1858 г. в Константинополь и Петербург, что Австрия в начале восстания открыто снабжала порохом, свинцом и даже деньгами христиан⁷, то рагузский консул К.Д.Петкович писал в феврале того же года в МИД лишь об обещаниях австрийской стороны военной помощи восставшим.⁸ Далее, в записке русского генконсула М.Р.Милешевича в Белграде – отосланной в Петербург в июле 1858 г. – говорится о строящемся запрете австрийских властей продавать боснякам военные припасы⁹. Возникшее недоумение легко разрешимо, если иметь в виду, что политика Вены должна была показать восставшим, что успех их действий зависит от их согласия на покровительство и посредничество австрийского императора¹⁰. Одновременно, подобная тактика преследовала задачу по убеждению и укреплению доверия к венскому правительству среди славян самой австрийской империи и католического населения Боснии и Герцеговины. Говоря же в целом о подотрекательстве австрийскими властями восстания, следует согласиться с мнением российского посла в Вене А.Ф.Будберга, который опровергая А.Ф.Гильфердинга, писал Горчако-

ву в феврале 1858 г., что не знает "на каких данных основывается его мнение (Гильфердинга - В.К.), будто любое движение в Посавине есть следствие исключительно подстрекательства Австрии. Мне кажется, это восстание, которое, как всегда, выходит за рамки своей изначальной цели, в достаточной мере объясняется турецкими репрессиями"¹¹. Точка зрения Будберга разделялась Э.Реслером, австрийским консулом в том же Сараеве, где работал и пылкий в своих подозрениях Гильфердинг. В январе 1858 г. Реслер в своем письме послу в Константинополе Прокешу фон Остену подчеркивал, что причиной восстания являются "беззакония в налоговой системе", что без "основательной чистки этих августовых конишен невозможны никакие улучшения", что "главное и единственное зло следует искать в здешней системе управления"¹². Не имея возможностей для проведения реальной реформистской деятельности австрийский "европеизм" создавал для себя или стремился создать базу, используя различные формы покровительства для славянского населения.

Если касаться чисто дипломатической сферы деятельности австрийских консулов в Боснии и Герцеговине, то это были прежде всего прямые контакты с турецкой администрацией для представлений о беззакониях, насилиях, которым подвергалось население. В качестве примера можно привести случай о требинском мутиром Хаджи Хаки-бегом,мещенным в 1858 г. по представлению мостарского консула И.Дубравичча¹³. Эти традиционные приемы, широко используемые в международной практике, перемежались с другими, тесно связанными с выполнением более крупных задач. Характерным примером являются переговоры австрийских властей с членами посавинской депутации в 1858 г. в Вене. Австрийцы были готовы оказать им военную помощь для освобождения их края от турок в случае принятия ими австрийского подданства и распространения такового среди населения Посавины¹⁴. Но и здесь можно предположить, что в случае согласия, которого не удалось получить, в Вене не пошли бы на ввод в Посавину предлагавшегося ею 12-ти тысячного войска. И цель австрийской дипломатии состояла как и ранее в расширении своего влияния, своей базы путем увеличения числа подданных габсбур-

гской империи, соответственно, представления им определенных прав, значительно облегчавших их жизнедеятельность в Османской империи. Существовал еще один вид покровительства, часто применявшийся и Россией. Это – прием беженцев и перемена подданства. И здесь Австрия сделала очень много для спасения и облегчения участия христианского населения Боснии и Герцеговины, где, как я повторюсь вместе с другими историками и современниками, оно подвергалось репрессиям. Именно эти причины бегства в Австрию приводились в донесении сараевского консула Е.Р.Шулепникова от 12/24 апреля 1860 г. посланнику в Константинополь А.Б.Лобанову-Ростовскому. Русский дипломат писал о жителях Крайны, что "Не имея не только денег, но часто и куска хлеба, кроме того, притеоняемые как своими агами, так и каймакамами, мудирами и другими турецкими чиновниками, особенно при сборе податей, они решились искать в Австрии не только дневного пропитания, но и безопасности своей жизни"¹⁵. Австрия не только принимала беженцев (уже в 1858 г. туда перешло свыше 38 т. босняков, не считая женщин и детей)¹⁶, но и убеждала католиков, православных и мусульман через своих агентов обращаться за австрийскими паспортами в пограничные посты, "обещая им освобождение от всякой подчиненности турецким властям, платежа податей и повинностей"¹⁷. Конечно, эти обещания нельзя было понимать буквально, но такая форма покровительства привлекала христиан, которые, по словам сараевского консула А.Н.Кудрявцева, "видя..., что... турецкие райи, принявшие подданство, пользуются надлежащим защитой,... с удовольствием принимают паспорта, зная, что только этим путем и средством они избавятся от заклятых своих врагов"¹⁸.

В целом же все приведенные факты – на первый взгляд разрозненные – объединены австрийским "европеизмом" с его умно разработанной тактикой по освоению Боснии и Герцеговины.

Примечания

I Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850-1864. М., 1985, с.283-285.

- 2 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865-1875. М., 1988, с.54.
- 3 Там же, с.56.
- 4 Там же, с.71.
- 5 Международные отношения на Балканах 1856-1878 гг. М., 1986, с.26.
- 6 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865-1875. М., 1988, с.293-294.
- 7 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850-1864. М., 1985, с.108, II7.
- 8 Там же, с.136-137.
- 9 Там же, с.194.
- 10 Там же, с.136-137.
- 11 Там же, с.147-148.
- 12 Там же, с.125-126.
- 13 Там же, с.131.
- 14 Там же, с.183-184.
- 15 Там же, с.261.
- 16 Там же, с.194.
- 17 Там же, с.378.
- 18 Там же, с.451-452.

А.В.КАРАСЕВ

ПОДГОТОВКА СЕРБИИ К ВОЙНЕ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В 60-Х ГГ. XIX ВЕКА.

Перед балканскими народами, в том числе и перед Сербским княжеством, на протяжении всего XIX века, стояла задача создания и консолидации национального буржуазного государства. В области внешней политики перед Сербией стояла задача освобождения и объединения сербского народа и достижение независимости. Вторая половина XIX века характеризовалась подъемом национально-освободительной борьбы балканских народов, обусловленным как внутренними, так и внешними факторами.

В начале 60-х гг. XIX века князь Михаил и его премьер-министр И.Гарашанин резко активизировали внешнеполитическую деятельность княжества. И.Гарашанин как дальновидный сербский буржуазный государственный деятель отдавал себе отчет в том, что добиться освобождения и объединения всех сербских земель собственными силами в то время было невозможно. Еще в "Начертании" он указывал на необходимость объединения сил балканских народов в их борьбе против Османской империи. В 60-х гг. эти идеи получили дальнейшее развитие и конкретизацию. Сербское княжество выступило инициатором создания Балканского союза во главе с Сербией. Сербскому правительству удалось в 1866 - 1868 гг. заключить соглашения с Черногорией, Грецией, Румысией, велись переговоры с хорватской народной партией и с болгарами.

Подготовка Сербии к войне предполагала в первую очередь создание массовой армии. С 1832 г. в Сербии существовала незначительная регулярная армия, которая в начале 60-х годов насчитывала 3,5 тыс. человек и состояла из одного полка пехоты, двух артиллерийских батарей, двух эскадронов конницы и саперной роты.¹ Главная причина ограниченного контингента сербской регулярной армии заключалась в скром-

ных финансовых возможностях княжества. Другой причиной были ограничительные статьи конституции 1838 г., запрещавшие сербскому вассальному княжеству иметь большую регулярную армию. Из этого положения князь Михаил нашел выход, издав 17 августа 1861 г. закон о формировании так называемого народного войска.

Народное войско подразделялось на два класса. К первому приписывались призывники в возрасте от 20 до 35 лет. По количеству это составляло четвертую часть всех налогоплательщиков /налоги в Сербии взымались только с мужской части населения/. Ко второму классу /резерв/ приписывались призывники в возрасте от 35 до 50 лет. Численность народного войска в 60-е годы достигала 90 тыс. /50 тыс. первого класса и 40 тыс. - второго/ при населении страны около 1 млн. 250 тыс. человек.² Народное войско, как и регулярная армия, имело: пехоту, конницу, артиллерию и саперов. Оно формировалось по территориально-милиционному принципу. В пехоте призывники каждой общины составляли роту, призывники каждого среза /района/ формировали батальон, а округ образовывал полк. Конница состояла из формируемых на базе срезов рот и окружных эскадронов. Артиллеристы комплектовались из мужского населения городов Белграда и Крагуевацца.

Обучение народного войска происходило путем регулярных сборов, проводившихся, как правило, по воскресеньям и праздникам. Раз в год, по окончании полевых работ, предусматривались окружные маневры с участием полка, сформированного на базе округа. Обучением народного войска занимались в основном отслужившие в регулярной армии солдаты. Офицеров и имеющих специальное военное образование людей не хватало даже для комплектования штабов.³

Роль постоянной армии при такой системе формирования вооруженных сил сводилась в мирное время к участию в обучении народного войска, а в случае войны подразделения регулярной армии распределялись среди частей народного войска.

Князь Михаил и его приближенные считали, что народное войско – это единственный путь для такой аграрной страны с преимущественно крестьянским населением, какой была Сербия. Главный акцент делался на развитие народного войска. Регулярная же армия, вследствие своей малочисленности, продолжала играть вспомогательную роль. Народное войско было весьма экономичным и выгодным для государства. Солдаты должны были обеспечивать себя продовольствием, одеждой, первоначально даже оружием. Кроме того крестьяне, составлявшие основную массу народного войска, не отрывались от сельскохозяйственных работ и продолжали платить налоги. В сербских правящих кругах глубоко коренилось мнение, что сербский крестьянин – прирожденный воин и что его можно подготовить к боевым действиям посредством народного войска.⁴

Самой трудной проблемой было вооружение народного войска. Сербия не имела достаточного количества ружей и не могла производить их в достаточном количестве. А по австрийским сведениям в 1862 г. половина народного войска была лишенагодных к употреблению ружей.⁵ Сербское правительство обратилось к России. В 1862–1863 гг. Россия поставила Сербии 3000 нарезных, 36200 гладкоствольных ружей и 3000 сабель.⁶ После того, как в 1866 г. Австрия перестала чинить препятствия закупкам Сербией оружия за границей, сербскому правительству удалось в основном обеспечить ружьями народное войско, в том числе за счет поставок из России.⁷ Создание народного войска и расходы на вооружение привели к резкому увеличению военного бюджета княжества. Если в 1858 г. военные расходы Сербии составляли 3 690 504 гроша, то в 1867 и 1868 гг. соответственно – 8 046 534 и 7 839 638 грошей.⁸ Это составляло около 30% всех государственных расходов. Таким образом, за время правления Милоша и Михаила военные расходы возросли более чем в два раза, что послужило одной из главных причин заключения княжеством внешнего займа в России в 1867 г.⁹

Создание народного войска укрепило авторитет Сербии

на Балканах и в Европе. Несмотря на противоречивые оценки боеспособности сербской армии,¹⁰ Австрийская и Османская империи были вынуждены считаться с этим новым фактором на Балканах.

В 1867 г. по просьбе сербского правительства в княжество была направлена русская военная миссия в составе полковника генерального штаба профессора Леера, инженер-полковника Постельникова и гвардии капитана артиллерии И.А. Снесарева¹¹ для определения готовности сербской армии к войне. В своих докладах русские офицеры единодушно отмечали храбрость, усердие и патриотизм сербских солдат и офицеров, которые могли стать в будущем основой неплохой боеспособной армии. Одновременно русские офицеры указали на ряд недостатков в боевой подготовке и вооружении народного войска. Русские военные специалисты были единодушны в том, что предстояло еще многое сделать, чтобы Сербия была готова к предстоящей войне с Османской империей.

В соответствии со стратегическими планами сербского правительства для победы над Османской империей помимо военного выступления участников Балканского союза было необходимо и восстание христиан в пограничных областях Османской империи. Гарашанин придавал большое значение организации подобного восстания, он полагал, что такое массовое вооруженное выступление значительно облегчит союзникам их борьбу с Османской империей.

Еще в 1844 г. И.Гарашанин отмечал, что непременным условием, определяющим выбор соответствующих средств и методов действий правительства для достижения главной цели - освобождения и объединения сербского народа, - является постоянная и точная информация о положении "народов различных провинций, Сербию окружающих".¹² Для этого необходимо было послать в эти провинции надежных и верных сербскому правительству людей, которые должны были собирать сведения о Боснии, Герцеговине, Черногории, Северной Албании, а также о Славонии, Хорватии, Далмации и Воеводине. При этом, по мысли И.Гарашанина, главное внимание следова-

ло уделять выяснению общего политического положения, "тайных желаний и потребностей народа", состояния и расположения вооруженных сил, а также наличия оружия у народа и состояния его боевого духа; выявлению людей, пользующихся наибольшим влиянием и, наконец, определению отношения народа данной области к Сербии, "что он думает о ней, что он хочет от Сербии, что ожидает".¹³

В соответствии с "Начертанием" сербское правительство вскоре приступило к засылке своих агентов в соседние области Османской и Австрийской империй.¹⁴ Сербское правительство делало попытки установить контакты с местными жителями, в первую очередь с торговцами и священниками. В 1849 г. по указанию И. Гарашанина И. Маринович, М. Бан и Т. Ковачевич составили "программу политической пропаганды в землях славяно-турецких". Этот документ явился дальнейшим развитием идей "Начертания" о восстании угнетенных балканских народов под руководством Сербии. Главной целью пропаганды, организуемой и проводимой сербским правительством, была подготовка к "всеобщему и одновременному восстанию нашего народа" против гнета Османской империи. В соответствии с программой создавались специальные "агентства" в главных городах Боснии, Герцеговины, Албании, Македонии, Болгарии, Далмации и Военной границы.¹⁵

После отставки И. Гарашанина в 1853 г. активная деятельность Сербии на этом поприще прекратилась. Планы создания агентурной сети оказались нереализованными.

Новое оживление в деятельности сербского правительства в области политической пропаганды и создания сети тайных агентов началось после восстановления династии Обреновичей на сербском престоле. Новый важный этап в этой деятельности отличался большей организованностью и размахом. Самым важным И. Гарашаник считал создание хорошо организованной сети агентов в турецких областях из числа местных жителей, которые бы готовили народ к восстанию и в нужный момент по сигналу из центра могли его поднять и возглавить. "Если послать человека из Сербии,

писал И. Гарашанин Й. Марин вицу, - то в таком случае это расценивалось бы уже не как внутреннее дело угнетенного народа, а как эгоистические устремления Сербии. В этом случае предприятие не имело бы никакого смысла, а Сербия подвергалась бесполезной компроматации.¹⁶

Сербский министр предпринимал немало усилий для подготовки восстания в пограничных с княжеством областях. В 1862 г. был создан специальный комитет, задачей которого было руководство и координация всей деятельности по организации сербской пропаганды за пределами княжества и подготовка восстания. Комитет составляли: председатель - государственный советник Лазар Аросениевич-Баталака и два члена - полковник Ф. Зах - начальник артиллерийской школы и А. Николич, выполнявший обязанности секретаря.¹⁷

Деятельностью комитета непосредственно руководил сам И. Гарашанин. Ему передавались все донесения агентов, содержание которых сообщалось и князю Михаилу. Технической стороной дела ведал А. Николич. Он знал подлинные имена агентов и их псевдонимы, высыпал им деньги.¹⁸

И. Гарашанин и А. Николич внимательно следили за тем, чтобы акции сербских агентов не выходили за рамки намерений и планов правительства.¹⁹ В 1862 г. комитет составил план политической пропаганды, состоявший из двух частей: I - "Настоящее и будущее Балканского полуострова" и 2 - "Подготовка к народному восстанию во внутренних областях Европейской Турции".²⁰ В связи с обострением ситуации на Балканах /черногоро-турецкая война 1861-1862 гг., бомбардировка Белграда летом 1862 г./ сербское правительство опасалось, как бы не пришлось начать вооруженную борьбу в самое ближайшее время. Это вызвало появление ряда проектов организации восстания в пограничных турецких областях.²¹

В этих условиях возросло значение деятельности комитета по укреплению и расширению сети агентов в Европейской Турции. Центральный комитет в Белграде имел в своем подчинении семь главных комитетов и три вспомогательных

охватывающих всю территорию, на которой велась пропаганда. Как отмечал А. Николич, сербские агенты имелись в Боснии, Герцеговине, Далмации, Хорватии, Славонии, Болгарии, Македонии и в Румынии, Главные комитеты имели подкомитеты со специальными агентами.

Деятельность сербского правительства по подготовке восстания заметно активизировалась в период создания Балканского союза. Правительство стремилось иметь своих агентов не только в турецких областях, но и у своих союзников, дабы получать своевременную информацию об их намерениях. Не доверяя черногорскому князю Николаю, И. Гарашанин стремился иметь своих людей в Черногории и Герцеговине. Летом 1867 г. сербское правительство направило в Черногорию по просьбе князя Николая М. Пирочанца. Последний, будучи секретарем черногорского князя, одновременно являлся доверенным лицом сербского правительства.²² Главная задача Пирочанца состояла в том, чтобы убедить князя Николая придерживаться такого курса в политике, который отвечал бы интересам Сербии.²³ После того, как все сторонники просербской ориентации /помимо Пирочанца к ним можно отнести княгиню Даринку и архимандрита Н. Дучича/ вынуждены были покинуть Цетинье, Н. Дучич поселился в Дубровнике и выполнял обязанности доверенного лица И. Гарашанина.²⁴

Главными сербскими агентами в Герцеговине были архимандрит Серафим Перович и его брат - учитель в Мостаре - Йован. И. Гарашанин стремился с их помощью готовить восстание в Герцеговине.²⁵

В Боснии агентом сербского правительства в 60-х гг. был торговец Стева Богданович, проживавший в г. Славонски Брод. Он установил связь с целым рядом доверенных лиц в Сараево и в других городах Боснии. В конце 1866 г. по указанию И. Гарашанина в Сараево был образован Главный сараевский комитет, который возглавлял начальник сербского реального училища священник Б. Петранович, а членами были учитель Сава Косанович и два торговца.²⁶ По словам А. Николича в Боснии дело дошло до формирования повстанческих

чет.²⁷ Главный комитет соизирал и передавал сербскому правительству сведения о расположении турецких войск в Боснии, о существующих складах оружия и боеприпасов, а также статистические сведения о православном, мусульманском и католическом населении. Однако в целом деятельность этих комитетов отличалась пассивностью, значительной роли в подготовке к восстанию они не сыграли. В 1867 г. из-за разногласий в Главном комитете И.Гарашанин распустил его, однако деятельность сербских агентов в Боснии продолжалась.

28

Как известно, И.Гарашанин стремился достичь соглашения с представителями народной партии в Хорватии. В результате договоренности между Й.Штросмайером и И. Гарашаниным в мае 1867 г. в Загребе был организован Главный комитет для подготовки восстания в Боснии. Й.Штросмайер и другие деятели хорватской народной партии оказывали содействие сербскому правительству в привлечении католических священников в Боснию для подготовки восстания.²⁹

Стремясь заручиться поддержкой как можно более широких слоев населения в Боснии, И.Гарашанини хотел достичь соглашения и с боснийскими феодалами-мусульманами. Такого рода переговоры велись во второй половине 60-х годов, но без видимого успеха.³⁰

Большое внимание в планах организации восстания в Боснии сербские государственные деятели уделяли сербам-границарам с австрийской Военной границы. Привлечение граничар к созданию тайной сети сербских агентов шло через А.Орешковича и Д. Ковачевича - бывших офицеров Военной границы, бежавших в Сербию.

И.Гарашанин стремился привлечь к "всеобщему восстанию" и население Албании, в первую очередь православных албанцев и албанцев-католиков. Албания занимала стратегически важное положение на Балканах и являлась поставщиком иррегулярных войск /балибузуков/ для турецкой армии. Сербские государственные деятели полагали, что антитурецкое восстание первыми должны были начать именно албанцы.³¹ Эту точку зрения разделял и посол России в Константинополе

Н.П. Игнатьев.³² В Албании с ее отсталой общественной структурой можно было рассчитывать на успех только с помощью местных вождей. Один из них, Джелал паша, недовольный усилением турецкой администрации и ростом налогов, стал подумывать об освобождении Албании от османской власти. Джелал паша вступил в переговоры с Игнатьевым через албанского торговца русского подданного Наума Сидо в 1866 г. Русский посол заверил пашу, что Россия окажет ему содействие, но при этом настоятельно рекомендовал ничего не предпринимать в одиночку, советуя действовать в контакте с Сербией.³³ Вскоре Наум Сидо отправился в Белград, где изложил И. Гарашанину план организации восстания в Албании.³⁴ Но поскольку сербское правительство еще не приняло окончательного решения о сроке начала восстания, то было решено повременить. Получив богатые дары от князя Михаила, паша согласился ждать.³⁵

В 1867-1868 гг. сербское правительство в контакте с Н.П. Игнатьевым пыталось установить связи с различными албанскими феодалами, но без успеха. Посланный в апреле 1867 г. в Албанию С. Везенкович своими действиями вызвал подозрения турецких властей и вынужден был ретироваться в Сербию.³⁶

Таким образом можно констатировать, что в 1866-1867 гг. наряду с созданием Балканского союза наблюдалось значительное повышение активности сербского правительства по подготовке восстания среди балканских народов.

А. Николич в своем описании деятельности сербского правительства на поприще политической пропаганды в пограничных с княжеством областях Османской империи не раз подчеркивал, что в 1867 г. все было готово к началу восстания. Однако разные обстоятельства вынуждали сербское правительство вновь и вновь откладывать начало восстания. Каждый год повторялись одни и те же заверения: как только настанет весна и лес покроется листвой, мы начнем... Но весны проходили, а восстание не начиналось. Это естественно вызывало разочарование у главных организаторов секретной

агентуры - И.Гарашанина и его первого помощника А.Николича. Центральный белградский комитет вынужден был рассыпать своим агентам депеши, в которых объяснял, почему восстание не состоялось в 1866 и 1867 гг., заверяя всякий раз, что выступление против Турции состоится в ближайшее время.³⁷

Практический результат деятельности агентов И.Гарашанина состоял в сборе информации о положении дел в Европейской Турции и распространении там влияния сербского правительства. Однако сфера деятельности и влияние малочисленных агентов были очень ограниченными. После отставки И.Гарашанина с поста премьер-министра князем Михаилом в конце 1867 г., активная деятельность княжества по подготовке к вооруженному выступлению против Османской империи прекратилась.

Ошибочным было представление сербских государственных деятелей о том, что в любом районе Европейской Турции можно вызвать восстание в нужный момент, благоприятный с точки зрения международной обстановки в Европе, используя для организации восстания своих доверенных лиц. Они заблуждались, полагая, что все условия для такого восстания давно созрели и надо только бросить клич. Сербские политики недоучитывали тот факт, что у крестьянского населения Боснии, Герцеговины и других сопредельных с Сербией областей Османской империи на первом месте стояли социальные противоречия, усугубленные непомерным гнетом феодальной Османской империи. Официальная сербская политика приводила к непреодолимому противоречию между внешне прогрессивной формой реализации внешнеполитического курса Сербии и его весьма консервативным вилическим внутренним содержанием. Для И. Гарашанина и его соратников подготовка восстания в Европейской Турции всегда была вспомогательным средством в реализации сербской внешнеполитической программы. Они хотели организовать такое движение, которое с самого начала было бы ограничено строгими рамками и не выходило из-под их контроля. Это заранее обрекало подобную акцию на неудачу.

Сласть сербских вооруженных сил и незначительный

отклик на сербскую политическую пропаганду в сопредельных с княжеством территориях сыграли не последнюю роль в решении князя Михаила отказаться от военного выступления против Османской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Јовановић Сл. Друга влада Милоша и Михаила. Београд 1933, с. 278. Вооруженные силы Румелии, Сербии, Черногории, Египта и Греции. Спб., 1878 г., с. 52, 54.
2. История Югославии. т. I, М., 1969, с. 483. Јовановић Сл. Друга влада... с. 287.
3. Јовановић Сл. Друга влада... с. 281.
4. Јовановић Сл. Друга влада... с. 291-292.
5. Јовановић Сл. Друга влада... с. 281.
6. АВПР ф. Политотдел, 1862, д. №4, лл. 62, 104.
7. Карасев А.В. Из истории русско-сербских отношений 60-х гг. XIX в. - Советское славяноведение, 1978, №2.
8. Јовановић Сл. Друга влада... с. 295.
9. Неделковић М. Историја српских државних дугова. Београд 1909. Карасев А.В. Из истории русско-сербских отношений в 60-х гг. XIX в. - Советское славяноведение, 1978, №2. с. 155.
10. Јовановић Сл. Друга влада... с. 286-288.
11. Никитин С.А. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-е годы XIX в. В кн.: Славянский сборник. М., 1947, с. 285.
12. Писма И.Гарашанина Ј. Мариновићу. Кн.. 2. Београд, 1931, с. 355-356.
13. Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. с. 356.
14. Странаковић Д. Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије. Б., 1956, с. 9-12.
15. Историја српског народа. Књ. У-І. Београд, 1981, с. 276.
16. И. Гарашанин - Ј. Мариновићу. 6/18 мая 1861 г. Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. Кн. 2. док №176, с. 88-89.
17. Такшић Г., Вучковић В. Спопљна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963, с. 130.
18. Николић А. Опис радње по предмету општег споразумљења за устанак и уједињење. В кн.: Мешовита грађа. Кн . УІІ. Београд, 1979, с. 164.
19. Николић А. Опис радње... с. 164.
20. Такшић Г., Вучковић В., Спопљна политика Србије... с. 130.
21. Вучковић В. Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије. 1869-1874. Београд, 1965. док. №47, док. №50.
22. Николић А. Опис радње... с. 184.
23. Николић А. Опис радње... с. 184.
24. Биографија Н.Дучића. В кн.: Годишњак СКА УІІ, Београд, 1895; Свечани помен просветном добротвору поклоњен Никифору Дучићу, архимандриту и академику. 22 априла 1901 г. Београд, 1901.
25. В.С.Ионин - Н.Н.Стремоухову. 18 ноября 1865 г. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия.

- 1860-1875. М., Наука. 1960 г. док. №20.
26. Николић А. Опис радње... с. 191.
27. Николић А. Опис радње... с. 192-194.
28. Николић А. Опис радње... с. 192.
29. Николић А. Опис радње... с. 292. Сербия и раньше сотрудничала с католическими священниками в Боснии и Герцеговине. См.: Кецимацовић И. Иво Фрањо Јукић. Београд, 1963.
30. Николић А. Опис радње... с. 194.
31. Јакшић К., Вучковић В. Спомна политика Србије... с. 414.
32. АВИР ф. СПб ГА УА₂ д. 534, л. 27.
33. Јакшић Г., Вучковић В. Спомна политика Србије... с. 241
АВИР ф. Политотдел, д. I, л. I-3.
34. Јакшић Г., Вучковић В. Спомна политика Србије... с. 244.
35. Јашић Г., Вучковић В. Спомна политика Србије... с. 245-246.
36. Николић А. Опис радње... с. 187.
37. В. Војводић Предговор. Атанасије Николић. Опис радње по предмету општег споразумљена за устанак и сједињење. В кн.: Мешовита грађа. Књ. 7. Београд. 1979. с. 165-166.

БОХИДАР МАДЖАР

ТУРЕЦКИЕ РЕФОРМЫ И РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУТОВ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В 1850–1870 ГГ.

Последние три десятилетия турецкого правления в Боснии и Герцеговине характеризуются крупными общественными и экономическими переменами, обусловившими более быстрое развитие и создание нового облика культурной жизни народа. Прежде всего здесь имеется в виду ускорение роста и усиление роли православных церковно-школьных общин, развитие конфессиональных школ, появление первых газет и типографий, некоторых видов объединений и др. Обо всех этих вопросах существует богатая литература, так что мой очерк может быть лишь кратким обзором развития культурных институтов, сделанным на основе многих научных монографий, таких как: Bogićević V. Razvitak osnovnih škola u Bosni i Hercegovini; Papić M. Hrvatsko školstvo u Bosni i Hercegovini do 1918; Krusevac T. Bosansko-hercegovacki listovi u XIX vijeku; Pejanović Dj. Stampa u Bosni i Hercegovini 1850–1941; Kresevljaković H. Od Sopronove do islamske stamparije; Madzar B. Borba Srba i Hercegovine za crkveno-sakolsku samoupravu и др. По данной теме сохранились и богатые архивные источники, особенно оставшиеся от иностранных консульств в Боснии и Герцеговине. Кроме того обозначенное выше движение нашло отражение в периодической печати соседних земель, главным образом Сербии и Воеводине.

Реформаторское движение в Турции, начавшееся с изданного султаном Абдул-Меджидом в 1839 г. Фирмана, именуемого Гульханейским ханти-и периферии, оказало влияние и на условия жизни Боснии и Герцеговине, хотя в этой периферийной провинции империи все перемены в направлении модернизации государственного управления наталкивались на противодействие или проводились непоследовательно. Тем не менее провозглашение защиты чести, жизни и имущества, а также равноправия всех подданных без различия веры и класса,

предвещало установление новых общественных и политических отношений¹. Хатт-и шериф улучшил до некоторой степени положение христиан, ввел религиозные свободы, преобразовал государственное управление. Однако и эти меры в Боснии и Герцеговине центральные власти не смогли провести без военной интервенции, которую в 1850 г. предпринял Омер-паша Датас². Он сокрушил сопротивление мусульманской знати, но не оправдал ожиданий христиан, более того, при подавлении восстания показал себя самым жестоким завоевателем.

Под давлением международной общественности, что через консультских представителей некоторых европейских стран чувствовалось и в Боснии, в 1856 г. дело дошло до издания нового султанского фирмана, названного хатт-и хумайуном, который подтверждал и расширял основные положения хатт-и шерифа 1839 г. Главной целью нового фирмана провозглашалось обеспечение христианам больших свобод, прав в религиозной жизни, имущественных прав, участия в ведении государственных дел, а также признания законными их свидетельства в судах и т. п.³ Несмотря на сопротивление местного населения, бессильие управленческого аппарата, насильственные захваты повстанцами местных и провинциальных органов власти, все же положение христианского населения в Боснии и Герцеговине значительно улучшилось, как в политическом, так и в экономическом отношениях.

Установлением более либерального режима прежде всего воспользовались торговцы, особенно сербские, поскольку положение на селе существенно не менялось⁴. Русский консул Гильфердинг замечал, что между крестьянином и торговцем в Боснии такое же противостояние, как у нас между помещиком и крестьянином. Опираясь на пашу и на митрополита торговцы имеют власть во всем, что касается православного населения⁵. Далее он говорит, что торговые люди могут быть довольны своим положением, т. к. жизнь и имущество их обеспечены.

Такие относительно благоприятные условия для торгового слоя привели к быстрому обогащению отдельных сербских тор-

говцев в городах, особенно в Сараеве, Ливне, Моостаре и некоторых других местах. Несколько купцов открывают свои филиалы в Триесте, Вене и Лейпциге, что содействовало не только их экономическому росту, но и подъему культурного уровня и проникновению современных идей в Боснию.

Несмотря на свою малочисленность, этот слой торговцев и преуспевающих ремесленников имел решающее влияние на развитие общественной и культурной жизни в Боснии и Герцеговине. В конце турецкого управления насчитывалось едва ли 5 % торговцев, около 400 священников, в огромном большинстве покорных властям, и около сотни учителей, но все-таки это была сила, которая стала носителем идей общенациональной жизни сербов. Если исключить краткий период работы Семинарии Пелагича, школьные учителя и священники приезжали со стороны и действовали не только как просветители и пасторы, но и как национальные деятели на службе сербской национальной идеи.⁶

Наряду с 207 православными церквами, 10 монастырями, 56 начальными школами (именно столько их насчитывалось в конце турецкого периода) важную роль в национальной и культурной жизни сербов сыграли церковно-школьные общины – единственная форма организации их общественной и политической жизни. Они возникали и до 1850 г., имея главной своей задачей заботу о поддержании церквей, кладбищ, о содержании священников и там, где существовали православные школы, о подборе и содержании учителей. Особый толчок развитию церковно-школьных общин дал церковный закон (статут) Константинопольской патриархии, принятый в 1862 г., когда православная церковь в Боснии и Герцеговине, которая находилась под юрисдикцией этой Патриархии, также получила известную автономию от турецких властей. С тех пор светские (мирские) элементы, в отличие от католической церкви, имели все большее влияние на церковную жизнь⁷. До конца турецкого управления в Боснии и Герцеговине каждый церковный приход, а их было 387, имел церковную или церковно-школьную общину. Однако, большое общественное значение имели

общин только в городах, где сербская буржуазия, благодаря своей материальной помощи, осуществляла всестороннее влияние на эти общины, тогда как в селах во главе общин стояли священники и круг их забот ограничивался только церковью или школой. Городские церковно-школьные общины, особенно в Сараеве, Мостаре, Ливно, Банялуке и некоторых других городах, постепенно расширяют поле своей деятельности и становятся важными политическими центрами, где народ обсуждает свои насущные вопросы, и это часто приводило эти общины к столкновению с турецкими властями, особенно во время восстаний. Соответственно росту, благодаря повторявшимся торговцам, материальной базы церковно-школьных общин, крепла и их автономия, и в церковной, и в школьной областях. Кроме того, в Сараеве в 1851 г. был основан школьный фонд, а позднее подобные фонды появились в Мостаре и в некоторых других местах⁸. Порта признала автономию церковно-школьных общин и не вмешивалась в их деятельность, что не мешало ей, однако, выгонять учителей из школ за национальную пропаганду. Позднее Австро-Венгрия оспорит эти священные права сербов, что сразу после оккупации приведет к столкновению между ними⁹.

О развитии сербских конфессиональных школ написана специальная работа; из средних же учебных заведений нам известна Семинария Пелагича в Банялуке, основанная в 1866 г.¹⁰

К 1869 г., когда Пелагича арестовали, в школе, по его данным, было более 60 учащихся, собранных для обучения почти со всего вилайета¹¹. Сам Пелагич утверждал, что его школа – первая средняя школа в вилайете, между тем Вл. Скарич свидетельствует, что в Сараеве уже в 1855 г. церковно-школьная община основала среднюю школу под названием Большая гражданская школа, которая с 1864 г. называлась Ревальной или Торговой школой¹². Маурер хвалит учителя Петрововича и приводит данные о том, что французское правительство через своего консула оказывало помощь этой школе в размере 300 дукатов ежегодно¹³.

Согласно другим сведениям эта школа в Сараеве была открыта раньше, ее первым учителем был Александр Шушкалович, и здесь как обязательный предмет преподавался немецкий язык¹⁴. Очевидно, эта школа появилась из практических потребностей, т.к. развитие торговли с Веной, Триестом и другими областями требовало знания и немецкого, и итальянского, да и французского языков. Была ли это в подлинном смысле средняя школа, является большим вопросом, но все-таки она была первой школой такого ранга в Боснии и Герцеговине. Джордже Пеянович сообщает, что школу "посещали дети мужского пола без различия веры" и что наряду с Церковно-школьной общиной ее содержали, вернее, она получала средства "от сербского, французского и русского правительства, от правящей русской фамилии, от русского Славянского благотворительного общества, от Правительствующего совета и сербского князя, а также от имущих торговцев и отдельных лиц из Боснии и Герцеговины"¹⁵. Школа дожила до конца турецкого правления, но никогда не развилаась в гимназию, хотя в этом плане была проявлена инициатива. В 1862 г. житель Сараева Ристо Тузлич завещал 20 000 форинтов, с условием употребить их "на основание в Сараеве в Боснии гимназии"¹⁶. Требование основать гимназию выдвинул и архимандрит Сава Косанович в письме Стояну Новаковичу в 1875 г., но это было уже поздно.

Известно, кто оказывал помощь Пелагичу в деле основания Семинарии в Банялуке, но здесь стоит также напомнить замысел 1860 г. митрополита Дионисия и русского консула Шулепникова построить вблизи Сараева монастырь и духовную школу для образования православных священников, о чем консул известил Ковалевского и попроил помочь русского правительства¹⁷. Таким способом хотели воспрепятствовать католической пропаганде, грозившей обращением православных в католиков. В то время, согласно этому же донесению, католическая церковь имела 'образованных священников и большое училище в Травнике, рассчитанное до 100 учащихся от 17 до 25 лет. На пост директора будущей православной духовной

школы был приглашен ученый священник из России.

Развитие школьного дела у хорватов в Боснии и Герцеговине шло несколько другим, чем у сербов, путем. С конца XIII века, когда католики пришли в Боснию и Герцеговину, и до конца турецкого управления, почти вся духовная жизнь католиков в Боснии и Герцеговине связана с деятельностью францисканцев. Обучение грамоте, организация начальных и средних школ, книжное дело, учреждение газет, собирание народного богатства и даже развитие современных политических идей неотделимы от боснийских францисканцев. Эта культурная и просветительская работа проводилась в основном на базе францисканских монастырей Фойница, Крешево, Кралева Сутеска, Сараево, Толиса, Мостар и других, но во всем этом особенно большую заслугу имеет несколько образованных францисканцев, а именно: Иван Франко Юкич, Мартин Недич, фра Грго Мартич, Дон Франко Миличевич и другие¹⁸. Другой характерной чертой развития культурной жизни хорватов в Боснии и Герцеговине является постоянный интерес и помочь соседних католических стран, Римской курии и непосредственно иностранных консульских представителей в Боснии и Герцеговине: Австрии с 1850, Франции с 1852, Англии с 1857, затем с 1864 г. Пруссии и несколько позднее Италии. Особенность католических начальных школ составляло то, что за малым исключением ими руководили духовные лица — франциканцы или святые сестры, тогда как у сербов с самого начала в эту работу были включены и профессиональные учителя.

Хотя хорватское население того времени, о котором идет речь, являлось третьим по счету поколением в Боснии и Герцеговине, все же и среди хорватов довольно большое число торговцев в городах Сараеве, Травнике, Ливне и других процветало после проведения реформ, что создало возможность открывать начальные школы и вне монастырей. Первая начальная католическая школа с собственным зданием, квалифицированным учителем, учебным планом и программой, распорядком работы и т.д. появилась не в Сараеве, а на периферии Бос-

нии и Герцеговины в Толисе, срез Градачац, в 1823 г.¹⁹ Этот факт можно определить как начало хорватского начального образования, однако, его развитиешло только после изменения отношения турецкого режима к христианскому населению в 40–50-е гг. Организатор и идеолог начального школьного образования Иван Франьо Јкич в 1847 г. написал учебник "Početak pišmenstva i naromena nauka krestijansko-ga na službu ručkih učionica u Bosni", . . . В предисловии к которому говорится: "Нет выше требований на этом свете к науке: знать читать и писать... Не жалей, следовательно, труда, учитель любимый богом"²⁰. В эти годы открылось несколько начальных школ, в основном в монастырях Фойница, Крешево, Травник, Ливно и Варцев Вакуф (Мрконич Град). Сам Јкич был учителем в Вардар Вакуфе, и в его школу ходили и дети православного вероисповедания, а также 12 девочек²¹. В ту эпоху было редкостью, чтобы православные доверяли своих детей католическому священнику, тем более, среди них было три женатых дьякона, которые также готовились стать священниками.

Согласно монографии учителя Стипы Марковича под названием "Hrvatske katoličke škole i učitelji u Livnu za turske uprave". В Ливно начальная школа для детей католического вероисповедания была основана в 1848 г.²² До оккупации 1878 г. в этой школе работало 16 францисканцев и 6 мирян. Јкич был первым среди интеллектуальных людей Боснии, который в 1850 г. решил написать обращение к султану Абдул Меджиду и показать многие беды христианского населения. Јкич обосновывал необходимость основать типографию и развивать школьное дело, "чтобы свободно каждая община могла открыть школу, пригласить нужных учителей из других стран и чтобы это оплачивалось из государственной казны"²³. Далее он требовал, чтобы ученики из Боснии посыпались для обучения в другие страны, т.к. "учителя и хорошие школы всюду и всегда были нужны, без науки нет счастья, нет благосостояния". Турецкие власти ничего не предпринимали, чтобы за свой счет строить школы, даже му-

султанские, однако после обнародования хатт-и хумайуна не запрещали христианам основывать школы за их счет. Туриецкий Школьный закон, объявленный в 1869 г., затем "Руководство для учреждения руждие и начальных школ в Боснийском вилайете и для развития общего просвещения", так же как и "Талимат", изданный в 1875 г. ничего по существу не изменили в состоянии начального образования. Вплоть до конца своего управления Турция кроме обещаний не сделала почти ничего, чтобы тут, на пороге развитой Европы, показать, что она за 400 лет своего владычества хоть что-то предприняла для просвещения народа²⁴.

Хотя Щипичу его меморандум султану стоил ссылки в Малую Азию, все-таки его старания способствовали развитию начальных школ для хорватов в Боснии и Герцеговине. В конце 1853 г. в Боснии на 120 000 католиков было 8 школ, а именно: в Фойнице, Сутеске, Доце, Ливно, Яице, Вардаре, Улицах и Горни Скопле, и требовалось открыть еще 9²⁵. В донесении францисканца из провинции Куондрича, направленном в тот же год австрийскому генеральному консулу Атанацковичу, сообщается, что в Боснии работает 11 католических начальных школ и что нужно открыть еще 20²⁶. Это явно завышенное число планируемых школ приведено для того, чтобы получить как можно больше субсидий от венского правительства, которое, вообще говоря, регулярно помогало этим школам в Боснии и Герцеговине, и помогало вполне достаточно, чтобы они могли нормально работать.

Значительным толчком к развитию и организационному усилению этих школ послужило заседание (капитул) францисканского старейшина в 1854 г. в Крешеве, на котором в II пунктах изложены задачи (постановления-статуты) школьного дела для католического населения. Папич так оценивает это постановление: "...во всем нашем школьном деле в Боснии и Герцеговине это - первый документ, который, несмотря на краткость текста, охватывает все существенные вопросы тогдашней школы"²⁷. Главную речь на этом собрании держал фра Граго Мартич, после Щипича несомненно самый образованный

Францисканец.

Первая хорватская начальная (народная) школа в Герцеговине была построена в Мостаре в 1852 г., затем подобные – в 1853 г. в Горице, 1860 г. в селе Веляки. Позднее упоминаются школы в Широки брдеге, и Дувне в 1866 г., Посуше, Градницах и Хумце (Любушке) в 1867 г., в Стоце в 1870 г. и перед восстанием 1875 г. в Габеле²⁸. Из донесений, которые епископ Бариич слал австро-венгерскому консульству, турецких официальных донесений (салнаме) и других источников видно, что деятельность этих школ не удавалось наладить, причиной чего являлись бедность населения Герцеговины, нехватка учителей и т.п. Развитие начального обучения у хорватов в Герцеговине происходило несколько иначе, чем в Боснии. И тут францисканцы имели наибольшую долю участия, но из-за столкновений между герцеговинскими и боснийскими францисканцами, так называемая Бариичева афера, через долгий ряд лет дело дошло до разъединения и самостоятельного развития школьного дела в этих двух краях. Между прочим, в Герцеговине на первом этапе обучение грамоте и начальное школьное образование совершалось на частной основе, когда отдельные грамотные торговцы или ремесленники, а иногда еще и бродячие учителя обучали грамоте небольшие группы детей по домам или на ступеньках магазина или мастерской.

Как и у православных, в некоторые католические школы приходили учиться малочисленные дети женского пола. Основание двух женских школ в Сараеве, прежде всего в 1858 г. школы Стаки Скендеровой, а затем женской школы (заведения) мисс Ирби и мисс Маккензи в 1869 г., использовали больше сербы, ибо хорваты, по требованиюfra Грги Мартича, забрали своих девочек из школы мисс Ирби из страха попасть под протестантское влияние. Между тем францисканцы способствовали, хотя и с опозданием, в течение нескольких лет строительству 6 женских школ для детей-католиков, во главе которых поставили сестер ордена св.Винки из Загреба. Первая такая школа, открытая в Сараеве в 1871 г., благодаря тому,

что обучение в ней проводили сестры, подготовленные к этому призванию и включившие в программу ручной труд, быстро завоевала авторитет, так что и мостарские францисканцы уже в следующем году основали подобную школу²⁹. Вслед затем были основаны женские школы в Доце под Травником и Дервенте, Бенялуке и Ливно. Специфической особенностью женских католических школ было то, что обучение проводилось по образцу хорватских школ с широким применением ручного труда, особенно вдохновлявшее родителей, что уровень обучения, в том числе и кадры, был более высок по сравнению с мужскими школами. Важно упомянуть, что эти школы посещали и православные, а иногда даже девочки-мусульманки.

Когда речь идет о хорватском школьном деле в Боснии и Герцеговине, нужно привести и еще один тип школы, так называемые реальные училища. Как мы указывали выше, сербы в Сараеве в 1855 г. основали Большую гражданскую школу. По тем же причинам фра Гrgo Martic, сараевский католический приходской священник, открыл в 1865 г., как он говорит, "малый институт", относительно небольшую реальную гимназию (училище)³⁰. Несмотря на то, что вначале она получила помощь от турок, от всех консулов и частных лиц, все же школа едва дотянула до конца турецкого управления. И эта сараевская, и ранее, в 1853 г. основанная реальная гимназия в Ливно, и открытая в 1871 г. в Фойнице приоравливались к требованиям торговцев, содержащих их. Зато в этих школах изучался иностранный язык, преподавалась более широко математика и давались другие знания, необходимые для включения ученика в разные виды хозяйственной деятельности, которые тогда развивались. Несмотря на острую потребность в таких школах, они никогда не стали средними школами, подобно тем, которые в то время существовали в Хорватии и Воеводине. Обычно они работали как продленные начальные школы с первым, вторым или самое большое третьим классами.

В целом видно, что у хорватов в Боснии и Герцеговине, начиная с 50-х гг. прошлого века, развилась довольно густая сеть начальных школ, в чем в первую очередь заслуга

францисканцев и меньшая – торговцев и ремесленников, как было в случае с сербами. Согласно данным В.Клаича, которые в основном совпадают с официальными сведениями австрийских властей в Боснии и Герцеговине, наличие католических начальных школ по санджакам выглядело так: Сараевский санджак – 7 школ, из которых одна женская; Травникский санджак – 14 школ, среди которых католическая школа в Доце под Травником самая большая в Боснии и насчитывает 120 учеников и учениц; Зворнический санджак – 7 школ; Банялукский санджак – 7 школ и в Бихачском округе – 1 школа. Всего, следовательно, в Боснии было 32 францисканские школы и 4 школы святых сестер³¹.

В Герцеговине, согласно тому же источнику, действовало 5 католических школ. Опубликованные несколько позднее сведения говорят о том, что оккупационные власти в Боснии и Герцеговине застали 54 хорватские школы с 2 295 учениками³².

Мусульмане в Боснии и Герцеговине, несмотря на принадлежность к господствующей религии, имели самый низкий уровень начального образования. С приходом турок в эти края, еще с середины XV века открывались здесь начальные религиозные школы, так называемые субъян мектеби. В них обучали арабскому письму, правильному чтению Корана и религиозных заповедей. Наряду с этим учителя-ходжи вели уроки нравственности и наставляли учащихся "что есть добро, а что наоборот зло, и чего нужно избегать, приводя им во всех случаях примеры из жизни"³³. Именно такие школы, позднее не признанные Австро-Венгрией за начальные, распространялись по Боснии и Герцеговине и охватили большинство мусульманских детей; так в 1873 г. их было 825 с 34 256 учащимися, из которых 9 650 девочек. До оккупации это число выросло еще более³⁴.

Для развития средних школ у мусульман больше других сделал визирь Топал Осман-паша (1861-1869), имеющий заслуги в основании и других культурных институтов. В Сараеве он основал первую читальную (кираат-ханы), а затем руждие (среднюю школу) и административно-правовую школу (мектеб-и

хукук) для обучения чиновников³⁵.

Аналогично показанному выше развивалось школьное дело у евреев. В ⁷X в. они основывали свои религиозные школы, называвшиеся мелдер, сходные с мусульманскими школами, но без права посещения их еврейскими детьми женского пола. Главная задача этих школ состояла в обучении чтению и перевodu еврейской священной книги "Талмуд", а позднее входило и освоение так называемого ладина письма, которым пользовались евреи, переселившиеся из Испании в Боснию во второй половине ⁸XVI в. и долго державшиеся испанского языка³⁶.

Как мы показали, начальное школьное образование в Боснии и Герцеговине развивается лишь после 1850 г., после введения реформ, но далее без организованной помощи государства оно было предоставлено только инициативе горожан и религиозных общин. Несмотря на то, что сделаны были значительные шаги, эта система школьного образования не могла, тем более за краткое время, дать больших результатов и вывести народ из отсталости, свидетельством чего является тот факт, что новый захватчик застал весьма низкий культурный уровень населения с неграмотностью около 90 процентов.

Периодическая печать, как эффективный вид просвещения, появилась в Боснии и Герцеговине с большим запазданием, спустя почти век после появления печати в наших землях. Условием для распространения газет и журналов были типографии, которые в Боснии возникли только в конце турецкого управления. Опять в этом деле первопроходцем оказался францисканец Юкич, пытавшийся еще в 1847 г. основать типографию, но в этом не достиг успеха. Позднее, в 1853 г. подобную инициативу повторил боснийский францисканец из провинции Андрија⁷ Куонджич, который застраховал себя даже обученным в типографии Л. Гая в Загребе печатником Каичем, но и эта попытка провалилась.

Если Юкич в упомянутом меморандуме "Просьбы и желания христиан в Боснии" требовал основать типографию на госу-

дарственным счетом, как необходимую каждому народу. "если правительство хочет развития", то Кюнджич выдвигал идею передачи типографии католическому духовенству, "которое всегда питает лояльную симпатию в отношении Высокой Порты"³⁷. И тот, и другой предполагали в духе иллиризма вести работу по просвещению широких масс, но вопреки официальным обещаниям турецкая власть не разрешала основание типографии вплоть до принятия конституционного закона 1865 г., по которому предусматривалось право каждого вилайета иметь свою типографию. Так, через 20 лет после инициативы Йкича, в 1866 г., наконец, Босния получила свою типографию и создала условия для печатания газет и книг. Вначале типография была собственностью Игната Сопрона из Земуна, который по требованию Топал Осман-паши построил эту типографию в Сараеве, но вскоре она перешла в собственность вилайетского правительства и стала называться Вилайетской типографией³⁸.

Если первый литературный журнал, посвященный проблемам Боснии, "Босански приятель", основателем и редактором которого являлся Франко Йкич, печатался в Загребе, то первая газета появилась в апреле 1866 г. на боснийской почве под названием "Босански вестник". Когда Игнат Сопрон оговоривал условия основания типографии, он потребовал и права издания информационно-политической газеты. Так в тот же день, когда открылась типография, появился и "Босански вестник", первая газета в Боснии и Герцеговине, имевшая большое значение не только потому, что была первой, но и благодаря публикации многочисленных материалов, отражавших картину того бурного времени, от которого сохранилось немного письменных документов. Заслуга в этом принадлежит исключительно Сопрону. Он был и владельцем, и редактором газеты. Он собрал значительное число сотрудников из разных мест, среди прочих были учитель Теофил Петранович, писарь Беговой джамии в Сараеве, писатель и историк по имени Мувекита, учитель Милош Мандич и др.³⁹. Согласно программному заявлению, опубликованному в первом номере

газеты, ее цель – просвещение, образование и распространение полезных знаний среди всех сословий. В политическом плане газета хвалила новую организацию управления в Боснии и Герцеговине, заговаривала об автономии в рамках существующей системы. Особенно подчеркивалась забота о просвещении: "Но будем школе наше внимание уделять..."⁴⁰

Всего вышел 51 номер, однако не все номера сохранились. С отъездом Сопрона из Сараева перестала выходить и первая боснийская политическая газета.

Вскоре после "Босанского вестника", с мая 1866 г. в типографии Сопрона стала печататься официальная газета "Босна", ради которой типография и была основана. Эта газета выходила без перерыва до конца турецкого управления и в основном публиковала законы и распоряжения, но вместе с тем давала и краткую информацию из политической, экономической и культурной жизни. Она выходила на 4-х страницах: 2-х внутренних на турецком языке в арабской графике и 2-х наружных на сербскохорватском языке на кириллице. Хотя по содержанию "Босна" далеко отставала от "Босанского вестника", она все же имела большое значение, если учесть, что в определенное время это была единственная в Боснии и Герцеговине газета⁴¹.

Сопрон не мог удовлетворить ни турецкие власти, ни национальные движения с их газетами в Сербии и Хорватии и должен был оставить Сараево, что обусловило прекращение издания газеты. Общественность, которая уже привыкла к получению информации, ощутила пустоту, что первым понял редактор официозной "Босны" Мехмед Шакир Курчехаич, родом из Бело поля. Он учреждает новую политическую газету под названием "Сараевски цветник", по профилю подобную газете Сопрона, однако намного менее независимую от турецкой власти. Газета выходила один раз в неделю и как "Босна" на тех же двух языках и графике. "Сараевский цветник" просуществовал три с половиной года и, учитывая, что он сохранился в полном комплекте, в настоящее время представляет собой важный источник для изучения условий жизни

в Боснии и Герцеговине в самом конце турецкого управления⁴². Наряду с этими тремя газетами в 1876 г., когда Герцеговина выделилась в особый вилайет, в Мостаре начала выходить официальная вилайетская газета "Неретва", учрежденная на тех же основах, что и "Босна". Для этой цели из Сараева был привезен комплект типографского оборудования, а для редактирования газеты были приглашены Мехмед Хулузи и в качестве переводчика Йозеф Алкалай⁴³.

Примечания

1. Из старой литературы по этому вопросу см.: Popović V. Istočno pitanje, в из новейшей - Alicic A. Uredjenje Bosanskog sjesta od 1789-1878. Sarajevo, 1983, s. 54-60.
2. Alicic A. Uredjenje..., s. 60-64. Šljivo G. Omer paša Latas. Sarajevo, 1977.
3. Alicic A. Uredjenje..., s. 76-77. См. также сборник: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и России. 1850-1864. М. 1985. Док. 52. Игнатьев - турецкому министру иностранных дел Фуад-паше, 14 сентября 1856 г. (даны по старому стилю).
4. Bogicević V. Gradja za proučavanje ekonomskih odnoga u Bosni i Hercegovini pred ustanak 1875-1878. // Godisnjak istoriskog drustva, 1949, s. 231.
5. Gilferding A. Putovanje po Hercegovini, Bosni i Staroj Srbiji. Sarajevo, 1972.
6. Arhiv Bosne i Hercegovine (АВН), звс, фас. 1878/79. Оберлейтенант Густав Риттер фон Тёммерль. Характеристики топографических, статистических, административных, экономических, этнографических и политических, затем церковных, наконец, материальных и других отношений боснийской провинции. 1 мая 1878 г., приложение к Меморандуму об оккупации Боснии и Герцеговины.
7. Madžar B. Borba Srba Bosne i Hercegovine za vjersku prosvetu i autonomiju. Sarajevo, 1982. См. соответствующую главу.
8. Skaric V. Sarajevo i njegova okolina od najstarijih vremena do austrougarske okupacije. - In: Izabrana djela, I. Sarajevo, 1985.
9. Madžar B. Borba...
10. Besarović R. Vaso Pelagić. Sarajevo, 1951, s. 30-46.
11. Arhiv Srpske akademije nauka, Zbirka Jovana Ristića, XXXVI/2. "Pelagićeva molba bosanskom valiju Safet paši iz 1869." О суде над Пелагичем см.: Освободительная борьба, док. 98. Донесение консула Кудрявцева Н.П.Игнатьеву от 2 апреля 1869 г.
12. Skaric V. Sarajevo..., s. 251 (цит.: Maurer. Reise durch Bosnien, Savaländer und Ungarn, s. 366-367).
13. Papic M. Istorija srpskih škola u Bosni i Hercegovini Sarajevu 1978, s. 85.
14. Ibid., s. 84-85.
15. Pejanović Dj. Srednje i stručne škole u Bosni i Her-

- cegovini, Sarajevo, 1955, s. 35
16. Papic M. Istorija..., s. 86-87.
17. Освободительная борьба..., док. 130. Донесение Щулеп-
никову Ковальевскому от 9 марта 1860 г.
18. См.: капитальный труд для изучения культурной деятель-
ности францисканцев в Боснии и Герцеговине: Jelenić Ju.
Kultura i bosanski franjevcii, I., II.
19. Papic M. Hrvatsko školstvo u Bosni i Hercegovini do
1918 g. Sarajevo, 1982, s. 25-27.
20. Ibid., s. 31.
21. "Bosanski prijatelj", I, s.134.
22. Papic M. Hrvatsko školstvo..., s. 32-33.
23. ЏМТ. ПО : Papic M. Hrvatsko školstvo..., s. 33.
24. Bogicević V. Istorija razvitka osnovnih škola u Bosni
i Hercegovini od 1463-1918, s.12-15.
25. Drlić R., dr. fra. Kratak pregled katoličkog pučkog
školstva u Bosni kroz 19. vijek, s. 169.
26. Ibid., s. 170.
27. Papic M. Hrvatsko školstvo..., s. 36-37.
28. Ibid., s. 41-43.
29. Ibid., s. 50-57.
30. Ibid., s. 64-65. См. также: Skarić V. Sarajevo., s.251.
31. Klaic V. Bosna. Zagreb, 1878, s. 140-141.
32. Školski vijesnik, Sarajevo, 1894.
33. Bogicević V. Razvitetak osnovnih škola, s. 112.
34. Ibid., см. также: Klajic V. Bosna, s. 139.
35. Skarić V. Sarajevo..., s. 250-251.
36. Bogicević V. Razvitetak ..., s.126-131.
37. Kreševljaković H. Od Sopronove do Islamske štamparije.
Novi Behar, N.16-17, 1931. О развитии типографского дела см:
Pejanović Dj. Stamparije u Bosni i Hercegovini 1529-1951.
38. Kreševljaković H. Od Soprenove do Islamske štamparije.
39. Krusevac T. Bosanskohercegovacki listovi u 19. vije-
ku. Sarajevo, 1978, s. 27-40.
40. Ibid., s. 31-32.
41. Ibid., s. 41-49.
42. Ibid., s. 50-62.
43. Ibid., s. 63-65.

СТАНКО НЕРАЗИЧ

НАЧАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ СЕРБСКО-ПРАВОСЛАВНЫХ ОБЩИН
В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ (1850 - 1875)

Турецкая оккупация Боснии и Герцеговины (вторая половина XIX века) прервала тогдашний ход развития культуры, которая пестовалась при дворах феодалов и в монастырях. Новопоставленная власть не имела заинтересованности в развитии грамотности и образования среди местного населения, но своей организацией власти и общественных отношений она создавала на территории Боснии и Герцеговины новые структуры цивилизации. Церковь же как единственный остававшийся феодальный институт более раннего времени так или иначе сохраняла и продолжала народную и религиозную традиции. Положение сербского народа и православной церкви на покоренных землях не давало надежд на развитие культуры. Под бдительным присмотром власти церковь могла лишь приспособливаться к общим обстоятельствам и свести свою просветительскую миссию только к подготовке молодых людей к священническому призванию. В монастырях готовилась и собиралась обученная грамоте молодежь для священнической профессии и реже — пригодная к искусству и умению переписывания книг. Ироничеры отмечали, что в середине XIX в. было очень мало грамотных священников, а А.Ф.Гильфердинг, русский консул в Сараеве 19 марта 1859 г. опубликовал в газете "Санкт-Петербургские ведомости" обзор состояния православных церквей в Герцеговине, где показывает бедное положение, в котором они находятся. Митрополиты-фанариоты часто за вознаграждение в деньгах возводили в сан священника даже неграмотных крестьян. Священник в середине XIX в. оставался еще в основном крестьянином, и мало кто из среди духовников мог быть учителем. Традиция православия была сохранена благодаря монастырям, которые одни оставались очагами религиозной жизни.

Вплоть до середины XIX в. сохранилось мало документов о сербских православных церквях и школах. Все, что сделано

предшествующими исследователями дает лишь фрагментарную картину начального образования у сербов в Боснии и Герцеговине до 60-х гг. XIX в. Самые старые известия о школах и учителях относятся к концу ХVII – началу ХVIII в. и дают только упоминания о том, что в Сараеве, Ливно, Тешне, Мостаре и Требинье существовали школы. Фрагментарность этих данных указывает, что в то время речь могла идти исключительно о религиозных наставлениях и получении элементарной грамотности очень малым числом детей, а чаще всего имелось в виду обучение чтению церковнославянских текстов.

В середине XIX в. возникло несколько существенных факторов, которые обусловили относительное улучшение положения православной церкви и качественно новое развитие сербских конфессиональных начальных школ.

Перемены в правовом устройстве Турско-турецкого государства идут на пользу развитию конфессиональных школ. Хатт-и хумайюном 1856 г. провозглашается своего рода религиозная толерантность, а Закон о просвещении 1869 г. юридически упорядочивает деятельность школ (в силу специфических условий в Боснии и Герцеговине этот закон не влиял на положение конфессиональных школ).

Активность дипломатии европейских стран и России после Крымской войны также влияла на то, чтобы общие условия для работы школ отшли более ононими. Консульства в Сараеве и Мостаре, которые открыто русское правительство, долгое время оказывали разнообразную помощь православным монастырям, церквам и школам, главным образом деньгами и книгами. При этом европейская общественность, посредством консульских служб, получала достоверную информацию о положении и событиях в Боснии и Герцеговине. Все это, конечно, положительно влияло на известную либерализацию политических условий в Боснии и Герцеговине.

По данным 1878 г. в Боснии и Герцеговине было 495 000 жителей – сербов православного вероисповедания. В подавляющем большинстве сербское население проживало в селах, в основном на положении кметов. Города были малонаселенны-

ми, но в более крупных из них уже образовывались сербские центры (вароши) с довольно зажиточным слоем торговцев и ремесленников. Особенно усиливается экономически слой торговцев в Сараеве, Ливно, Мостаре, Тузле, Банялуке и Травнике. Богатые торговцы стоят во главе церковных общин и реально становятся политическими представителями сербского народа. Под их руководством и на их попечении находятся и конфессиональные школы. В одной газетной корреспонденции из Банялуки о жизни банялукских сербов, которую опубликовал "Глас народа" в Нови Саде (№ 49, 1874 г.) дается следующее описание: "Здесь, сербы в большинстве своем богатые торговцы, их дома самые красивые. Новые дома строятся по европейскому образцу, все в один этаж и по-европейски обставляются... Все богатство в сербских руках. Девушки и женщины все в дукатах".

Православные владыки, за некоторым исключением, стояли на пути прогресса конфессиональных школ. Они даже попытались ввести в богослужение греческий язык, и по гому частям были столкновения сербско-православных церковных общин и митрополитов. По соглашению сараевской церковной общин и митрополита от 13 июля 1841 г., митрополит обязывался: "Третье, в дела церковных общин по вопросам греческих учителей или школ я не вмешиваюсь"¹.

Церковные общины заботились о содержании начальных школ, об оплате учителей и получении школьных учебников. Можно утверждать, что с 1851 г. в работе начальных школ появилась качественно новая характеристика. До этого времени все расходы по обучению детей (или часть этих расходов) несли родители, а за самых бедных детей всю или большую часть оплаты вносила церковная община. Сараевская сербско-православная община имела солидные финансовые возможности, и поэтому в мае 1851 г. она посредством добровольных пожертвований основала фонд для содержания сербских школ, в сентябре был избран специальный комитет для осуществления заботы о школе. С основанием особого фонда отпала обязанность родителей платить учителям за своих де-

тей². Примеру сараевской церковно-православной общины последовали общины и в других больших городах (Мостар, Ливно, Травник и других). Между тем нужно отметить, что еще долго держалась прежняя практика, особенно в селах, когда средства на обучение детей в школе вносили сами родители. Во многих конфессиональных школах оставались учителями сельские священники или ремесленники, которые знали только читать и писать. Родители учеников платили им в основном натурой. Хотя подобные школы также проходят под общим названием сербско-православных школ, работали они нерегулярно и с достаточной долей импровизации.

Школьными комитетами руководили видные торговцы и ремесленники, а один из членов школьного комитета являлся управителем школы. В компетенцию комитета входило посредством конкурса или путем непосредственного соглашения нанять учителя и уговориться с ним как о размере вознаграждения за его труд, так и об его обязанностях по работе с детьми. Комитет организовывал и профессиональный надзор за работой учителя, награждал его или отстранял от дела в зависимости от результатов, которых он достигал в работе. Помимо всего остального учителя должны были один или два раза в год продемонстрировать публично, для горожан развитие и успехи своих учеников.

Основание особых фондов для финансирования затрат школы и школьных комитетов показывает известную автономность школы в рамках сербско-православных церковных общин. Школы и далее оставались под общим надзором церкви вплоть до 1873 г. В тот год скопщина Дабробосанской епархии в Сараеве послала просьбу турецким властям о том, чтобы сербским школам в Боснии и Герцеговине предоставить статус автономности. Турецкие власти это предложение приняли³.

На основе прогрессирующего развития конфессиональных начальных школ, автономия сербско-православных церковных общин расширилась еще на одну сферу их деятельности, и отныне она появляется в двойном определении – как церковно-школьная автономия.

В 1851 г. начальные конфессиональные школы развиваются согласно стандартным школьным инструкциям с утвержденной учебной программой и режимом обучения. В начале этого периода программы были совершенно простыми и являлись некоторой комбинацией элементарных религиозных поучений и обучения основам грамотности. Поскольку учебные планы представлялись на рассмотрение и одобрение властям, сохранилось несколько учебных планов разных лет. Из учебного плана сербской начальной школы 1853 г. видно разбделение предметов по классам (разрядам), а именно: I класс - Букварь, знакомство с письмом, арифметика и молитвы Закона божьего; II класс - катехизис, книга для чтения, часослов и арифметика; III класс - география,bosнийский язык и молитвы из Закона божьего; IV класс - грамматика bosнийского языка, грамматика немецкого языка, грамматика итальянского языка, арифметика, география, история, зоология и катехизис. В последние годы турецкого владчества учебный план начальной школы несколько изменился и стал следующим: I класс - Букварь, книжка для чтения, счет; II класс - славянский букварь, сербская первая книга для чтения, краткая история церкви, молитвослов и счет; III класс - вторая книга для чтения, катехизис, часослов и счет; IV класс - письменные работы, сербская грамматика, третья книга для чтения, история сербского народа, география и счет⁴. При сравнении этих двух учебных планов очевидно, что в первом из них родной язык называется bosнийским языком, и история преподается общая. В старом же учебном плане совершенно определенно называются сербский язык, сербская книга для чтения, сербская грамматика и история сербского народа.

Власти терпели деятельность школ и религиозные функции церкви в тех рамках, которые они понимали как обязанность лояльного поведения по отношению к империи. Они стремились препятствовать политическому влиянию церкви, а еще больше школы, на пробуждение и развитие сербского национального сознания. Понимая значение такого рода возможностей у властей в отношении публичного проявления сербских националь-

ных взглядов, школьные комитеты приспосабливались к ситуации, представляя властям учебный план с названиями таких предметов, какие тех устраивали.

Открытие все большего числа сербских конфессиональных школ не являлось волей турецкой власти. Церковь и школа всегда представляли собой сильный связывающий фактор национального движения, в котором учителя, как правило, национальное дело понимали как свою обязанность. Ахмед Рашид-эфенди однажды говорил фра Грге Мартичу: "Некоторые влахи строят церкви на каждой улице и не строят школ, а когда истратятся на церковь, тогда уже нет средств на создание школы"⁵.

После опубликования конституционного закона в июне 1865 г. вилайетская реорганизованная управа выказывает большое рвение в проведении централизации управления, в обуздании и уничтожении сербской национальной мысли и усилении турецкой государственной идеи. Признаки этой политики появляются постоянно, например, в известном деле с учениками в 1865/66 гг., когда некоторые учебники из Сербии были запрещены за то, что они содержали, по оценке властей, материалы пропагандистского национального характера. Дело завершилось запрещением на короткое время деятельности сараевской начальной школы; по тем же причинам закрыли в 1867 г. сербскую читальню в Сараеве⁶.

Для начальной школы нового профиля нужны были образованные учителя, а таких лиц в Боснии и Герцеговине было совсем мало. В Семинарии, которую в 1866 г. основал в Банялуке Васа Пелагич, ученики готовились к должности и священника, и учителя. Большое число учителей приезжало в Боснию из Далмации, Воеводины и Сербии. В сараевской сербской школе с 1850 г. и до австро-венгерской оккупации работало всего 39 учителей, и более половины из них прибыло из названных краев⁷. Одним из аргументов, которым пользовалась турецкая власть для изгнания учителей, казавшихся ей политически неблагонадежными, являлось их иностранное подданство. Из сараевской сербской школы было изгнано два учите-

ля: в 1869 г. Боголюб Петранович, один из известных сербских писателей, и в 1873 г. Яков Вукович. В последующие годы были изгнаны и заменившие их преподаватели. Считается, что по приказаниям местных пашей и митрополитов сараевская община за период с 1849 до 1873 г. должна была сменить 35 учителей⁸.

Аресты и ссылки учителей стали своеобразным и постоянным способом оказания давления на школьные комитеты и сербское общество. Учителя подозревались и обвинялись в приверженности сербским националистическим или славянофильским организациям, в том, что они своей пропагандистской работой способствуют разрушению турецкого государства. Хорошо известны гонения на Васу Пелагича, но и в других местах Боснии и Герцеговины вершились изгнания и аресты учителей и священников. В. Скарич сообщает, что "в начале 1870 г. были доставлены под стражей из Мостара в Сараево Серафим Перович, игумен монастыря Йитомыслич, и мостарский приходской священник Леонтий Радулович и его брат, бывший учителем в Мостаре. Они обвинялись в том, что являлись членами некой славянской организации, разветвленной по Балканскому полуострову"⁹. В сборниках документов "Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия (1850-1875)", которые выпустила в свет "Наука" в Москве, большое число документов говорит об изгнании с должностей учителей в Боснии и Герцеговине, в первую очередь тех, которые пользовались в народе большим авторитетом.

Достоверных данных о работе школ за рассматриваемый период не существует, т. к. школы не вели летописей. Наиболее ценным источником являются расчетные книги школьных комитетов и церковных общин, позволяющие реконструировать один из вопросов школьной деятельности. Школьные книги покупали как всякие другие товары, доставляли их торговцы из Триеста, Вены, Нови Сада и Белграда. Церковные книги поступали из России и использовались в обучении церковнославянскому языку, вернее для получения основных религиозных знаний.

После открытия вилайетской типографии в Сараеве среди

первых изданий стоит букварь, который подготовил Милош Мандич (1867 г.), затем вышли еще некоторые учебники. Издания для школьных потребностей распространялись бесплатно или за минимальную цену, которая бралась как бы за доставку книг со стороны. В школьных книгах, издававшихся в типографии Сопрана в Сараеве, не обнаруживается текстов, которые служили бы основой национального воспитания.

В начальном обучении применялись современные методы, школы были главным образом четырехклассные, учебный год начинался 1 сентября и завершался 30 июня.

Фонды школьных комитетов оплачивали все расходы за обучение учеников, и из них же выделяли специальные средства для награждения учеников за особо большие успехи.

До середины XIX в. школы работали в монастырях или в частных помещениях. С начала второй половины века началось интенсивное строительство школ в городах и улучшение условий для их работы. При значительно лучшей организации и в лучших условиях, чем ранее, работали школы в монастырях (Житомислич, Дужи). Школьные фонды самую большую часть средств получали в виде пожертвований от горожан. Школам периодически поступала помощь деньгами или учебниками из Триеста, Воеводины, Сербии и России. Иногда денежную помощь оказывали им и консульства (итальянское и французское). Однако самая значительная помощь школам в Боснии и Герцеговине шла из России. Русская императрица Мария ежегодно выделяла средства на содержание женской школы в Мостаре, а русское правительство из государственной казны содержало мужские школы в Мостаре и Житомисличе. Русский консул в Сараеве утверждал, что русское правительство до 1873 г. направило в помощь школам Боснии и Герцеговины свыше 20 000 рублей¹⁰. Сейчас трудно с точностью определить размеры помощи, которая в указанное время поступала в Боснию и Герцеговину. Часть помощи, предназначавшейся церквям, вероятно, тратилась на потребности школ. Так, архимандрит сараевский Сава Косанович в письме, с которым он обращался в Московский славянский комитет с просьбой об оказании по-

моши церквам и школам в Боснии (14 февраля 1873 г.), просил о выделении возможно большей денежной помощи, поскольку церковная община в Сараеве намеревалась построить здание и интернат для открытия гимназии, "которая могла бы как можно скорее обучить и отправить в народ несколько образованных священников и учителей"¹¹.

В некоторых городах в школах сербско-православных церковных общин обучались также дети родителей-католиков (Мостар, Тузла, Ливно)¹². Начальными школами в этих случаях было охвачено и значительное число девочек.

Согласно данным, которые дает австро-венгерское консульство в Сараеве, в 1874 г. в Боснии и Герцеговине было 56 православных начальных школ с 3 523 учениками и (772) ученицами. Однако В.Богичевич на основе достоверных сведений утверждает, что перед концом турецкого владычества в Боснии и Герцеговине было 45 городских и 48 сельских начальных сербских школ¹³.

Примечания

1. Bogičević V. Istorija razvitka osnovnih škola u Bosni i Hercegovini od 1463-1918. Sarajevo, 1965, s.31.
2. Skaric V. Sarajevo i njegova okolina. Sarajevo, 1937, s. 206.
3. Idem, s. 250-251.
4. Papic M. Istorija srpskih škola u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1978, s. 20-21.
5. Kruševac T. Afera s udžbenicima u srpskim školama 1865. In: Prilozi za istoriju Sarajeva. Sarajevo, 1966, s. 139.
6. Idem, s. 146.
7. Papic M. Istirija..., s. 21.
8. Kruševac T. Afera..., s. 149.
9. Skaric V. Sarajevo..., s. 244.
10. Tepejić I. Босна и Херцеговина у руским изворима 1856-1878. Сарајево, 1988, с. 537.
- II. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. М., 1988, с. 335.
12. Papic M. Istorija..., s. 39.
13. Bogičević V. Istorija..., s. 18, 65.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНО БОСНИИ И
ГЕРЦЕГОВИНЫ В 50-70 - X ГОДАХ XIX В.

Благотворительность в России являлась одним из проявлений активной деятельности общества. Особенно значительным это явление становится после Крымской войны, когда ширится движение благотворительности в отношении зарубежных славян, в орбиту которого включается и славянское население Боснии и Герцеговины, главным образом православного вероисповедания.

В свою очередь начинается национальное пробуждение славянских народов, входящих в состав Османской империи.

Процессы в славянских странах и так называемое славянское движение (т.е. движение в помощь зарубежным славянам) в России сливаются, и это дает ощутимые результаты.

Как известно, в этот период возникают и разворачивают свою деятельность специальные общественные организации – Славянские комитеты.

Основой для их формирования послужил дамский благотворительный комитет, образованный в 1856 году княгиней Васильчиковой и графинями Протасовой и Блудовой. Комитет ставил своей целью снабжение богослужебными предметами и книгами церквей и школ Балканского полуострова. В 1868 г. образовалось его Петербургское отделение, в 1869 г. – Киевское, в 1870 – Одесский комитет (официальное название – "Одесское славянское благотворительное общество им. св. Кирилла и Мефодия"). В своей деятельности Комитеты активно сотрудничали с Азиатским департаментом МИД. Славянские комитеты преследовали следующие благотворительные цели: 1. Снабжение славян денежными средствами на пользу церквей и училищ...; 2. снабжение их книгами, утварью и всем тем, что может способствовать поддержанию православия в отношении к церквам и училищам; 3. оказание помощи молодым славянам, приезжающим для образования¹.

Таким образом, Славянские комитеты ставили своей задачей способствовать духовному возрождению славян, развитию их культуры.

Одной из благотворительных форм деятельности Комитетов была помошь народному образованию Боснии и Герцеговины. И хотя этот вопрос уже привлекал внимание историков, тем не менее сама тема достаточно широка для последующих исследований огромного фактического материала, накопившегося в советских архивах².

В русле своей политики на Балканах начиная со II половины 50-х годов XIX в. российские министерства – Азиатский департамент МИД, Военное министерство, Министерство народного просвещения – и Синод выделяли определенное количество казенных вакансий для молодежи православного вероисповедания из Боснии и Герцеговины. В это дело активно включилась общественность. В 1859 г. при Московском Университете на частные пожертвования было создано общество для обучения южнославянской молодежи. С созданием Славянских комитетов это стало важной сферой их деятельности³. До 1869 г. учащихся из Боснии и Герцеговины в России было 19 человек. Молодые люди учились в Московском и Новороссийском университетах, в Киевской духовной академии, Медицинской академии в Петербурге, Одесском университете⁴. Среди них наиболее выдающимися были В.Пелагич, И.Дреч, И.Пичета, И.Лепова, Г.Филипович. В общей сложности на их содержание было истрачено 27200 рублей⁵. Учеба в России, знакомство с русским общественным движением, с русской культурой, ознакомление с богатой русской и переводной литературой, сочинениями общественно-политического характера значительно обогатили этих бывших учащихся. Вернувшись на родину, они внесли значительный вклад в образование и культуру всего боснийско-герцеговинского общества. Следует отметить, что славянские комитеты не оставляли помошь своих воспитанников и в дальнейшем. Неоднократно В.Пелагич, И.Дреч, И.Лепова, Г.Филипович обращались к ним за помощью и получали ее книгами, деньгами, учебными пособиями⁶. Для оказания материальной помощи В.Пелагичу выкупалась часть тиража его кни-

ги (150 экз.) "Опыты прогрессивного развития народа и личности"⁷.

В деле помощи народному образованию Боснии и Герцеговины деятели из Славянских комитетов действовали в тесном контакте с дипломатическими представителями в провинции. Дипломаты тщательно собирали сведения по этой проблематике, совершая для этого специальные поездки. Сохранились и опубликованы два интересных документа о прямых ответах вице-консула в Мостаре Н.А.Иларионова⁸ и консула в Сараеве А.Н.Кудрявцева⁹ на запросы Комитета. В них не только ставится вопрос о необходимости переноса центра тяжести в помощь на создание школ в провинции, но и обосновывается целесообразность направления русских пожертвований в эту сферу. "На собственные средства православных, в большинстве монастырей, нельзя никаким образом требовать устройства школ, а без помощи России они будут вечно находиться в настоящем невежественном состоянии... На помощь потребны не сотни тысяч, даже не десятки, а с 5-ю или 6-ю тысячами рублей ежегодного пособия можно вполне удовлетворить насущной потребности единоверцев наших" – писал Иларионов Игнатьеву¹⁰.

В архивах СССР сохранились обращения церковно-школьных общин к российским консулам из различных мест Боснии и Герцеговины Мостара, Сараева, Фочи, Высоко, Осечан, Требинья, Невесинья и др. с просьбами об оказании помощи в организации школьного дела, равно как и переписка наших дипломатов по этим обращениям с Азиатским департаментом МИД, Синодом и деятелями из Славянских комитетов. Большинство из этих просьб не осталось без ответа. В ряде случаев помощь шла от Славянских комитетов. Известно, например, что Петербургский славянский комитет оказывал с 1871 г. ежегодную помощь в 100 руб Невесинской школе. Помощь от Комитета оказывалась также Беранской школе¹¹.

Иногда помощь оказывал не комитет, а отдельные благотворители. Так член Петербургского комитета Н.А.Киреев выплачивал ежегодное пособие в 750 руб. на содержание женской школы в Сараеве¹². В феврале 1872 г. сараевская община на-

правила Н.П.Стремоухову письмо о благодарностью за оказание помощи школе благодаря пожертвованию Н.А.Киреева¹³. В последствии и сам Комитет начал выплачивать этой школе ежегодное пособие в 500 руб. Член Петербургского славянского комитета Посохов взял на себя устройство и содержание одной из школ в течение 3-х лет¹⁴.

Благотворительностью занимались и сами дипломаты. Например, Е.Р.Щулепников поместил за свой собственный счет пансионеркой в школу девочку-сироту. Плата была положена 2000 пиастров (100 руб.) в год. За эту плату девочки получали в школе учение, жилье, питание и одежду¹⁵.

Одним из направлений деятельности Комитета был сбор книг для православных училищ. Чаще всего снабжение литературой шло через частную благотворительность. Жертвователями являлись редакции журналов, книгопродащи, частные лица, а также сами авторы¹⁶. Естественно, поскольку дело касалось народного образования, то больше всего требовалось учебников. Эти запросы школ Комитет удовлетворял больше всего.

Сохранилось письмо учителей мостарской школы Й.Лепавы, Г.Филиповича и Р.Лазаревича в Петербургский славянский комитет с благодарностью за присылку книг¹⁷.

Известный архимандрит В.Пелагич неоднократно обращался в Комитет за книгами для училищ, наглядными пособиями для школ (глобусы, компасы, карты) и за литературой для себя лично. Он просил "Обзор современных конституций" А.В.Дохвицкого, "Историю интеллектуального развития Европы" Д.Дрепера, "Историю цивилизации Германии" И.Шерра, "Деятелей 1848 г." Ж.Вермореля, "Историю Американских Соединенных Штатов" К.Неймана, "Настольный словарь" Ф.Г.Толя" и др.¹⁸.

Вторым не менее важным направлением была поддержка бедной православной церкви, которая в то время, как известно, являлась в Боснии и Герцеговине хранителем национальной принадлежности и национальных традиций. Основной формой получения средств являлось право на сбор пожертвов-

ваний на территории России, которое получали церковные деятели Боснии и Герцеговины. И здесь с Синодом активно сотрудничали Славянские комитеты.

Так, в 1858 г. в Россию прибыл мостарский иеромонах Прокопий Чокорило для сбора пожертвований в пользу православных церквей и монастырей Герцеговины. В записке П.Чокорило от 25 февраля 1859 г. обер-прокурору Синода А.П.Толстому о нуждах православных церквей Герцеговины, иеромонахах, описывая крайне скучное состояние православной церкви в Герцеговине, поясняет, на что именно будут собираться средства:

Сооружение в Мостаре соборной просторной, поверх земли церкви Рождества, возврата покупкой или другим способом прилегавшую к ней землю; сооружение в Мостаре новой церкви во имя св.Троицы; сооружение церквей в окрестностях Мостара (в Дувне, Любушке, Белом поле, Старой Габелле, Борках); восстановление разоренных в 1853 и 1858 годах монастырей Косиерова, Добричева, Духи и Завала; довершение строения большой церкви в Фоче; пожертвование во все 155 церквей облачения, книг, и всего необходимого; строительство здания и образование в Мостаре училища. П.Чокорило опубликовал призывы о пожертвованиях в пользу православной церкви в ряде русских газет. В советских архивах хранятся списки добровольных пожертвований населения и Синода России на названные нужды. За период с 28 апреля по 28 июля 1859 г., согласно списку, составленному самим П.Чокорило, от частных лиц было получено пожертвований на сумму 374 руб. Кроме того, П.Чокорило получил пожертвования на организацию женского училища в Мостаре в размере 1200 рублей¹⁹.

В 1864-65 годах сбором пожертвований в России занимался настоятель монастыря Житомысличи Серафим Перович. Основной целью сбора было устройство духовной семинарии при монастыре. Вернувшись на родину, он немедленно приступил к исполнению намеченной цели, и вскоре в монастыре была открыта воскресная школа.²⁰

В дальнейшем эта школа оставалась в поле зрения российских консулов. Сохранилось письмо Иларионова в Московский славянский комитет с просьбой об оказании пособия житомыслической школе. "... в настоящее время в монастыре Житомысличи... на деньги собранные в России, устроена школа, имевшая образоваться в семинарию, но за неимением средств продолжающая быть простым училищем, одним впрочем из лучших". Просимое пособие, несмотря на недостаточность средств в самом Комитете, было выделено²¹.

16 сентября 1872 г. в Россию прибыл архимандрит Савва Косанович для сбора доброхотных пожертвований на покрытие долгов православной общины в г. Сараеве, произошедших от сооружения нового храма, а равно на необходимые преобразования в школах общины и на открытие первой гимназии²². Будучи в Москве С. Косанович обратился в Московский славянский комитет с просьбой о помощи православным церквам и школам Боснии²³. Ко времени своего возвращения в Сараево он успел собрать деньгами до 4500 руб. и около 10 ящиков с книгами, одеждой и утварью²⁴.

Еще будучи в России в сентябре 1873 года Косанович отправляет И. П. Корнилову письмо о благодарности за содействие успеху его миссии: "... в России мне был сделан весьма ласковый и радушный прием, а в особенности чувством такового расположения отличался Славянский благотворительный комитет в Москве. Успехом я очень доволен и думаю, что и мой народ будет доволен и благодарен России..."²⁵.

Вернувшись на родину, С. Косанович 5 мая 1874 г. сообщил И. П. Корнилову о глубокой признательности российскому народу за пожертвования в пользу общины и о результатах поездки. На собранные в России деньги община оказалась в состоянии купить два двухэтажных дома рядом с собором и в одном из них разместилось женское училище, имеющее до 130 учениц. Косанович выразил надежду, что в дальнейшем Славянский благотворительный комитет не откажет в покровительстве и помощи этому училищу для поддержания православия²⁶.

Помимо школ, монастырей, церквей собранные в России

средства или на оказание помощи населению, пострадавшему от неурожая, голода, эпидемий, пожаров и других бедствий. Первоначально из сумм, собранных в пользу сербских церквей, выделялась часть денег для боснийских²⁷. А с конца 50-х годов частная благотворительность России собирала средства специально для Боснии и Герцеговины²⁸.

Собранные в России суммы были довольно значительны. Возьмем, например, 1861 год. В мае – 5 тыс. отправлено в Мостар для разоренного христианского населения Герцеговины²⁹; в августе – по 2 тыс. серебром в Сараево и Мостар для вспомоществования христианскому населению, пострадавшему от турецкого гнета; в октябре – 1500 руб. серебром в помощь христианскому населению Мостара, пострадавшему от пожара³¹.

В 1867 г. после известия о неурожае и эпидемии холеры в Герцеговине русскими благотворителями было пожертвовано 2000 руб. Кудрявцев поручил раздачу коллежскому регистратору консульства Каподистрии, который на собственный счет вызвался совершить путешествие в Требинский и Пивлянский округа. Было решено, что Каподистрия будет раздавать помощь каждому пострадавшему и нуждающемуся семейству лично, что есть "наилучший способ достижения, с одной стороны, оказания помощи, с другой, цели для коей русский человек пожертвовал свою копейку. Предыдущие меры в раздаче милостыни свидетельствуют, что нельзя вручать денежные суммы в руки одного поверенного, большей частью монаха. Очень часто милостыни обращались в собственный капитал того лица, которому поручена была раздача..."³².

Сбор пожертвований производился и на церковные праздники. В письме члена Московского славянского комитета И. Четверикова в Комитет мы читаем: "В ознаменование дня тысячелетия памяти св. Кирилла, просветителя славянских народов, жертвуется от московских граждан утварь, ризница, иконы и богослужебные книги для православных церквей в Боснии..."³³.

Подведем некоторые итоги.

Со стороны России была оказана значительная помощь по линии благотворительности в пользу угнетенных славян Востока.

Можно выделить несколько форм благотворительной деятельности:

а) сбор средств в России русскими деятелями Славянских комитетов с публикациями в газете "День" и в отчетах Славянских комитетов;

б) пожертвование отдельных лиц;

в) сбор средств представителями славян из провинции.

Кто жертвовал? В славянских комитетах основными жертвователями были дворяне. В то же время, в советских архивах сохранились подписные листы из церквей. Одним из таких документов является лист 1860 г. Из него следует, что жертвователями были священники, чиновники, городские и сельские прихожане церквей, купцы. Из этой ведомости видно, что пожертвования собирались в различных местах России: Пермской, Костромской, Тверской, Новгородской, Саратовской, Таврической, губерниях³⁴.

Таким образом после Крымской войны благотворительное движение в России набирало силу. Кульминация его пришлась на 70-е годы — период боснийско-герцеговинского восстания и Восточного кризиса.

Предреволюционные годы во многом подготовили и предопределили широкое славянское движение в России в 70-е годы XIX века.

Примечания

- 1 Попов Н. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. В.1, СПб., 1871, с.127; Никитин С.А. Славянские комитеты в России. М., 1960, с.27, 36-40, 52-54.
- 2 Наиболее широко тема представлена в книге И.Тепича. См. Тепич И. Босна и герцеговина у русским изврима (1856-1878). Сарајево, 1988. Кроме того, этот вопрос нашел основательное освещение на нашем I "круглом столе" в докладах В.М.Хевролиной и С.Перазича. См.: Хевролина В.М. Документы архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50-70-х гг. XIX вв.; Регакић Б. Кањуј агреке православне цркве и Иван Ј. Негојево-

vini (1850-1875). Ін.: Medunarodni zavod za problemi istorije Bosne i Hercegovine. 1850-1875. Sarajevo, 1987.

- 3 Степанова Л.И. Вклад России в подготовку болгарской интелигенции в 50-70-е гг. XIX в. Кишинев, 1981, с.72-73, 80-83.
- 4 Кондратьева В.Н. Русская помощь Боснии и Герцеговине в деле народного образования в 50-70-е годы XIX в. В: Балканские исследования. Вып.6, Культура народов Балкан в новое время. М., 1980, с.233.
- 5 Док. № II5(кн.II)*
- 6 Док.№ I6I{I97 (кн.П)*
- 7 Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983, с.105.
- 8 Кондратьева В.Н. Русская помощь..., с.236-239.
- 9 Док.№ I15(кн.П)*
- 10 Кондратьева В.Н. Русская помощь..., с.234, подробнее см.:АНР, ф.ГА, у-А2, д.625, л.83-85.
- 11 Хевролина В.М. Документы из архивов СССР..., с.100.
- 12 Кондратьева В.Н. Русская помощь..., с.235.
- 13 Док. № I59 (кн.П)*
- 14 АВПР Ф.ГА У-А2 д.628, л.13 об.
- 15 Док. № I09 (кн.П)**
- 16 Никтин С.А. Славянские комитеты..., с.II7
- 17 Хевролина В.М. Документы архивов СССР..., с.100.
- 18 Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич..., с.42, 104-105.
- 19 Док. № I08 (кн.П) и примечания к нему.**
- 20 Док. № 3I (кн.П).*
- 21 АВПР. Ф.ГА У-А2, д.628, л.12-15 об.
- 22 Док. № I58 (кн.П).*
- 23 Док. № I9I (кн.П).*
- 24 Док. № 2I1 (кн.П).*
- 25 ЛИИА, ф.400, оп.1, д.8, л.54-55 об.
- 26 ЛИИА, ф.400, оп.1, д.8, л.69-70.
- 27 Док. № 7 (кн.П).*
- 28 Док. № I50 {кн.П}**:**
- 29 Док. № I6I {кн.П}**:**
- 30 АНР, Ф.ГА 1-1, д.37, л.74-74об.
- 31 Док. № I73 (кн.П).**
- 32 Док. № 57 {кн.П}.*
- 33 Док. № 92 {кн.П}.*
- 34 ЦИИА, ф.796, оп.141, д.1350, л.8 и об., 9 об.-II об.

* Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. М., 1988.

** Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1864. М., 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Экимович. Русские дипломатические документы о национальном сознании в Боснии и Герцеговине в 1850–1875 гг.	4
Д.Ф. Поплыко. К вопросу о формировании национального сознания народов Боснии и Герцеговины (1865–1875). По материалам советско-югославской публикации.....	27
В.И. Шеремет. Социально-политические аспекты освободительной борьбы Боснии и Герцеговины и других балканских земель в контексте Восточного вопроса и Танзимата. 1850–1870-е годы.....	36
И. Телич. О финансовом положении Боснии и Герцеговины в составе Османской империи 50–70-е гг. XIX в. в свете русских источников.....	74
Р. Петрович. Роль русского консульства в Дубровнике в развитии югославянско-русских отношений.....	96
В.М. Хевролина. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874 гг.).....	129
В.И. Косик. Австрийская политика в Боснии и Герцеговине. (По материалам советско-югославских публикаций документов).....	141

А. В. Карасев. Подготовка Сербии к войне с Османской империей в 60-х гг. XIX века.....	148
В. Маджар. Турецкие реформы и развитие некоторых культурных институтов в Боснии и Герцеговине в 1850–1870 гг.	160
С. Перазич. Начальные школы сербско-православных общин в Боснии и Герцеговине (1850–1875).....	176
Н. В. Кебакова. Благотворительная деятельность русской общественности относительно Боснии и Герцеговины в 50–70-х годах XIX в.	185

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Подписано в печать **28.03. 1991 г.** Формат 60x84/16
10,6 печ.л. 9,15 уч.-изд.л. Тираж 300 экз.

Цена **1р.60н.** Заказ № **46**

Участок оперативной полиграфии Института истории
СССР АН СССР 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

inlav